

**Насельницы Иоанновского
монастыря и Вауловского скита,
за Христа пострадавшие**

Рыбинск
2019 год

По благословению епископа
Рыбинского и Даниловского Вениамина

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви — ИС Р19-916-0607.*

М.В. Шкаровский
Насельницы Иоанновского монастыря и Вауловского скита,
за Христа пострадавшие.
Рыбинск, 2019

Издание посвящено судьбам пострадавших за веру насельниц Санкт-Петербургского Иоанновского монастыря и его Вауловского Свято-Успенского скита в XX веке. Все они были духовными дочерьми святого праведного Иоанна Кронштадтского и своей жизнью и самоотверженным служением Церкви доказали верность заветам пастыря. Подвиг этих монахинь, за редкими исключениями, ранее оставался неизвестным. Книга написана на основе большого количества новых архивных документов, в том числе архивно-следственных дел. Автором издания является известный церковный историк Михаил Витальевич Шкаровский. Книга предназначена для историков, священнослужителей и всех интересующихся историей Русской Православной Церкви.

© М.В. Шкаровский, текст, 2019.
© Рыбинская епархия, макет, 2019.

Оглавление

Введение.....	4
Вауловский Свято-Успенский скит.....	12
Глава I. Схиигумения Ангелина (Сергеева)	20
Глава II. Монахиня Анастасия (Платонова).....	90
Глава III. Монахиня Иоанна (Лежоева).....	118
Глава IV. Схиигумения Серафима (Голубева)	132
Глава V. Монахиня Евпраксия (Кононова).....	154
Глава VI. Монахиня Вероника (Враская-Котляревская).....	174
Глава VII. Игумения Вероника (Романенко)	190
Глава VIII. Инокания Екатерина Духонина.....	206
Приложение — статьи А.Ф. Платоновой (монахини Анастасии) о святом праведном Иоанне Кронштадтском	
Сокровенный сердца человек.....	218
Дерзновение в молитвах о. Иоанна	225
Пастырь-ревнитель	231
Жертва Богу	236

ВВЕДЕНИЕ

Беспрецедентные со времен преследования христиан в первые века нашей эры гонения на христианство в советской России стали причиной появления целого сонма пострадавших за веру, среди которых значительную часть составляли женщины. Между тем, их имена до сих пор в подавляющем большинстве остаются неизвестными. Так, из 35 тысяч с лишним священнослужителей, монахов и мирян, сведения о которых содержатся в базе данных Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, лишь около четырех тысяч составляют женские биографии.

В то же время, именно подвиг женщин во многом позволил Русской Православной Церкви выстоять в эпоху жестоких гонений. Они не только составляли большую часть паствы, но и преобладали среди членов приходских советов, особенно в конце 1930-х гг., когда многие из них подвергались репрессиям. Кроме того, тысячи жен, невест, духовных дочерей добровольно последовали за сосланными или арестованными священнослужителями в места отбытия наказаний и зачастую спасали их там (для сравнения, за декабристами в Сибирь последовали лишь девять жен и две невесты). Подвиг этих женщин, за редкими исключениями, остается неизученным.

Очень мало женщин и среди почти двух тысяч прославленных в лике святых новомучеников и исповедников Церкви Русской. Так, например, в Санкт-Петербургской епархии из 120 канонизированных новомучеников, не считая членов императорской семьи, имеется всего лишь пять женщин: великая княгиня Елизавета Федоровна, схимонахиня Мария Гатчинская (Леянова), члены Александро-Невского братства Екатерина Арская и Кира Оболенская, прихожанка Сергиевского всей артиллерии собора Анна Лыкошина. В то же время, в епархии было очень много достойных канонизации монахинь и мирянок. Среди них, в частности, насельницы Свято-Иоанновского монастыря.

Основанный святым праведным Иоанном Кронштадтским в Санкт-Петербурге в 1900 г. Иоанновский женский монастырь

Иоанновский монастырь. Почтовая открытка начала XX века

(первоначально в качестве подворья устроенного им Сурского Иоанно-Богословского монастыря) был любимым «детищем» пастыря. Разрешения Святейшего Синода, епархиального начальства и императора Николая II на устройство в столице (на набережной реки Карповки) подворья Сурского монастыря были получены в феврале — апреле 1900 г. Землю под строительство пожертвовал купец С.Г. Раменский.

Основные строительные работы начались весной 1900 г. и успешно закончились в очень короткий срок — всего за два года. Отец Иоанн с большим вниманием следил за ходом работ, святыми молитвами, благословением, заботами и трудами он старался как можно лучше обустроить обитель. Величественное четырехэтажное здание обители было построено в русско-византийском стиле по проекту епархиального архитектора Н.Н. Никонова в 1900–1908 гг. По ходатайству отца Иоанна Сурское подворье определением Святейшего Синода от 11 декабря 1902 с 15 января 1903 гг. было преобразовано в самостоятельный женский монастырь, названный Иоанновским в честь преподобного Иоанна Рыльского — небесного покровителя Кронштадтского пастыря¹.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 796, оп. 183, д. 1986, л. 6-6об.

Во имя этого святого был заложен первый храм обители в нижнем этаже здания. Отец Иоанн освятил его 17 декабря 1901 г. Со дня освящения малого храма в нем ежедневно совершалось богослужение. Всего год спустя — 17 декабря 1902 г. был освящен главный престол собора во имя Собора Двенадцати Апостолов с двумя приделами: правым — в честь Казанской иконы Божией Матери, а левым — во имя свт. Андрея Критского и прп. Марии Египетской (освященными в 1903 г. при участии отца Иоанна). Храм венчали пять мозаичных куполов с золочеными крестами, а на его западной стороне возвышалась пятиярусная колокольня с подбором из 13 колоколов.

С 1901 г. заведующей Сурским подворьем была одна из ближайших духовных дочерей отца Иоанна — монахиня Ангелина (Сергеева). 18–20 марта 1903 г. Святейший Синод постановил назначить ее настоятельницей Иоанновского монастыря, а 28 марта 1903 г. она была возведена в сан игумении². Еще при жизни Кронштадтского пастыря обитель стала вполне благоустроенной и находилась на полном самообеспечении. В ней проживало более ста насельниц. В монастыре были золотошвейная, белошвейная мастерские, лазарет на 10 коек, просфорная с двумя печами. Перед монастырем с восточной стороны был разбит сад, а с западной находился образцовый огород, с которого сестры ежегодно снимали большой урожай. Осенью 1903 г. отец Иоанн основал «новую ветвь» своей обители — Свято-Успенский скит в селе Ваулово Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии.

Сам пастырь любил называть себя «Божиею милостию строитель Иоанновского монастыря». Много трудов, тревог и забот принял отец Иоанн, стараясь устроить возможно лучше обитель, и возвысить духовную жизнь ее насельниц. Он часто говорил, что чувствует себя здесь, как в своем доме: пастырь приезжал в монастырь иногда усталый, измученный и отмечал, что он приехал отдохнуть душой. Эту поистине свою обитель праведник выбрал

² Церковные ведомости. 1903. № 3. С. 91.

Интерьер верхнего храма в Иоанновском монастыре

местом упокоения. 12 декабря 1904 г. о. Иоанн обратился к митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию с соответствующим особым прошением. Обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев довел о нем до сведения императора, и 15 декабря 1904 г. Николай II написал на его докладе: «Разумеется, желание почтенного отца Иоанна Сергиева будет исполнено»³.

В конце 1907 — начале 1908 гг. в монастыре (в крипте) была устроена церковь-усыпальница отца Иоанна Кронштадтского, освященная во имя св. пророка Илии и св. праведной царицы Феводоры (имена отца и матери батюшки). 22 декабря 1908 г. / 4 января 1909 г. прах святого праведного отца Иоанна был погребен в этом храме. Уже вскоре после кончины Кронштадтского пастыря его гробница стала местом паломничества для богомольцев со всех концов Российской империи.

³ Архангелов С.А. Плач над гробом молитвенника Русской земли. СПб., 1909. С. 30.

Определением Святейшего Синода от 15 января 1909 г. Иоанновский монастырь был возведен в первоклассный, «чести ради» почившего. Обитель быстро росла. Если в 1908 г. число сестер равнялось 135, то в 1911 г. оно превысило 200 человек. Из-за необходимости ежедневно совершать большое количество богослужений в 1910 г. церковный причт был увеличен до трех священников и трех диаконов. Настоятелем храмов обители со 2 марта 1907 г. до своей смерти в июне 1921 г. служил протоиерей Димитрий Андреевич Федоров, а в 1921–1923 гг. — родственник Кронштадтского пастыря протоиерей Иоанн Орнатский.

В Иоанновском монастыре продолжались строительные работы — были возведены новый корпус, две часовни и т.д. В августе 1913 г. игумения Ангелина обратилась с ходатайством о разрешении построить каменный трехпрестольный храм-усыпальницу на 500 мест для почитателей и благотворителей обители. 14 марта 1914 г. император Николай II письменно выразил свое согласие, и 20 мая Святейший Синод принял соответствующее определение, однако после начала Первой мировой войны все работы пришлось прекратить. Осенью 1914 г. при монастыре был создан лазарет для раненых воинов. Кроме того, в обители разместили детей-сирот из Галиции, эвакуированных сестер Леснинского монастыря, был организован приют дочерей Георгиевских кавалеров и т.д.⁴

К 1917 г. Иоанновский монастырь процветал. В нем проживало 304 насельницы, имелись золототшвейная, иконописная мастерские, своя типография, лазарет, просфорная и т.д. Однако уже через несколько лет после Октябрьского переворота — в 1923 г. — монастырь был закрыт. К счастью, его здание сохранилось. Возрождение Иоанновской обители произошло на рубеже 1980-х–1990-х гг.

Уже говорилось, что петербургский монастырь имел особое значение для святого праведного Иоанна Кронштадтского. Поэтому не случайно многие ближайшие духовные дочери о. Иоанна уже при

⁴ Шкаровский М.В. *Свято-Иоанновский ставропигиальный женский монастырь. История обители.* СПб., 1998. С. 87, 90, 100–101.

его жизни были, или со временем стали насельницами этой обители и его «отрасли» — Свято-Успенского Вауловского скита. Некоторые из них достойны того, чтобы написать о них отдельную книгу. Но в публикуемом издании приводятся жизнеописания только восьми монахинь, пострадавших за веру: первой настоятельницы Иоанновского монастыря схиигумении Ангелины (Сергеевой), его казначеи монахини Иоанны (Лежоевой), бывшей насельницы обители настоятельницы Благовещенского Воронцовского монастыря игумении Вероники (Романенко), заведовавшей Вауловским скитом монахини Евпраксии (Кононовой), духовных писательниц — монахини Анастасии (Платоновой), монахини Вероники (Враской-Котляревской), инокини Екатерины Духониной и расстрелянной в период «большого террора» схиигумении Серафимы (Голубевой).

Некоторые из новомучеников — духовных детей и сподвижников святого праведного Иоанна Кронштадтского уже канонизированы: митрополиты Серафим (Чичагов), Кирилл (Смирнов), протоиерей Философ Орнатский и др. Несомненно, что в будущем будут прославлены и духовные дочери Всероссийского пастыря.

В конце большинства глав приведены документы, связанные с судьбами монахинь, прежде всего, их переписка с отцом Иоанном. В качестве приложения публикуются четыре очерка А.Ф. Платоновой (будущей монахини Анастасии) о великом святом земли Русской из журнала «Кронштадтский пастырь».

Историография темы невелика. Прежде всего, это несколько статей о сестрах Иоанновского монастыря и брошюра о схиигумении Ангелине самого автора данной книги. Отдельные эпизоды биографий названных насельниц приведены в работах А.Э. Краснова-Левитина, А.А. Антонова, Н.А. Мещерского, митрополита Иоанна (Снычева), изданиях «Житие свящennomученика протоиерея Викторина Добронравова» (Сидней, 1991), «Успенский скит Санкт-Петербургского Иоанновского монастыря. 1903–2003» (М., 2003), «Святой праведный Иоанн Кронштадтский и Вауловский Успенский женский скит: Материалы Четвертых Свято-Иоанновских чтений на Романово-

*На торжестве прославления святого праведного
Иоанна Кронштадтского. 1990 год*

Храм-усыпальница в Иоанновском монастыре

Борисоглебской земле, посвященных 100-летию Свято-Успенского Вауловского скита» (Тутаев, 2004) и ряде других.

Ценным источником стали воспоминания и духовные произведения самих монахинь — Анастасии (Платоновой), Вероники (Враской-Котляревской) и инокини Екатерины Духониной.

В основном же в качестве источниковой базы были использованы материалы четырех архивов Санкт-Петербурга: Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, где были изучены десятки архивно-следственных дел арестованных и осужденных монахинь, а также Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Кроме того, привлечены материалы некоторых других архивов и периодической печати.

Автором книги является доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Михаил Витальевич Шкаровский.

Издание подготовлено при содействии сотрудников и дирекции Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (в фондах которого хранится большая часть документов по истории Иоанновского монастыря и жизни его сестер в советский период).

ВАУЛОВСКИЙ СВЯТО-УСПЕНСКИЙ СКИТ

Одним из важнейших церковных центров Рыбинской епархии и местом паломничества верующих является основанный более ста лет назад Вауловский Свято-Успенский женский скит. Старинное село Ваулово Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии с начала XVI века принадлежало известному дворянскому роду Алябьевых. Князь Василий Яковлевич Алябьев построил в селе деревянную церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери, но в 1729 г. она сгорела. Через 20 лет племянник князя, полковник Афанасий Иванович Алябьев, возвел на ее месте новую каменную двуглавую церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, с приделом святителя Николая Чудотворца, которая была освящена в 1751 г. В 1767 г. в селе появилась еще одна каменная зимняя одноглавая церковь во имя преподобного Александра Свирского, освященная 30 сентября. Ее устроителем стал племянник Афанасия Ивановича — поручик Василий Алексеевич Алябьев. Последним владельцем поместья был тайный советник и сенатор граф Владимир Павлович Мордвинов.

В Ваулово была церковно-приходская школа, и существовала традиция совершать с ее учащимися крестный ход в праздник святых Кирилла и Мефодия (сохранилось его описание в 1863 г.). В 1884 г. в Александро-Свирской церкви стараниями В.П. Мордвинова были сооружены новый престол и жертвенник, исправлен купол и вновь вызолочен крест. На доске бывшего жертвенника была написана икона Божией Матери «Знамение», в точную меру и подобие чудотворной иконы, находящейся в иконостасе Знаменского собора Новгорода, а на доске бывшего престола — икона Господа Вседержителя, сидящего на Престоле, списанная с мозаичного изображения в Софийском соборе Константинополя. Местночтимой иконой храма была Грузинская

икона Божией Матери. В 1892–1893 гг. при церкви преподобного Александра Свирского построили колокольню, на которую были подняты 14 колоколов. В начале XX века по заказу В.П. Мордвинова для Успенской церкви была написана икона «Благодатное Небо», с образа, который находится в иконостасе Архангельского собора Московского Кремля. Она была освящена на Леушинском подворье в Санкт-Петербурге, а затем торжественно доставлена в Ваулово⁵.

Как уже говорилось, создание Вауловского Успенского скита было связано с основанием святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским его любимого «детища» — Иоанновского женского монастыря в Санкт-Петербурге. В первой половине 1903 г. граф Владимир Павлович Мордвинов подарил пастырю свою усадьбу в селе Ваулово для устройства в ней женской обители. Сразу же после получения императорского разрешения на это пожертвование отец Иоанн решил основать при усадебном Успенском храме скит Иоанновского монастыря. 19 августа Ярославский окружной суд известил пастыря «о вводе во владение Иоанновского монастыря селом Вауловым и о выдаче исполнительного листа игуменьи Ангелине»⁶.

Вауловский Свято-Успенский скит был учрежден определением Святейшего Синода от 12 сентября 1903 г. Для начала общежития батюшка перевел из петербургской обители несколько сестер, опытных в иноческой жизни, а заведующей скитом была назначена тетя игуменнии Ангелины — монахиня Евпраксия (Кононова). С сентября 1903 г. монахиня успешно заведовала Вауловским скитом вплоть до его ликвидации советскими властями в 1919 г⁷. Отец Иоанн очень любил приезжать в скит и почти каждый год жил

⁵ См.: Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. К столетию основания / Сост. Т.И. Орнатская. М., 2003.

⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 2219, оп. 1, д. 76, л. 171, д. 41, л. 18.

⁷ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 19, оп. 113, д. 4213, л. 4–5.

Вауловский скит. Фотография 2016 года

в нем несколько недель, вкладывая всю свою душу в дело благоустройства этой дочерней обители⁸.

В январе 1919 г. в Ваулово прибыл отряд из Тутаевского уезда, направленный для ликвидации скита. Настоятель вауловских храмов священник Михаил Сретенский был вынужден покинуть обитель. Часть сестер вместе с монахиней Евпраксией перешли в Иоанновский монастырь, который просуществовал до 1923 г. Другая часть сестер осталась в Ваулово и ближайших к нему деревнях — Луканском, Ефилове и других.

Последней (тайной) заведующей скитом уже после его закрытия фактически была монахиня Магдалина (в миру Мария Григорьевна Панкратьева). В дальнейшем она отбыла восьмилетний срок ссылки в Средней Азии, и, вернувшись на родину, поселилась в маленьком домике, срубленном для нее братьями. По вечерам

⁸ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 2219, оп. 1, д. 71, л. 2, 16.

Паломники в Ваулово

у матери Магдалины собирались местные женщины, среди которых, вероятно, были и уцелевшие сестры из Ваулово.

В 1920-е гг. обе церкви скита оказались разорены. Семь икон, написанных на металле были переданы фабрике г. Тутаева «Тульма» на утилизацию, но дирекция фабрики временно задержала их как «незаконно туда попавшие». 25 февраля 1927 г. по просьбе приходского совета Воскресенского собора г. Романово-Борисоглебска (ныне Тутаева) все семь икон были переданы в этот храм. В числе этих икон был и чтимый Кронштадтским пастырем образ Божией Матери «Благодатное Небо».

Священник Михаил Сретенский после закрытия скита служил в храме села Никольского на Плесне Романово-Борисоглебского уезда, но в 1933 г. был арестован и сослан на три года в Казахстан. После возвращения из ссылки отец Михаил с семьей поселился в селе Новеньком, организовал там пасеку и стал работать пчеловодом. После смерти жены он служил священником в церквях Некоузского района, а затем — в Воскресенском соборе Тутаева.

К началу 1930-х гг. были полностью разрушены Успенская и Александро-Свирская церкви и разобрана каменная ограда скита. На основе вауловского хозяйства был организован животноводческий племенной совхоз № 20. В 1950-х–1960-х гг. в селе размещалась государственная конюшня, а затем совхоз «Ваулово», просуществовавший до конца 1980-х гг. В настоящее время хозяйство находится в ведении Тутаевского моторного завода⁹.

В 1997 г. в Ваулово по благословению архиепископа Ярославского и Ростовского Михея был организован православный приход в честь преподобного Александра Свирского, и началось возрождение этого святого места. Первыми молитвенниками и тружениками были ученики открытой в 1991 г. Православной школы г. Тутаева, небесным покровителем которой является святой праведный Иоанн Кронштадтский. Много труда положили они, чтобы очистить от мусора здания скита.

После завершения восстановительных работ в бывшем странноприимном доме была устроена домовая церковь в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского. Раскопки частично уцелевшего фундамента церкви преподобного Александра Свирского и сохранившиеся фотографии храма позволили архитектору Владимиру Медведеву выполнить проект его восстановления. В селе сохранился усадебный парк, имеющий статус особо охраняемой природной территории.

В июле 2003 г. в Ваулово было отмечено 100-летие со дня основания Свято-Успенского скита. На руинах храма преподобного Александра Свирского был воздвигнут алтарь. Божественную литургию совершил архиепископ Ярославский и Ростовский Кирилл. На праздник приехали гости из Санкт-Петербурга, среди них — внучатая племянница святого праведного Иоанна Кронштадтского Т.И. Орнатская. В Тутаеве состоялись Иоанновские чтения, где впервые были зачитаны письма, которые писал Кронштадтский пастырь, находясь на летнем отдыхе в Ваулово.

⁹ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 68–70.

Епископ Вениамин совершает молебен в Вауловском скиту

1 ноября 2005 г. из Воскресенского собора Тутаева в Ваулово была торжественно возвращена чтимая икона Божией Матери «Благодатное Небо», и установлен поклонный крест в липовой аллее, посаженной по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского. В 2007 г. был возрожден Свято-Успенский скит. В том же году в обители начали восстанавливать каменный храм в честь Успения Божьей Матери. К 2017 г. его внешний вид воссоздан по облику прежнего, к этому же времени была построена отдельно стоящая каменная колокольня. Восстановлением скита активно занимались настоятельница скита игумения Дамиана и две монахини.

В настоящее время Вауловский Свято-Успенский скит является Архиерейским подворьем епископа Рыбинского и Даниловского Вениамина. В обители действуют два храма: Успения Божьей Матери и домовая церковь святого праведного Иоанна Кронштадтского (в келейном корпусе). Адрес скита: 152325, Ярославская область,

Липовая аллея в Ваулово

*На молебне перед иконой Божией Матери «Благодатное Небо»
в домовом храме Вауловского скита*

Тутаевский район, п/о Столбищи, ц/у Ваулово, ул. Монастырская, дом 2.

В Вауловском скиту торжественно празднуют дни памяти его небесных покровителей — святого праведного Иоанна Кронштадтского и преподобного Александра Свирского. По липовой аллее, посаженной по благословию Кронштадтского пастыря, которую здесь называют «канавкой Дорогого Батюшки», верующие проходят с молитвой на устах. Помимо чтимой иконы Божией Матери «Благодатное Небо» в скиту пребывает и еще одна почитаемая святыня — камень из пещеры преподобного Александра Свирского на Валааме. Свято-Успенский скит вновь постепенно становится значимым центром церковной жизни ярославской земли.

Глава I

Схиигумения Ангелина (Сергеева)

Любимым «детищем» святого праведного Иоанна Кронштадтского был основанный им в Санкт-Петербурге в 1900 г. Свято-Иоанновский женский монастырь, где великий святой завещал похоронить себя после смерти. Во главе новой обители отец Иоанн мог поставить только очень близкого духовно и глубоко преданного ему человека.

Сразу же после получения в феврале — апреле 1900 г. разрешения Святейшего Синода, епархиального начальства и императора Николая II на устройство в столице (на набережной реки Карповки) подворья Сурского Иоанно-Богословского монастыря о. Иоанн благословил быть делопроизводительницей и наблюдать за постройкой здания подворья свою духовную дочь, много лет известную ему по благотворительной деятельности в Кронштадте Анну Семеновну Сергееву.

Она родилась 22 августа / 3 сентября 1867 г. в Санкт-Петербурге в семье купца Семена Игнатьевича Игнатьева, окончила с правами учительницы Литейную женскую гимназию, затем вышла замуж за временного 2-ой гильдии купца, владельца мастерской Михаила Артемьевича Сергеева, с которым счастливо прожила в браке около десяти лет. Своих детей у Анны Семеновны не было, и в мае 1898 г. она вместе с мужем удочерила только что (8 мая) родившуюся беспризорную девочку, которую назвали Надеждой. Супруги Сергеевы мечтали, что в дальнейшем у них будет много детей. Но тихая семейная жизнь оказалась не суждена будущей схиигумении. Господь готовил ее к другому служению. В конце 1899 — начале 1900 гг. в течение короткого времени у нее скончались отец, мать и муж. Унаследовав от мужа мастерскую и значительный капитал, Анна Семеновна могла бы безбедно жить в миру, но она избрала другой путь.

К тому времени А.С. Сергеева была давно знакома с Кронштадтским пастырем. Ее родители жили на Литейном проспекте, дом 13, недалеко от подворья Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря (на Бассейной улице), где со времени его основания в 1894 г. часто служил отец Иоанн. Вероятно, семьи Игнатьевых

и Сергеевых посещали эти богослужения, а, возможно и были прихожанами храма подворья.

После смерти родных молодая вдова осталась одна с маленькой дочкой на руках. «Анна Семеновна обратилась к отцу Иоанну с вопросом, как ей дальше жить. Батюшка не прямо, а как бы косвенно подводил ее к монастырю. Вначале он благословил свою духовную дочь поехать на его родину в Суру, в Сурский Иоанно-Богословский женский монастырь. Посоветовал потрудиться, помолиться, успокоиться. Потрудились она там, а дальше Батюшка вызывает ее в Санкт-Петербург и просит помочь ему при строительстве Сурского подворья, ставшего впоследствии Иоанновским монастырем. И опять загружает делами строительными и постепенно подводит к монашеству. Конечно, отец Иоанн прозорливо видел будущее многих таких женщин — интеллигентных, образованных — в созидании обителей». Будущую игумению, свою верную помощницу, он вырвал из пучины горя, в которую она погрузилась из-за тяжелых утрат, и направил на путь созидания. Зная, что его духовная дочь мечтала иметь много детей, отец Иоанн сказал ей необычную фразу: «Будут у тебя дети. Много детей!»¹⁰. И слова эти сбылись. Со временем, один за другим, при монастыре было открыто три детских приюта.

После беседы с отцом Иоанном и по благословению святого молодая вдова 24 мая 1900 г. подала ходатайство о приеме в число сестер Иоанно-Богословского монастыря, основанного пастырем в 1899 г. на его родине в селе Сура Архангельской губернии. 1 июня ходатайство было рассмотрено в Архангельской Духовной консистории, и 19 июня Анну Семеновну зачислили в послушницы обители. Около двух месяцев она проживала в Суре, а затем возвратилась в Санкт-Петербург. 28 августа паспортную книжку А.С. Сергеевой выслали из Архангельской епархии в столицу¹¹.

¹⁰ Ставицкая Н. «Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей...» // [http://monasterium.ru/publikatsii/stati/ioannovskiy-stavropigialnyy-zhenskiy-monastyr-v-sankt-peterburge-ya-predvizhu-vosstanovlenie-moshchnoy-rossii-eshche-bolee-silnoy-i-moguchey-/](http://monasterium.ru/publikatsii/stati/ioannovskiy-stavropigialnyy-zhenskiy-monastyr-v-sankt-peterburge-ya-predvizhu-vosstanovlenie-moshchnoy-rossii-eshche-bolee-silnoy-i-moguchey/) (дата обращения: 25 января 2019 г.).

¹¹ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4213, л. 1–2.

Вернувшись в родной город, Анна Семеновна тут же включилась в начавшиеся на набережной реки Карповки 8 мая строительные работы. Отец Иоанн дал будущей игумении новое послушание — быть делопроизводительницей и осуществлять наблюдение за постройкой здания подворья. В ее формулярном списке о том времени указано: «Проходила послушание у свечного ящика и заведовала ежедневно постройкой Сурского подворья, вела комиссионный журнал по постройке подворья»¹².

11 декабря 1900 г. послушница Анна была пострижена в рясофор на Санкт-Петербургском подворье Иоанно-Предтеченского Леушинского женского монастыря иеромонахом Валаамской обители Мавриkiem. 27 октября 1901 г. она приняла монашеский постриг в мантию с соизволения митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) «в порядке особого исключения» в возрасте 34 лет в церкви святого Апостола Иоанна Богослова Леушинского подворья от священномученика смотрителя Александро-Невского Духовного училища архимандрита Никодима (Кононова). (3 сентября 1921 г. епископ Белгородский Никодим был убит, а в августе 2000 года причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви). При постриге ей было дано имя Ангелина. В этот день протоиерей Иоанн Сергиев служил в храме святого Апостола Иоанна Богослова литургию в сослужении шести священников и двух диаконов. За литургией за время малого входа и состоялся постриг.

В напутственном слове, произнесенном по принятии духовной дочь ангельского образа, отец Иоанн заповедовал ей: «Возлюбленная о Господе сестра Ангелина! Приветствую тебя о Господе с принятием Ангельского образа и с новым именем Ангелины. Да будет же твое житие в обители Ангельское; отвергнись всех мирских и плотских пристрастий и предай сердце твое Господу... Распни себя и миру и страстям, и да воцарится в сердце твоём Христос Бог, — верою, любовью святою, усердием к Нему, молитвою,

¹² ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4213, л. 2.

постоянным вниманием к себе, воздержанием, смирением, послушанием, кротостью и незлобием, бескорыстием. Отврати сердце твое от земли и живи умом и сердцем на небесах... Вот цель твоего нового образа жизни. Да живет же в тебе Господь и ты в нем. Аминь»¹³. Всей своей жизнью матушка Ангелина исполнила завет Кронштадтского пастыря.

После слова духовного отца новопостриженная с крестом и зажженной свечой в руке стояла до конца литургии у Царских врат, под образом Спасителя и в обычное время причастилась Святых Таин. В газетах того времени сообщалось: «Это редкое духовное торжество произвело весьма сильное впечатление на богомольцев, до тесноты наполнивших храм. В конце литургии высокочтимый отец протоиерей обратился к народу с поучением на слова чтенного за литургией Евангелия: «И бо Мое благо и бремя Мое легко есть» (Мф. 11, 30)... После литургии в покоях настоятельницы Леушинского подворья была предложена монастырская трапеза духовенству, почетным гостям и благодетелям обители, а новопостриженная монахиня Ангелина осталась в церкви, где по уставу монастырскому она должна пробыть несколько дней в молитве, богомыслии и чтении слова Божия»¹⁴.

Храм Леушинского подворья был выбран отцом Иоанном в качестве места пострига духовной дочери не случайно. Настоятельница Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря блаженная старица игумения Таисия (в миру Мария Васильевна Солопова) более 36 лет являлась сотрудницей и преданной помощницей Кронштадтского пастыря. С 1870-х гг. она во всех трудах руководствовалась советами и благословениями святого. Священник Иоанн Орнатский отмечал: «Отец Иоанн, в свою очередь, очень ценил эту преданную ему, умную, образованную, деловитую игумению. При его содействии благоустроено Леушинское подворье в Петербурге, на Бассейной улице, здесь батюшка очень часто

¹³ Ведомости Санкт-Петербургской полиции и градоначальства. 1901.

28 октября.

¹⁴ Там же.

служил, благодаря этому подворье и самый монастырь скоро стали известными, как в столице, так и за ее пределами»¹⁵.

По благословению Кронштадтского пастыря игумения Таисия стала основательницей особой школы русского женского монашества, устроив шесть обителей и несколько подворий. Активно помогала она о. Иоанну и в создании Иоанновского монастыря в столице (первоначально Сурского подворья). Так 28 декабря 1899 г. батюшка писал игумении: «Спасибо тебе Матушка! Вот и для Сурского подворья — твой же почин: ты познакомила меня с Раменским и расположила его подарить мне это место для подворья. Спасибо тебе и за обучение сурских послушниц»¹⁶. Трудом матушки Таисии в храме святого Апостола Иоанна Богослова на петербургском Леушинском подворье был устроен левый придел, в котором установили иконостас и престол, но придел не освящали. Существует устное предание, что матушка Таисия, устроила его в ожидании прославления отца Иоанна Кронштадтского¹⁷.

В 1889 г. Святейший Синод наградил игумению Таисию наперсным крестом, в 1892 г. она была награждена золотым крестом с украшениями от Кабинета Его Императорского Величества. В 1904 г. матушка Таисия была впервые представлена императрице Александре Федоровне, и с этого времени их связывали глубокие духовные отношения. Будучи по матери родственницей А.С. Пушкина, игумения Таисия стала выдающейся духовной писательницей, выпустив шесть поэтических сборников, а также другие книги: «Письма к новоначальной инокине», «Духовные стихотворения», исследование о святом Апостоле Иоанне Богослове. Записанные ею «Беседы с о. Иоанном Кронштадтским», а также переписка с ним, стали памятником их духовной дружбы.

¹⁵ Орнатский И. Памяти игуменьи Таисии. СПб., 2000. С. 2.

¹⁶ Вениамин (Федченков), митрополит. Игуменья Таисия Сотрудница Отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 2002. С. 24.

¹⁷ Беловолов Г. История прославления отца Иоанна Кронштадтского и его почитания в современной России // Пастырь истины. Святой праведный Иоанн Кронштадтский: к 25-летию прославления. СПб., 2015. С. 302.

Прочитав «Келейные записки» матушки Таисии, о. Иоанн написал на них: «Дивно, прекрасно, божественно! Печатайте в общее на-зидание». Кронштадтский пастырь высоко ценил духовные стихи игумении, считая ее талант данным от Бога. Часто матушка Таисия посылала отцу Иоанну новые стихи еще в рукописи до публикации. До самой своей кончины она состояла в обществе памяти о. Иоанна Кронштадтского, печатала статьи о нем в журнале «Кронштадтский пастырь». Игуменья Таисия скончалась 2/15 января 1915 г. в Леушинском монастыре, где и была погребена в воздвигнутом ею соборе Похвалы Божией Матери¹⁸ (в советское время Леушино попало в зону затопления Рыбинского водохранилища).

С матушкой Ангелиной игуменью Таисию связывали много-летние добрые отношения, и отец Иоанн во многих своих письмах к Леушинской старице передавал ей постоянные поклоны от игу-мении Ангелины.

В 1901 г. монахиня Ангелина была назначена заведующей Сур-ским подворьем. При исполнении нового послушания ей при-шлось столкнуться со многими трудностями и проблемами. Это хорошо видно из сохранившихся писем и телеграмм матушки отцу Иоанну. Так, 15 марта 1902 г. она писала: «Ваше Высокопреподобие Родной Батюшка, Прошу Ваших святых молитв и благословения. Ради Господа, прошу Вас написать письмо Марии Владимировне Орловой-Давыдовой, чтобы поскорее определить нашу большую Сурскую послушницу Евдокию Толбузину в общину Христа-Спа-сителя (Сергиевская ул. № 73). Орлова-Давыдова там попечи-тельница, и она для вас сделает... Прошу Вас, Родной Батюшка, помолиться у Престола Всевышнего, чтобы Господь дал мне тер-пения. Ради Господа простите и благословите Бесценный Родной Батюшка недостойную грешную монахиню Ангелину». А на сле-дующий день — 16 марта монахиня послала срочную телеграмму

¹⁸ Беловолов Г. История прославления отца Иоанна Кронштадтского и его почитания в современной России // Пастырь истины. Святой праведный Иоанн Кронштадтский: к 25-летию прославления.

в Кронштадт секретарше отца Иоанна Вере Ивановне Перцовой уже в связи с другой проблемой: «Передай Батюшке — третий день дьякон не служит. Была у них на квартире и посылала, и дома его нет, что делать, беспокоюсь»¹⁹.

Монахиня Ангелина отдавала обители все свои силы. В днев-нике одной из духовных дочерей Кронштадтского пастыря, вдовы генерала Е.В. Духониной имеется запись, относящаяся к 1901 г., о беседе с отцом Иоанном по поводу принятия ею монашества. Го-воря о трудности этого пути, она ссылалась на пример заведую-щей Сурским подворьем: «Я сказала, что насмотрелась на матушку А[нгелину]; она, как белка в колесе, никогда отдыха не имеет, так что мне как-то и жутко и страшно становится, — вдруг я не вынесу монашеской жизни»²⁰.

Матушке нужно было заниматься не только строительством, различными хозяйственными вопросами, но, самое главное, нала-живать духовную жизнь сестер только что созданного подворья, многие из которых были не подготовлены к иночеству. Екатерина Духонина в своем опубликованном дневнике писала, что 9 марта 1903 г. матушка Ангелина жаловалась ей «на трудность управле-ния совершенно неподготовленными монахинями»²¹. Матушке предстояло воспитать их в монашеских традициях, что требовало долгого и постоянного, незаметного постороннему взгляду труда, который впоследствии дал обильные плоды — обитель в суетной столице вскоре стала примером высокой духовной, молитвенной жизни.

Все трудности преодолевались с постоянной помощью отца Иоанна. Поздравляя батюшку с праздником Рождества Христова 24 декабря 1902 г., монахиня Ангелина с сестрами писали ему: «...да воздаст Вам Господь сторицею за Ваши щедря милости,

¹⁹ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 2, л. 307–308.

²⁰ Духонина Е.В. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери). М., 1998. С. 95.

²¹ Духонина Е.В. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери). М., 1998. С. 109.

изливаемая на Вашу юную обитель и продлит драгоценную Вашу жизнь на многие годы в полном благополучии»²².

Основные строительные работы успешно закончились в очень короткий срок — всего за два года, поэтому 7 августа 1902 г. Святейший Синод принял определение наградить заведующую за труды по постройке подворья наперсным крестом. В январе 1903 г. согласно просьбе отца Иоанна Сурское подворье было преобразовано в самостоятельный женский монастырь, названный Иоанновским в честь болгарского святого преподобного Иоанна Рыльского — небесного покровителя Кронштадтского пастыря.

С первых дней матушка Ангелина управляла новой обителью за настоятельницу. На заседании Святейшего Синода от 18 марта 1903 г. было принято «определение о возведении монахини С.-Петербургского Иоанновского монастыря Ангелины в сан игумении и о назначении ее настоятельницей монастыря. Святейший Синод, — говорилось далее в определении, — по этому вопросу удовлетворил ходатайство митрополита С.-Петербургского и Ладожского Антония и основателя монастыря протоиерея Иоанна Сергиева»²³. Как писали «Церковные ведомости»: «Монахиня С.-Петербургского Иоанновского общежительного женского монастыря Ангелина назначена настоятельницей той же обители с возведением в сан игумении»²⁴. 28 марта 1903 г. монахиня Ангелина была возведена в сан игумении во время богослужения в Иоанновском монастыре митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским). Отец Иоанн участвовал в этом богослужении²⁵.

Вскоре к монастырским заботам матушки прибавились новые — о. Иоанн основал «новую ветвь» своей обители — Вауловский Успенский скит. В начале 1903 г. тайный советник и сенатор граф Владимир Павлович Мордвинов (1833–1908) пожертвовал батюшке, которого давно знал, принадлежавшую ему усадьбу в селе Ваулово

²² ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 20а, л. 109.

²³ РГИА, ф. 796, оп. 184, д. 612, л. 2–2об.

²⁴ Церковные ведомости. 1903. № 3. С. 91.

²⁵ Котлин. 1903. 30 марта. № 73.

Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии (ныне Тутаевского района Ярославской области) для устройства в ней женской обители, с условием создания здесь приюта и своего проживания вплоть до кончины в имении (он прожил 75 лет). Переходили к монастырю, помимо 890 десятин земли, барского дома и обе вауловские церкви — Успения Пресвятой Богородицы и преподобного Александра Свирского, так как они не были приходскими и принадлежали помещику. Следует упомянуть, что в конце жизни Владимир Павлович страдал от тяжелой болезни (опухоли мозга), он не имел детей, не было наследников и у его сестер.

Отец Иоанн с благодарностью принял пожертвование В.П. Мордвинова. В письме игумении Таисии (Солоповой) от 27 февраля 1903 г. из Санкт-Петербурга он сообщал: «Пишу тебе после обедни в вашей церкви и после трапезы... Ты вероятно уже знаешь, что старец сенатор Мордвинов пожертвовал нашей обители Иоанновской свое поместье. Ангелина уехала осмотреть это имение»²⁶. Следует упомянуть, что матушка Ангелина выехала осматривать Ваулово 25 февраля, в этот день отец Иоанн посетил Иоанновский монастырь, служил литургию Преждеосвященных Даров и благословил игумению на ее поездку в будущий скит²⁷.

Отец Иоанн впервые прибыл в Ваулово 26 июня 1903 г. в сопровождении художника С.В. Животовского, написавшего несколько видов имения и его окрестностей. В книге «На север с отцом Иоанном Кронштадтским» так описывался их приезд в село: «Но вот среди зеленой рощи показались две белые старинные церкви, такая же белая колокольня и большой барский дом...

— Хорошее имение, хорошо будет здесь монахиням, — заговорил с нами ямщик. — Вот и колокольня эта замечательная... так в ней колокола подобраны, что “Коль славен...” играет. Батюшка здешний отец Павел — священник редкостный. Не священник — отец родной! Тридцать шесть лет здесь служит. Да как служит-то!

²⁶ Письма о. протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии. СПб., 1909. С. 61–62.

²⁷ Котлин. 1903. 1 марта. № 49.

И певчих здесь! А из других приходов народ к нему идет, потому служит с душой... Постник он и праведной жизни человек, — закончил наш ямщик, когда мы уже въезжали на широкий двор усадьбы, где мы были встречены хозяином дома с чисто русским радушием и гостеприимством»²⁸.

Отцу Иоанну Кронштадтскому усадьба очень понравилась. «В летнее время здесь дивная красота природы, — писал батюшка своей жене Елизавете Константиновне Сергиевой в Кронштадт 22 мая 1905 г. — Но в духовном отношении храмы Божии здесь — первая красота. Они и выстроены в доброе старое время весьма архитектурно по изящному вкусу бывших помещиков-князей. Внутреннее изящество храмов — великолепное, порядок во всем образцовый. Я служу ежедневно, причащаюсь, и монахинь и мирян причащаю часто. Луга, леса — загляденье — рай земной. Благодарю Господа, даровавшего нам этот земной рай. Он краше вашей Тарховки в сто раз, если не больше...»²⁹.

Имение состояло из многих разбросанных по уезду отдельных участков (дач), в том числе дачи села Ваулово с двумя каменными храмами, церковным наделом в 33 десятины пашенной земли, различным имуществом, церковными денежными капиталами и всеми церковными и помещичьими усадебными постройками. Иоанновский монастырь, в свою очередь, обязался «а) открыть в сем имении убежище, в коем престарелые монашествующие сестры находили бы себе удобный покой, а больные — отдых и средства к восстановлению своего здоровья, и б) принимать все меры к тому, чтобы в вауловских храмах богослужение совершаемо было неопустительно и благоговейно и чтобы в храмах сих отнюдь не прерываемо было правильное отправление церковного поминовения...»³⁰.

Сразу же после получения 3 мая императорского разрешения на пожертвование отец Иоанн решил основать в усадьбе Ваулово Свято-Успенский скит Иоанновского монастыря (при Успенском

²⁸ См.: *На север с отцом Иоанном Кронштадтским*. СПб., 1903.

²⁹ *Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003*. С. 39.

³⁰ *Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003*. С. 27.

храме). Устройство его Кронштадтский пастырь поручил игумении Ангелине. 16 августа она послала отцу Иоанну телеграмму: «...Сейчас получила от сенатора из Ярославля письмо. Ввод во владение назначен на 19 августа. Мне необходимо ехать. Прошу святого благословения на благополучие поездки и дела. Воскресенье 8 часов 40 мин. вечера надо выезжать. Прошу святых молитв родного Батюшки, недостойная игуменья Ангелина»³¹. Поездка прошла удачно, и 19 августа Ярославский окружной суд известил отца Иоанна «о вводе во владение Иоанновского монастыря селом Вауловым и о выдаче исполнительного листа игуменье Ангелине»³².

Свято-Успенский Вауловский женский скит был учрежден определением Святейшего Синода и указом императора Николая II от 12 сентября 1903 г. Для начала общежития батюшка с игуменией Ангелиной вскоре перевели сюда из Иоанновского монастыря несколько сестер — четырех монахинь и двух послушниц, опытных в иноческой жизни. Настоятельницей скита считалась игуменья Ангелина, а заведующей была назначена ее тетя — монахиня Евпраксия (в миру Евдокия Кононовна Кононова).

Игуменья Ангелина, как и ее духовный отец, приезжала в скит почти каждый год для наблюдения за делами и для того, чтобы ободрить и поддержать сестер, подвизавшихся вдали от обители. С тетей — монахиней Евпраксией — у матушки всегда были очень теплые личные отношения.

В Ваулово с игуменией произошло событие, едва не стоившее ей жизни. В июле 1904 г. в скиту она попала под лошадь, и ее переехала коляска. Оказавшийся рядом Кронштадтский пастырь чудесным образом спас тяжело раненную матушку от угрожавшей ей смерти. Екатерина Васильевна Духонина так писала в своем дневнике об исцелении игумении Ангелины: «Никто не думал, что она останется жива. Батюшка в это время усиленно молился, и она не только осталась жива, но даже не изуродовалась (осталась такой

³¹ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 76, л. 171.

³² ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 41, л. 18.

же красивой и цветущей, как была) и имела силы на другой же день вернуться с батюшкой в свой монастырь в Петербурге». Е.В. Духонина также записала, что на выраженные одной женщиной сомнения о. Иоанн ответил: «Я сам ведь видел, как по ней переехала коляска, и она осталась жива только чудом. Господь оказал мне великую милость: услышал мою молитву и сотворил это чудо»³³.

Кронштадтский чудотворец сохранил игумении Ангелине жизнь, но полученные травмы были так тяжелы, что матушка еще около полутора лет продолжала страдать от них, пока по молитвам отца Иоанна не поправилась окончательно. О болезни игумении в это время сохранилось много свидетельств. Е.В. Духонина, рассказывая в дневнике о посещении 1 августа 1904 г. о. Иоанном монастыря, записала: «Матушка Ангелина [в] это время хворала и просила батюшку помолиться, говоря, что она сильно страдает. Он ей сказал: “Побольше веруй и перестанешь страдать — страдания приведут в Царствие Небесное”. А 20 сентября 1905 г., согласно тому же дневнику, о. Иоанн говорил матушке: “Не хворай Ангелина, а побольше молись! Какое наслаждение доставляет пребывание в церкви! С каким удовольствием я читаю всегда канон! Я вижу и испытываю на себе, как это чтение воодушевляет меня”»³⁴.

4 декабря 1904 г. в телеграмме отцу Иоанну игумения писала: «Святочтимый родной Батюшка, соблаговолите уведомить, как Ваше драгоценное здоровье, мы беспокоимся, скучаем. Прошу мне и сестрам обители отческаго Вашего благословения и святых молитв, я все прихварываю». Еще больше о своей болезни матушка говорила Кронштадтскому пастырю в одном из писем 1905 г.: «Скорблю сердечно о Вашем недомогании, да сохранит Вас Всемилостивый Господь и да облегчит страдания Ваши. Мне тоже нездоровится, но помолитесь, Родной Батюшка, и дайте мне искреннюю глубокую веру к Всещедрому Господу, и, да поправлюсь

³³ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 153, 156.

³⁴ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 155, 314.

от всех моих недугов, а то уж очень трудно быть административным лицом и с таким плохим здоровьем. Все свое упование возлагаю на Ваши святые молитвы, порою страшно скорблю и падаю духом. Простите, благословите и разрешите во всех моих прегрешениях и сомнениях»³⁵.

Также весной 1905 г. княгиня Надежда Ивановна Мещерская, поздравляя игумению с наступающей Пасхой, писала: «Надеюсь, что здоровье Ваше поправилось и, что сподобит Вас Господь побывать в Кронштадте у родного нашего Батюшки». В декабре 1905 г. отец Иоанн в письме послушнице Сурского монастыря Анастасии сообщил: «Матушка Ангелина все прихварывает», на что 19 января 1906 г. послушница ответила: «М. Ангелине легче, чем нашей игуменье, ей есть с кем делить горе — с Вами»³⁶. И действительно вскоре состояние здоровья матушки существенно улучшилось.

На протяжении почти десяти лет связь игумении Ангелины с ее духовным отцом была самой тесной и непосредственной. В личном архивном фонде отца Иоанна (в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга) сохранилось почти 20 писем и телеграмм матушки и еще более 20 писем других лиц к Кронштадтскому пастырю, где речь идет о настоятельнице Иоанновского монастыря. Отношение игумении к отцу Иоанну хорошо видно из обращений к нему: «Ваше Высокопреподобие Родной Батюшка!», «Святочтимый Бесценный Родной Батюшка», «Горячо любимый Родной Дорогой Отец»...

Настоятельница обители от себя и сестер поздравляла о. Иоанна с церковными праздниками, днем ангела и т.п. 12 декабря 1905 г. в Кронштадте торжественно праздновалось 50-летие пастырской деятельности батюшки. Свою поздравительную телеграмму игумения Ангелина и сестры обители направили совместно с владыкой Антонином (Грановским), викарным епископом Нарвским Санкт-Петербургской епархии: «Благословен день пятидесятилетия Вашего

³⁵ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 76, л. 204, д. 72, л. 229.

³⁶ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 2, л. 409, д. 26, л. 440.

непрестанного пастырского горения в одном и том же храме, в союзе любви с неизменяемой паствой, во обители, руками и молитвами Вашими созданной, сию милость Божию на Вас и подвиг Ваш пожинали и утешались благодарным к Господу молением. Антонин, епископ Нарвский, игумения Ангелина с сестрами, почитатели и богомольцы»³⁷.

Среди большого количества рассказов о посещении обители отцом Иоанном сохранились интересные свидетельства о том, насколько он входил во все подробности жизни обители. Так 25 мая 1906 г., во время закладки нового монастырского странноприимного дома, Кронштадтский пастырь посетил это место, и, как вспоминала Е.В. Духонина, «по просьбе матушки Ангелины... освятил и заложил первый камешек, потом прошел к себе, спросил Требник, прочел молитвы об избавлении от червя и хорошо помолился. Затем прошел с матушкой Ангелиной и монахинями на огород, окропил капусту святой водой и все овощи (на которые страшно напал червь, а после окропления все очистилось, и овощи получились превосходные). Потом всех благословил и уехал»³⁸.

Через два дня отец Иоанн должен был уехать в Суру, и поэтому накануне вновь приехал в Иоанновский монастырь, чтобы попрощаться перед своим отъездом. 27 мая он «служил (в монастыре) прощальную Литургию при участии протоиерея А.М. Косухина, священника И.Н. Орнатского, иеромонаха Феофана, который сопровождал батюшку в его поездке на родину»³⁹ и «сказал небольшое слово о том, какое великое благодеяние сделал Господь всем нам, принеся Себя в жертву за наше спасение»⁴⁰.

2 августа, по возвращении из Суры, батюшка в первую очередь вновь посетил Иоанновский монастырь, и только 4 августа уехал

³⁷ *Источник живой воды. Описание жизни и деятельности отца Иоанна Кронштадтского.* СПб., 1995. С. 694–695.

³⁸ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 257.

³⁹ *Ведомости Санкт-Петербургской полиции и градоначальства.* 1906. 31 мая. № 120.

⁴⁰ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 257–258.

в Кронштадт. В одной из столичных газет отмечалось: «Отец Иоанн, возвратившись в Петербург в 9 ч. 30 мин. утра, был встречен на вокзале Игуменьей Ангелиной и проследовал в Иоанновский монастырь, где совершил Литургию. Сказал слово на текст «Мне же да не будет хвалиться токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа» (Ап. Павел)⁴¹. Назавтра он опять служил в монастыре»⁴².

Кронштадтский пастырь вникал в различные хозяйственные вопросы обители, так, например, согласно записи в его дневнике от 10 октября 1908 г. отец Иоанн собирался обсудить с игуменьей Ангелиной выгоды, которые можно было бы извлечь из скитского леса: «У нас в Вауловском скиту лесу много, девать некуда. Использовать его во славу Божию и в пользу Ивановской обители — устроить в монастыре столярные и другие работы пиловочные: делать столики, стулья, ящики, чашки, ложки, крестики — вообще в общежитии полезные вещи — корзинки из лучинок и прочие вещи; купить все инструменты, нанять мастера; приобрести всевозможные рисунки вещей выработки внешних (кустарные работы). Сказать об этом игуменьи. Помещений в монастыре много — хватит на все...»⁴³.

В воспоминаниях насельницы обители монахини Арсении, вошедших в сборник «Непридуманные рассказы», говорится о чуде исцеления, произошедшем с ней по молитве отца Иоанна в стенах монастыря. У нее образовалась большая опухоль на шее, доставлявшая боль и неудобство: «Показала опухоль матушке игуменьи, она забеспокоилась и сказала, что поведет меня к доктору. Но тут, не прошло и двух дней как вечером приезжает отец Иоанн. Мы его торжественно встретили и сразу пошли молебен петь: так уж было заведено, что Батюшка по приезде первым долгом молебен служил. Иду это я с клирошанками в церковь, а игумения меня останавливает, подводит к отцу Иоанну и говорит:

⁴¹ *Ведомости Санкт-Петербургской полиции и градоначальства.* 1906. 4 августа. № 169.

⁴² *Котлин.* 1906. 4 августа. № 174.

⁴³ *Вауловский Успенский женский скит.* 1903–2003. С. 58.

– Дорогой Батюшка, помолитесь о Варваре, она ведь у нас заболела, — и с этими словами подняла мой апостольник и показывает ему опухоль.

Батюшка внимательно посмотрел, потом рукой по ней провел и говорит:

– Ничего, Бог даст, пройдет. Иди, Варюша, пой!

Пропели мы молебен, потом Батюшка с нами долго беседовал, затем меня позвали в трапезной помогать, и к себе в келию я вернулась позже обыкновенного. Стою, раздеваюсь, апостольник сняла и по привычке опухоль свою разгладить хочу, тронула рукой — ан, ее нет. Я — к зеркалу: гладкая шея. Глазам своим не верю, ведь с кулак была! Едва утра дождалась — и скорей к игумении. Посмотрела она на мою шею, перекрестилась и только сказала:

– Благодарю дорогого Батюшку»⁴⁴.

Желая увековечить имя отца Иоанна, матушка обратилась в 1907 г. к городским властям с прошением об устройстве вблизи обители нового «Иоанновского» переулка. 7 августа 1907 г. Санкт-Петербургская городская управа представила доклад в городскую думу «по ходатайству настоятельницы Иоанновского монастыря о закрытии проходившего между владениями монастыря Силина переулка, с присоединением его к владениям Иоанновского монастыря и о проложении вместо него нового переулка по земле монастыря». Управа, а затем и дума, выразили свое согласие и с устройством переулка за счет обители, и с присвоением ему имени Иоанновский⁴⁵. Постепенно вся окружающая монастырь местность становилась мемориальной. В дальнейшем еще один близлежащий переулок называли Сурским, а в 1914 г. обсуждалось ходатайство о переименовании Вяземского переулка в Котлинский.

Кронштадтский пастырь также высоко ценил свою ближайшую помощницу в монастырских делах и преданную духовную дочь, во всем полагался на нее и доверял ей разрешение самых важных

⁴⁴ Запарина Л.С. Непридуманные рассказы. М., 2004. С. 17.

⁴⁵ Известия Санкт-Петербургской городской думы. 1907. № 39. С. 228–232.

вопросов. Он почитал ее как «благодатную», богоугодную монахиню и мудрую игумению, никогда не оставляя матушку своими молитвами и вниманием. Характерен такой эпизод: 8 ноября 1903 г. после службы в Кронштадтском Андреевском соборе отец Иоанн приехал в Иоанновский монастырь поздравить матушку с днем ангела. Е.В. Духонина записала с его слов в дневнике, что он в Кронштадте намеренно «сегодня говорил проповедь об ангелах и архангелах; потом прибавил, обращаясь ко всем нам, что всем нам необходимо достигнуть их чистоты и сделаться равноангельными»⁴⁶.

И неслучайно в его письмах к разным лицам, конечно, близким — таким, как игумения Сурского монастыря Варвара (Ивановская), игумения Леушинского монастыря Таисия (Солопова) постоянно встречались приписки: «Я, сестра Порфирия, Ангелина и Евдокия с прочими сестрами, тебе кланяемся...» или: «Все сестры..., Ангелина и сестры ее шлют тебе привет», или «Кланяются тебе низко игумения Ангелина и заведующая скитом Успенским Евпраксия»...⁴⁷

Даже в основанном им Иоанновском монастыре, его «родном доме» отец Иоанн считал матушку полноправной хозяйкой и подчеркивал это перед другими. В своем дневнике Е.В. Духонина написала о двух сценах приема новых сестер в обитель, свидетельницей которых она оказалась: «[15 марта 1903 г.] Батюшка... собрался идти спать, как матушке Ангелине доложили о приезде двух девушек, которых он, по их словам, обещал взять в монастырь; батюшка подтвердил, что это он действительно их направил, но оставляет за матушкой Ангелиной полную свободу решить, — принять их или нет, и вышел. Матушка Ангелина старалась им доказать, что мест нет, и она принять их никак не может, как вдруг вернулся батюшка и сказал: “Прими их, Ангелина, на место тех двух, которые уходят” ...она велела им принести свои паспорта, а батюшка пожелал нам спокойной ночи и ушел спать». На следующий день,

⁴⁶ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 140.

⁴⁷ Жизнеописание схиигумении Ангелины (Сергеевой) — первой Настоятельницы Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге. СПб., 2010. С. 35.

16 марта игуменья подвела к отцу Иоанну действительного статского советника Хлебникова, который привез свою дочь, «рысофорную монахиню», с просьбой взять ее в монастырь. После беседы батюшка указал игуменье принять их, а инокине сказал: «А вас прошу во всем слушаться и беспрекословно повиноваться настоятельнице матушке Ангелине»⁴⁸.

Отец Иоанн постоянно давал своей духовной дочери наставления. В частности, в одном из таких наставлений от 24 февраля 1908 г. говорилось о том, как должно проводить пост: «Честнейшая матушка игуменья Ангелина со всеми о Христе сестрами! Да будет со всеми Вами подвижающимися о Христе ради будущей жизни — благодать, милость и мир от Господа нашего Иисуса Христа в Духе Святом.

Наступило время Святой Четыредесятницы, данное нам милостью Божией для благодушного подъятия подвига постного. Но — какой пост угоден Богу? Есть пост приятный врагу нашего спасения, когда мы постимся в ссоре, ябедах, клеветах, в осуждении ближних и подобное! Будем поститься постом приятным Богу: истинный пост есть избегание всякого зла, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, отчуждение лжи и клятвы преступления. Избегание всех этих грехов есть истинный пост и благоприятный. Запомните это и, главное, исполните. Жалею, что по болезни не могу быть с вами и лично беседовать о спасении души. А оно первая и главная цель в жизни нашей, особенно монашеской... Живите в любви взаимной. Дай Бог мне и вам дожидаться Страстей Христовых и всерадостной Пасхи»⁴⁹.

В упоминавшейся последней части своего дневника 1908 г. отец Иоанн, уже во время тяжелой болезни, трижды писал о матушке Ангелине. В записи от 30 мая говорится о сильном припадке, случившемся с ней: «Помилуй, Господи, рабу Твою игуменью Ангелину, мучимую от злого духа асмодея. Внуши ей, Господи, смирение и дай ей горячность сердечную к Тебе, Богу живота на-

⁴⁸ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 114, 116.

⁴⁹ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 313–314.

шего. После припадка пришла в себя и чувствовала себя хорошо. Да не будет с ней впредь что-нибудь подобное»⁵⁰. Моление пастыря возымело действие, и таких припадков с игуменьей больше не было.

В другой записи от 7 октября речь идет о поездке матушки Ангелины с несколькими насельницами Иоанновской обители в Сурский монастырь: «Благодарю Господа, пославшего дождь на землю; а я просил Его, с верою в тайной молитве, наполнить реку Пинегу водою для беспрепятственного доплытия парохода «Св. Николай Чудотворец» до Суры с игуменьей и сестрами иоанниковыми». В архиве сохранилось письмо от 12 сентября шести насельниц Иоанновского монастыря отцу Иоанну, в котором они описали свой благополучный приезд в Суру: «Дорогой Батюшка, Матушка Игуменья [Ангелина] сообщила, что Вы ее письменно спрашиваете. Доехали мы благополучно; за ваши св. молитвы у нас все благополучно, мы в Архангельске дождались матушку и с ней вместе поехали на своем пароходе. 7-го сентябр[я] приехали в Суру, нас приняли очень хорошо, ходим на послушание, нас поставили на клирос, помолитесь дорогой Батюшка, чтобы у нас было понятие и прилежность». Третья же запись в дневнике от 10 октября свидетельствует о намерении отца Иоанна сказать матушке Ангелине о желательности устройства в монастыре столярной мастерской⁵¹.

Теплые отношения связывали игуменью с супругой Кронштадтского пастыря — Елизаветой Константиновной Сергеевой. Так, 24 декабря 1905 г. матушка Ангелина от себя и сестер обители послала ей в Кронштадт поздравительную телеграмму: «Сердечно приветствуем Вас, уважаемая Елизавета Константиновна, с высокаторжественным праздником Рождества Христова»⁵². И не случайно осенью 1908 г. отец Иоанн, заботясь о своей тяжело больной жене, передал игуменье, как ближайшему к нему человеку, 10 тысяч рублей для выдачи матушке Елизавете после его смерти.

⁵⁰ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 71, л. 2.

⁵¹ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 71, л. 2, 39, 41, д. 76, л. 21.

⁵² ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 206, л. 48.

Последний раз батюшка служил обедню в Иоанновском монастыре 9 сентября 1908 г. в день Ангела настоятельницы⁵³ и подарил ей тогда святую икону и свой наперсный крест (он сохранился и находится сейчас в обители).

Вплоть до кончины 20 декабря 1908 г. святого праведного отца Иоанна Кронштадтского игуменья Ангелина оставалась одной из его ближайших духовных дочерей. Сохранились несколько их совместных фотографий начала XX века, в том числе в Вауловском скиту. Батюшка неоднократно дарил игумении свои изображения. Так в середине 1990-х гг., в начальный период возрождения монастыря, кто-то (сестры теперь жалеют, что не записали, кто именно) принес в обитель портрет святого праведного отца Иоанна Кронштадтского с дарственной надписью: «Игумении Санкт-Петербургского Иоанновского монастыря Ангелине в день Ангела 8 ноября 1904 года. Протоиерей Иоанн Сергиев». В настоящее время этот портрет представлен в музейной экспозиции монастыря.

В своем завещании от 19 декабря 1908 г. отец Иоанн назначил игумению своей душеприказчицей, и почти все имущество завещал Иоанновскому монастырю: «... Во имя Отца и Сына и Святого Духа я, протоиерей Иоанн Сергиев, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю все принадлежащее мне движимое имущество в деньгах, вещах и иконах, за исключением лишь нижеозначенного, в собственность Иоанновского женского монастыря»⁵⁴. Именно матушке Ангелине первоначально предназначалось заботиться о болящей Елизавете Константиновне Сергиевой.

Последние дни жизни своего духовного отца матушка была рядом с ним. В написанном одним из современников очерке «Отец Иоанн Кронштадтский» отмечалось: «Находясь в забытии, 18 декабря он спросил игумению Иоанновского монастыря, мать Ангелину: “Которое сегодня число?” Ему ответили: “Восемнадцатое”.

⁵³ Это день именин матушки по имени в миру — Анна 9/22 сентября (день памяти святых Богоотец Иоакима и Анны).

⁵⁴ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 151, оп. 2, д. 90, л. 85–86 об.

«Ну, хорошо, значит еще два дня», — сказал о. Иоанн и опять потерял сознание»⁵⁵.

Самое последнее свое распоряжение святой сделал 19 декабря 1908 г. в 8 часов вечера. Игуменья Ангелина, проведенная при батюшке весь этот день, просила у него благословения освятить храм-усыпальницу в обители, который был давно готов, но не освящен. На эту просьбу отец Иоанн ответил: «Да, да, освятить» и поднял руку в знак благословения. Игуменья, приняв благословение, уехала в монастырь готовиться к освящению (оно произошло 21 декабря)⁵⁶.

Согласно воле пастыря, его отпевание и погребение 23 декабря состоялось в храме св. пророка Илии и св. праведной царицы Феодоры, расположенном в крипте Иоанновского монастыря. Популярность отца Иоанна Кронштадтского при жизни являлась огромной, и его смерть стала национальным горем. Похороны пастыря привлекли внимание множества людей. Несмотря на сильный мороз, чтобы попрощаться с батюшкой, в Кронштадт устремились тысячи паломников. Люди прибывали днем и ночью, для чего использовались все виды транспорта. Отец Иоанн просил, чтобы его тело в Санкт-Петербург сопровождал епископ Гдовский Кирилл (Смирнов, будущий священномученик митрополит Казанский), а отпевал митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний (Вадковский).

Дубовый гроб с телом отца Иоанна, облаченным духовенством, был установлен в Андреевском соборе. Храм был открыт всю ночь, непрерывно совершались панихиды, вечером служили парастас. Заупокойные службы по желанию отца Иоанна совершал епископ Гдовский Кирилл. Утром 22 декабря, после совершенной преосвященным Кириллом с сонмом духовенства литургии и панихиды, траурная процессия по льду Финского залива направилась к железной дороге в Ораниенбаум.

⁵⁵ Отец Иоанн Кронштадтский // Дневник писателя. 1909. № 2. С. 38.

⁵⁶ Кончина и погребение отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909. С. 3–4.

Из Ораниенбаума в специальном траурном поезде гроб был доставлен на Балтийский вокзал столицы. С вокзала процессия, увеличивавшаяся по мере своего продвижения, направилась в Иоанновский монастырь (общее число провожающих достигло 60 тысяч человек)⁵⁷. При входе в монастырь стояли все сестры обители во главе с игуменией Ангелиной, а также духовенство. На руках священников, в предшествии сестер, поющих «Помощник и Покровитель», гроб был внесен в большой соборный храм и установлен посреди храма на катафалке, обтянутом белым глазетом. В 9 часов вечера в соборном храме начался парастас, который служил епископ Архангельский Михей. В служении участвовало до 40 священников и диаконов. В 12 часов ночи окончилось богослужение, и начался выпуск по очереди всех, желавших проститься с батюшкой.

Утром в монастыре в главном храме были совершены Божественная литургия и отпевание. Богослужения совершали несколько архиереев во главе с митрополитом Антонием (в том числе будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси архиепископ Финляндский Сергей) в сослужении более 60 пресвитеров и 20 диаконов. На литургии присутствовали сестры во главе с матушкой Ангелиной и многочисленные представители дворянства, купечества и других сословий. В конце литургии известный проповедник, будущий священномученик, протоиерей Философ Орнатский произнес речь, обращенную к сестрам обители и их игумении. Его слова несколько раз прерывались плачем присутствовавших в храме.

Во время отпевания «Непорочны» читал епископ Кирилл, а канон — протоиерей Философ Орнатский. После последнего прощания митрополита и духовенства открытый гроб с телом почившего перенесли из верхнего храма в церковь-усыпальницу Иоанновского монастыря. Гроб с телом отца Иоанна не был захоронен в землю, а опущен в беломраморную гробницу в 2 часа 15 минут 23 декабря и покрыт массивной мраморной плитой⁵⁸.

⁵⁷ Кончина и погребение отца Иоанна Кронштадтского. СПб., 1909. С. 5–24.

⁵⁸ Там же.

С этого времени к почитаемому захоронению постоянно приходило множество петербуржцев и приезжих паломников из других городов России. Непрерывно, с раннего утра до позднего вечера, в храме служили молебны, и редкий православный, прибыв в столицу, не приходил сюда помолиться. У гробницы совершались исцеления, только в 1909 г. их зафиксировали 12. По указанию игумении Ангелины в специальных книгах Иоанновского монастыря было записано множество случаев чудес, совершившихся по молитве около гробницы. Перед ней висели 16 дорогих лампад, а среди икон находился старинный образ святителей Московских.

В 1911 г. справа от гробницы, по решению съезда депутатов духовенства Санкт-Петербургской епархии, была помещена в мраморном киоте икона преподобного Иоанна Рыльского, написанная академиком живописи Н.П. Шаховским, с неугасимой лампадой. Работы проводились по инициативе почитателей памяти о. Иоанна; в их числе были игумения Ангелина, заслуженный профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии Н.В. Покровский и настоятель храмов Иоанновского монастыря протоиерей Димитрий Федоров.

Следует упомянуть, что не все оказались удовлетворены предсмертным завещанием отца Иоанна, его попытались оспорить племянница протоиерея Руфина Григорьевна Шемякина и ее муж (другие родственники не возражали против передачи почти всего имущества батюшки Иоанновскому монастырю). Началось следствие, к которому некоторое время был причастен и судебный пристав А. Витович, опубликовавший позднее несколько тенденциозную книгу, содержащую следующую характеристику матушки Ангелины: «Игуменья Ангелина, в мире Анна, довольно представительная, еще не старая особа, от природы весьма разумная, самостоятельная, энергичная и предприимчивая. Говорят, что она из привилегированного сословия и воспитывалась в гимназии...»⁵⁹.

⁵⁹ Витович А. Наследство о. Иоанна. Записки судебного пристава по охранительной описи имущества о. Иоанна Кронштадтского. СПб., 1915. С. 4–5.

В конце концов, следствие было прекращено, и 20 сентября — 24 октября 1909 г. Санкт-Петербургский окружной суд утвердил духовное завещание о. Иоанна, о чем 9 ноября прокурор суда известил Хозяйственное управление Святейшего Синода⁶⁰.

После окончания споров по завещанию в 1910 г. большая часть вещей пастыря была перевезена в Иоанновский монастырь, где в бывших покоях батюшки был устроен своеобразный музей памяти великого святого. Некоторые же предметы игумения Ангелина оставила приходу Андреевского собора, и настоятель храма протоиерей Александр Попов поместил их в бывшей спальне кронштадтской квартиры о. Иоанна, где в дальнейшем была создана часовня-музей (матушка Елизавета Сергиева скончалась еще в 1909 г.).

И до, и после смерти Кронштадтского пастыря Иоанновский монастырь посещало значительное количество выдающихся архиереев, настоятелей других обителей, известных общественных деятелей и видных ученых. Только в первый год после кончины отца Иоанна монастырь посетили 80 архипастырей, священников же в 1909–1910 гг. побывало в обители для служения Божественных литургий и панихид свыше 4000 человек. Особенно памятли были в этот период служения в монастыре братии Валаамского монастыря во главе с архиепископом Финляндским Сергием (Страгородским); служение петербургского единоверческого духовенства по старому уставу и напевам; служение протоиереев и священников — членов Государственной Думы, во главе с епископами Евлогием и Митрофаном, и служение членов первого Всероссийского съезда законоучителей с председателем съезда епископом Тобольским Антонием⁶¹.

Со многими из побывавших в обители архиереями, священниками и монашествующими у матушки Ангелины установились близкие личные отношения. Так, настоятельница Леснинского Богородицкого женского монастыря игумения Екатерина в письмах к отцу Иоанну от 13 февраля и 30 апреля 1906 г. просила его при-

⁶⁰ РГИА, ф. 799, оп. 6, д. 30, л. 1–3.

⁶¹ Ведомости Санкт-Петербургской полиции и градоначальства. 1910. № 27.

ехать в обитель вместе с матушкой Ангелиной. Игумения Теолинского монастыря Людмила 29 сентября 1908 г. писала батюшке о игумении Ангелине: «Усердно прошу Вас: напишите ей обо мне, что мне очень хотелось бы познакомиться с нею, и я опять к ней непременно приеду». В другом письме Вировская игумения благодарила матушку Ангелину за передачу ей на обитель 500 рублей от о. Иоанна. 24 сентября 1908 г. настоятель Веркольского монастыря архимандрит Иоанникий в благодарственном послании Кронштадтскому пастырю написал: «Еще Достопочтеннейшей Высокопреподобной Игумении Матушки Ангелины с невестами Христовыми, мирную радость». Петербургский протоиерей Павел Лахостский, передавая 18 октября 1908 г. племяннице отца Иоанна Анне Орнатской подарок для батюшки — свою книгу «О Боге, мире и душе человеческой», в сопроводительной записке указал: «Да хранит матушку Ангелину, Вас и всю обитель Вашу Господь»⁶².

В архиве сохранились и два письма (1905 г.) к игумении Ангелине духовной дочери Кронштадтского пастыря княгини Надежды Ивановны Мещерской. В них содержится поздравление с наступающей Пасхой, просьба молитв у матушки и отца Иоанна и приглашение настоятельнице приехать в гости: «Глубокоуважаемая и дорогая мать игуменья Ангелина... Мысленно я часто бываю с Вами и очень надеялась побеседовать с Вами... Душевно преданная Вам княгиня Н. Мещерская»⁶³.

Необходимо упомянуть и телеграмму 28 марта 1908 г. отцу Иоанну от группы близких к нему священнослужителей. В этот «знаменательный для игумении Ангелины день» (пятую годовщину возведения ее в саян игумении) о благоденствии матушки и Кронштадтского пастыря в храме Иоанновского монастыря молились собравшиеся на богослужение протоиереи Александр Дернов, Димитрий Федоров, Александр Косухин, священники Иоанн Орнатский и Александр Коротаев». В телеграмме отмечалось:

⁶² ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 6, л. 67, д. 26, л. 122–123, д. 56, л. 11–12, д. 7в, л. 195.

⁶³ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 26, л. 85, 139–140.

«Да пробавит Господь милость Свою над нею для благотворного служения обители и для утешения Вашему сердцу»⁶⁴.

О своих посещениях в 1910-х гг. Иоанновского монастыря написал в воспоминаниях будущий глава Западно-Европейского экзархата Русской Православной Церкви митрополит Евлогий (Георгиевский). Он отметил доброту и гостеприимство игумении Ангелины: «Она любила приглашать приезжих архиереев на богослужение и угощать гостей чудесными рыбами, кулебяками... В числе их — и меня тоже». Владыка Евлогий также упомянул и о негативном отношении матушки к Григорию Распутину: «Одно время в монастырь повадился Распутин, которого, однако, к удовольствию самой игуменьи, послушницы скоро отвадили. Стоит Распутин — пройдет одна из послушниц, взглянет на него и говорит вслух, точно сама с собой рассуждает: “Нет, на святого совсем не похож...”. А потом другая, третья, и все, заранее сговорившись, то же мнение высказывают. Распутин больше и не показывался»⁶⁵.

Это свидетельство подтверждается и другими источниками. Так, М.Е. Головина в своих воспоминаниях писала: «Через два дня, в воскресенье, Григорий позвал нас всех к ранней обедне в монастырь на Карповке, впадающей в Неву речке, где в подземном храме погребен любимый святой Иоанн Кронштадтский... После обедни, едва кончилась служба, Григорий поспешил собрать людей, которые были с ним, и уйти. Прежде чем покинуть церковь, он подошел к Ольге.

– Идешь? — спросил он ее.

– Нет, я останусь с Илиодором, я ему нужна, — спокойно отвечала она.

– А ты, Муня, остаешься с Ольгой или пойдешь со мной?

Я ждала от Ольги слова, знака, но она молчала и не глядела на меня... Тогда я последовала за Григорием, и мы оказались вне монастыря.

⁶⁴ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 7 в, л. 136.

⁶⁵ *Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 203–204.*

— Не хочу идти к игуменье, — сказал он с доброй улыбкой, — не очень ее люблю, да думаю, и она меня не больше любит. Мне не хотелось бы, чтобы она увидела меня со всеми вами и с Анной. Пойдем ко мне, там всегда найдется что поесть...»⁶⁶.

Все сохранившиеся источники — архивные документы, публикации периодической печати, воспоминания и письма говорят о том, что матушка Ангелина как нельзя лучше соответствовала должности настоятельницы обители. Так, в журнале «Русский паломник» за 1909 г. сообщалось: «Руководимый опытной и просвещенной настоятельницей игуменией Ангелиной Иоанновский монастырь является по своему благоустройству лучшим украшением столицы и поистине достоин быть местом упокоения русского народного праведника»⁶⁷. Эта фраза с небольшими изменениями встречается в целом ряде журнальных статей и церковных книг того времени.

А в отчете благочинного монастырей Санкт-Петербургской епархии архимандрита Макария (Воскресенского) об их состоянии за 1908 г. относительно Иоанновского монастыря говорилось: «Памятуя заветы «дорогаго батюшки», сестры ведут себя, можно сказать, безупречно, к службам церковным являются неопустительно, в посты и другое время часто говеют и причащаются св. Христовых Тайн, послушание каждая исполняет с усердием, чин утренней и вечерней молитвы отправляется сестрами в трапезе, причем с вечерней молитвой соединяется чтение акафистов Спасителю, Божией Матери или святым, читается также в трапезе после вечерней молитвы и св. Евангелие, не менее одной главы. В свободное время сестры занимаются рукоделием, иконописанием под руководством учителя-художника и чтением книг духовного содержания, не воспрещается им в свободные часы выходить из своих келлий в монастырский сад; желающие отлучиться в город по необходимости испрашивают

⁶⁶ Круг Григория Распутина — лица духовные // https://vk.com/pages?oid=-23375822&р=схиигумения_Ангелина_Сергеева (дата посещения 20 января 2019 г.).

⁶⁷ Иоанновский женский монастырь в Санкт-Петербурге // *Русский паломник. 1909. № 4. С. 60.*

на то разрешение настоятельницы или благочинной монастыря, причем в особой, заведенной на сей предмет книге делается особая отметка, кто, когда и на какое время уволен и когда возвратился в монастырь. Между сестрами не замечалось ни вражды, ни ссор, никаких предосудительных поступков. Настоятельница-игумения, влияя на сестер большей частью нравственно, пользуется среди них доверием и любовью»⁶⁸. Так же характеризуется обстановка в обители и в отчетах благочинного за 1909, 1910 и последующие годы.

В отчете за 1913 г. отмечалось особое положение монастыря «как места упокоения в Бозе почившего основателя его протоиерея Иоанна Ильича Сергиева (Кронштадтского). К гробнице приснопамятного пастыря продолжается паломничество богомольцев... Случаи благодатной помощи по молитвам о. Иоанна, повторяющиеся у гробницы его, обследуются и записываются при том администрацией монастыря в особую книгу. К 20 декабря 1913 г. издана была печатная книжка, в которой оглашены заявления о различных исцелениях и других знамениях Божия милосердия»⁶⁹.

Следует отметить и хорошие организаторские, хозяйственные способности матушки Ангелины. Еще в своем рапорте в Санкт-Петербургскую Духовную Консисторию о состоянии и деятельности обители от 8 мая 1906 г. она указывала: «За все время существования монастыря на содержание его и на уплату жалования причту и служащим от казны никакого пособия не поступало»⁷⁰. За счет собственных средств монастырь обходился и в дальнейшем.

Обитель быстро росла — в 1911 г. число сестер уже превышало 200 человек. Игумения Ангелина успешно руководила всем обширным монастырским хозяйством и духовной деятельностью обители. За свои труды 30 июня 1911 г. она была удостоена пожалованием золотого наперсного креста из кабинета Его Импера-

⁶⁸ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 101, д. 42, л. 82–82 об.

⁶⁹ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 105, д. 65, л. 44–45 об, 47 об — 48, 54 об — 56.

⁷⁰ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 97, д. 43, л. 90.

торского Величества, а 6 мая 1913 г. — золотого наперсного креста с украшениями «в знак монаршего внимания к трудам на пользу Православной Церкви»⁷¹. В 1910 г. настоятельница присутствовала на перенесении мощей преподобной Евфросинии Полоцкой, а в сентябре 1911 г. участвовала в белгородских торжествах по случаю канонизации святителя Иоасафа Белгородского, мощи которого сохранились нетленными. 28 августа 1912 г. она была представлена в Петергофе вместе с членами Святейшего Синода императору Николаю II.

В октябре 1912 г. игумения вместе с шестью архиереями (в том числе будущим Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Сергием) послала телеграмму государю после молитвы у гробницы отца Иоанна о выздоровлении царевича Алексея: «Одушевляемые горячим чувством верноподданической любви и молитвами у гроба отца Иоанна повергаем к стопам Вашего Императорского Величества и Государыни Императрицы выражение искренней радости и молитвенных благопожеланий в виду улучшения состояния здоровья и надежды на полное выздоровление возлюбленного Вашего Сына, всем нам дорогого Наследника Цесаревича Алексея Николаевича». В ответ император Николай II 21 октября прислал благодарственный ответ: «Государыня Императрица и Я сердечно благодарим всех помолившихся о здравии Наследника Цесаревича у гробницы отца Иоанна. Николай»⁷².

Много внимания матушка уделяла благотворительности. В обители устраивались бесплатные обеды, оказывалась материальная помощь бедным. А 13 октября 1912 г. настоятельница обратилась с прошением к митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому): «Свято храня заветы Незабвенного Батюшки о. Иоанна, основателя вверенной мне обители и, желая увековечить в памяти бедных людей особенную его любовь и расположение, с которыми он всегда относился к детям, — осмеливаюсь

⁷¹ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4334, л. 3.

⁷² Кронштадтский маяк. 1912. № 1. С. 2.

обратиться к Вашему Высокопреосвященству с усерднейшею просьбою милостиво разрешить мне открыть с 19-сего Октября в имеющемся свободном монастырском помещении и за счет общих монастырских средств приют для безродных бедных девочек»⁷³. Уже через два дня разрешение Владыки было получено, и вскоре приют открылся.

Церковная деятельность матушки Ангелины постепенно приобрела международную известность. Так, указом короля Сербского Петра I от 16 октября 1910 г. ей был пожалован орден святого Саввы Сербского 4-й степени. 28 марта 1913 г. в обители состоялось светлое торжество в честь десятилетия пребывания матушки Ангелины в сане игуменьи. Литургию и благодарственный молебен совершил священномученик епископ Гдовский Вениамин (Казанский, в будущем митрополит Петроградский). А вечером игумению посетили и поздравили Патриарх Антиохийский Григорий IV, а также митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский) и архиепископ Евлогий (Георгиевский).

Известно, что в том же году святитель Макарий (Невский) — знаменитый миссионер, «апостол Алтая», — получил исцеление по молитвам святого праведного Иоанна Кронштадтского, с которым его связывали тесные духовные узы. Владыка, страдавший от болезни кожи около шести лет, детально описал, как сухая экзема, превратившись в мокрую, переходила с одной части тела на другую и особенно беспокоила его ночью: нужно было вставать, снимать бинты, старую мазь стирать, смывать, новую намазывать на больные места и опять бинтовать. 20 декабря (в день кончины отца Иоанна) 1913 г. он был приглашен в Иоанновский монастырь служить литургию в усыпальнице, где пребывали мощи святочтимого пастыря и молитвенника. После обедни митрополит отслужил панихиду у гробницы почившего и попросил исцеления. И, по его признанию, с того же дня началось освобождение от мучительного недуга. «Тогда мне понятно стало, что со мной

⁷³ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 104, д. 49, л. 1.

совершилось чудо милости Божией по молитвам того, кто еще при жизни прославился как чудотворец», — писал святитель⁷⁴.

Позднее, 9 марта 1916 г., владыка Макарий подарил матушке свой фотографический портрет с дарственной надписью: «Петроградскому Иоанновскому монастырю и всецелной игумении Ангелине на молитвенную память. Макарий, митрополит Московский и Коломенский»⁷⁵. В начале 2000-х гг. этот портрет был подарен обители, и сейчас его можно увидеть в открывшейся в монастыре музейной экспозиции.

В 1913 г. исполнялось 300-летие царствования Дома Романовых, и к этому юбилею в Санкт-Петербурге был построен храм-памятник — собор во имя Феодоровской иконы Божией Матери. Игумения Ангелина сделала значительные пожертвования на его содержание, в связи с чем 11 октября 1913 г. была удостоена благодарности императора, а 24 февраля 1914 г. ей Высочайше пожаловали нагрудный знак почетного члена строительного комитета по сооружению храма-памятника.

В самом Иоанновском монастыре также продолжались строительные работы — были возведены новый корпус, две часовни и т.д. В августе 1913 г. игумения обратилась с ходатайством о разрешении построить каменный трехпрестольный храм-усыпальницу на 500 мест для почитателей и благотворителей обители. Но вскоре началась Первая мировая война, и все работы пришлось прекратить. У настоятельницы появились новые заботы — размещение в обители детей-сирот из Галиции, эвакуированных сестер Леснинского монастыря, организация приюта дочерей Георгиевских кавалеров и т.д. Так, уже в конце лета 1914 г. при обители был устроен лазарет на 50 коек для больных и раненых воинов, освященный 25 августа.

⁷⁴ Ставицкая Н. «Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей...» // [http://monasterium.ru/publikatsii/stati/ioannovskiy-stavropigialnyy-zhenskiy-monastyr-v-sankt-peterburge-ya-predvizhu-vostanovlenie-moshchnoy-rossii-eshche-bolee-silnoy-i-moguchey-/](http://monasterium.ru/publikatsii/stati/ioannovskiy-stavropigialnyy-zhenskiy-monastyr-v-sankt-peterburge-ya-predvizhu-vostanovlenie-moshchnoy-rossii-eshche-bolee-silnoy-i-moguchey/) (дата обращения: 25 января 2019 г.).

⁷⁵ Жизнеописание схиигумении Ангелины (Сергеевой) — первой Настоятельницы Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге. С. 47.

14 сентября 1915 г. за особые труды по формированию при монастыре лазарета императрица Мария Федоровна наградила игумению знаком отличия Красного Креста 2-й степени. Продолжал проявлять свое расположение к игумении Ангелине и император Николай II. 29 июня 1915 г. он пожаловал ей свой фотографический портрет с «собственноручным начертанием» своего имени⁷⁶.

В первые годы после Октябрьского переворота матушка Ангелина продолжала оставаться главой обители. После создания 31 августа 1919 г. приходского совета храмов монастыря она была избрана почетным председателем совета с правом решающего голоса и непременным членом президиума. Настоятельница по-прежнему лично занималась всеми сторонами жизни обители, в том числе и деятельностью приходской общины. Сохранились свидетельства сестер об этом периоде жизни игумении Ангелины. В книге воспоминаний монахини Вероники (Котляревской) говорится: «Тихая, задумчивая, молчаливая, смиренная, большая молитвенница — она никогда не пыталась добиться послушания властным окриком или строгим поступком. Лучшие монахини понимали и ценили ее. Одна из них рассказывала: «Вот поспорят и поссорятся сестры, кто-нибудь из них вспылит или вообще сделает какой-либо нехороший поступок. Матушка зовет к себе провинившуюся. Та идет еще полная гнева, готовая к отпору, а матушка станет мирно расспрашивать ее, как она живет, о чем думает. В самую глубину души заглянет. И сестра уходит от нее успокоенная, утешенная с полным сознанием своей вины и недостойности, хотя матушка ее ни в чем не упрекнула»⁷⁷.

В то же время настоятельница умела поддерживать и необходимую в обители дисциплину. Так, послушница Мария Сивко, после ареста в феврале 1932 г. на допросе рассказывала: «Наша игуменья особенно нас куда-либо ходить не пускала, а если уходите, то толь-

⁷⁶ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4334, л. 3.

⁷⁷ Вероника (Котляревская), монахиня. Воспоминания монахини. Сан-Франциско, 1955. С. 15.

ко с ее разрешения и туда, куда она нам ходить предлагала»⁷⁸. Пятнадцатилетие пребывания матушки Ангелины в сане игумении, исполнившееся 28 марта 1918 г., было отмечено грамотой Святейшего Патриарха Тихона.

В послереволюционные годы настоятельница часто приглашала служить в монастырских храмах заслуженных пастырей. В частности многолетнее молитвенное и теплое дружеское общение связывало досточтимую игумению с протоиереем Николаем Кирилловичем Чуковым (будущим митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием).

В дневниковых записях 1919–1921 гг. отец Николай, в то время ректор Петроградского Богословского института, настоятель университетской церкви свв. Апостолов Петра и Павла, а затем Казанского собора, писал: «25 декабря — 6 января 1919 г. На этом времени дважды служил после трехмесячного перерыва. 19–20 в Иоанновском монастыре с Митрополитом [Вениамином], где ночевал у настоятеля [храмов обители] о. Федорова и познакомился у него с о. Дим[итрием] Любимовым, а также о. Альбовым»; «30 июня — 13 июля 1921 г. Среда. Сейчас вернулся из Иоанновского монастыря, где участвовал в служении с митрополитом по случаю престольного праздника и по просьбе игуменьи говорил слово. Слово, по-видимому, понравилось, сказал живо; тема — о решительности воли в следовании за Христом по принципу апостолов. Игуменья за столом, отзываясь о слове, заметила, что «видна мягкая душа»... Оказался я в монастыре так. В воскресенье со студентами Б[огословского] института мы служили там панихиду. Игуменья присутствовала и пригласила потом всех пить чай, после пожертвовала на институт 50 тыс. Тут же просила 30-го служить и сказать слово»⁷⁹.

Сохранилось одно из писем, отправленных матушкой Ангелиной от своего имени и сестер обители отцу Николаю (от 4 февраля

⁷⁸ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО), ф. архивно-следственных дел, д. П-84991, т. 1, л. 209.

⁷⁹ Из личного архива Л.К. Чуковой-Александровой.

1922 г.): «Глубокоуважаемый Отец Протоиерей! Приветствуем Вас с днем Вашего Ангела, сердечно желаем Вам милости Божией, доброго здоровья на многие, многие годы и полного благополучия. Просим принять просфору, вынутую за Ваше здоровье в храме-усыпальнице Дорогого Незабвенного Приснопоминаемого Батюшки... P.S. Отслужите, пожалуйста, молебен перед Образом Царицы Небесной Казанской, когда Вам будет удобно. Матушку и всю Вашу семью приветствуем с дорогим именинником»⁸⁰.

Досточтимая игумения Ангелина многократно приглашала протоиерея Николая Чукова служить в монастыре, а также просила помолиться за себя и сестер в его храме. Следует отметить, что отец Николай имел давнюю дружбу с Иоанновским монастырем, еще находясь на служении в Олонии. Так, 8 июня 1909 г. он написал в дневнике о посещении обители в составе группы священнослужителей Олонецкой епархии: «Сегодня утром ездили все в Иоанновский монастырь, служили там сами панихиду. Митра о. Иоанна пришлась по голове Владыке; завтракали в покоях игуменьи, отсутствующей. На память дали лети и портреты»⁸¹.

Митра святого праведного отца Иоанна, благословившего молодого священника еще в 1897 г., «подошла» протоиерею Николаю Чукову, когда 17 февраля 1921 г. на литургии в Казанском соборе за малым входом Петроградский митрополит Вениамин возгласил: «Патриарх Московский и всея России Тихон награждает настоятеля св. храма сего, ректора Богословского института, митрою. Аксиос!»⁸².

Со священномучеником митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским) матушка Ангелина в 1918–1921 гг. общалась особенно часто. Владыка почти каждый месяц служил

⁸⁰ Материал подготовлен и любезно предоставлен Л.К. Чуковой-Александровой из ее личного архива.

⁸¹ Материал подготовлен и любезно предоставлен Л.К. Чуковой-Александровой из ее личного архива.

⁸² Материал подготовлен и любезно предоставлен Л.К. Чуковой-Александровой из ее личного архива.

в Иоанновской обители. Непосредственно к нему обращалась игумения и в связи с различными событиями внутримонастырской жизни, в том числе за разрешением принятия желающих в число сестер и проведением пострига насельниц. Так, например, 29 июня 1920 г. настоятельница обратилась к митрополиту с соответствующим прошением относительно Александры Михайловны Комисаровой, муж которой в это же время по обоюдной договоренности с женой стал насельником Александро-Невской Лавры (речь идет о будущем старце иеросхимонахе Гурии (Комисарове)). Уже на следующий день Владыка написал на прошении матушки резолюцию: «Благословляется постричь Алекс[андру] Комисарову в мантию и принять в число сестер»⁸³.

Также почти каждый месяц служил в Иоанновском монастыре после своего назначения 21 февраля 1921 г. епископом Ямбургским, первым викарием Петроградской епархии, будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский). Сообщая об этом в письмах своему духовному отцу митрополиту Арсению (Стадницкому), Владыка Алексей в письме от 31 июля 1921 г. также отметил, что Святейший Патриарх Тихон писал матушке Ангелине о своей предстоящей службе в день Ангела в г. Подольске. Это упоминание является ценным свидетельством о существовании переписки игумении со святым Патриархом Тихоном⁸⁴.

После революции 1917 г. относительно спокойная жизнь продолжалась недолго — чуть более четырех лет. Последующие же годы принесли игумении Ангелине много бед и лишений. Особенно тяжелыми и трагичными были 1922–1923 гг. Первым испытанием стала развернутая органами власти кампания по изъятию церковных ценностей «на нужды голодающих Поволжья» (в действительности голодающим пошла лишь малая их часть). Опасаясь любого обмана и подозревая всех и каждого, в феврале 1922 г. районные власти потребовали от монастыря предоставления инвентарной книги

⁸³ ЦГИА СПб, ф. 678, оп. 1, д. 1330, л. 48.

⁸⁴ Письма Патриарха Алексея своему духовнику. М., 2001. С. 270.

дореволюционного времени. Однако ее не было до 1919 г., все управление имуществом принадлежало руководству обители, возглавляемому игуменией Ангелиной, а она не вела никакой описи инвентаря, не считая это целесообразным. Но доказать этот простой факт враждебно настроенной власти было не так-то просто. Представителей духовенства, в том числе настоятельницу (4 мая), вызывали по этому вопросу в милицию и подвергали унижительным допросам.

Дело приняло настолько серьезный характер, что игумения чуть не была привлечена к суду за сокрытие инвентарной книги. Так, заведующий районным отделом управления 10 мая 1922 г. писал в ГПУ: «То обстоятельство, что игуменья Ангелина не внесла в первоначальную опись всего имущества и ценностей и не представила в 1919 г. инвентарной книги, дает основание предполагать, что инвентарная книга ею сокрыта, ... а поэтому прошу дать настоящему делу надлежащий ход»⁸⁵.

Следует отметить, что еще в конце 1921 г. насельницы обители и прихожане ее храмов добровольно передали для помощи голодающим 936 тысяч рублей. Вопрос помощи поднимали и на общем собрании 26 февраля 1922 г., которое вновь единогласно избрало почетным председателем приходского совета игумению Ангелину и постановило: «Благодарить м. игуменью и всех сестер за поддержание храмов и сохранение имущества в должной чистоте и порядке, за благолепие церковных служб и вообще за все заботы об Иоанновской обители»⁸⁶.

19 апреля 1922 г. в монастырь пришли семь членов комиссии по изъятию ценностей, чтобы вывезти их из обители на подводах, но они встретили неожиданное, стихийно вспыхнувшее сопротивление прихожан. Несколько мирян, пробравшись на колокольню, ударили в набат. Число верующих быстро выросло почти до двух тысяч. Группа возмущенных прихожан проникла даже в покои настоятельницы, где в страхе спрятались члены комиссии. Последних

⁸⁵ ЦГА СПб, ф. 151, оп. 2, д. 90, л. 121 об.

⁸⁶ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-36314, т. 10, л. 80.

спасли члены приходского совета. Вечером, согласно официальной сводке, «порядок был восстановлен войсками». Поднятый по тревоге отряд вооруженных курсантов силой разогнал собравшихся, арестовав десять человек.

После этого ценности были изъяты, но советские власти все же решили, что необходимо возбудить судебное дело против руководства обители. 18 мая отдел управления просил ГПУ предъявить обвинение игумении Ангелине в расхищении предметов, пожертвованных прихожанами и почитателями отца Иоанна Кронштадтского, на что якобы давало право: во-первых, отсутствие инвентарной книги, которая не велась вовсе, во-вторых, то, что были обнаружены и изъяты предметы, не включенные в опись 1919 г. (в значительной части личные вещи насельниц)⁸⁷.

30 мая настоятельницу допросил следователь Петроградского губернского революционного трибунала. Обвинение в расхищении оказалось абсолютно бездоказательным, и теперь игумении ставили в вину главным образом организацию противодействия изъятию церковных ценностей. На допросе она все обвинения категорически отвергла: «За несколько дней до изъятия ценностей в монастыре среди церковного совета сложилось определенное мнение в деле помощи голодающим, которое сводилось к тому, чтобы изъятие ценностей прошло благополучно, но по независящим от церковного совета причинам толпа первоначального изъятия не допустила... Агитации против изъятия церковных ценностей среди духовенства монастыря не велось. С моей стороны агитации против изъятия церковных ценностей не было абсолютно, и виновной себя в таковой не признаю»⁸⁸. Следует подчеркнуть, что настоятельница 19 апреля лично успокаивала прихожан, уговаривая их не применять насилие.

Однако следствие не желало признать тот очевидный факт, что выступление прихожан было стихийной вспышкой народного

⁸⁷ ЦГА СПб, ф. 151, оп. 2, д. 4, л. 167–168.

⁸⁸ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-36314, т. 10, л. 90–91.

гнева. 30 мая следователь В. Куприянов после допроса настоятельницы, «усматривая наличность признаков преступного деяния», постановил: «Привлечь игуменью Ангелину к следствию по обвинению в допущении толпы, оказавшей противодействие власти во время изъятия церковных ценностей». Матушка Ангелина была вынуждена дать подписку, что без разрешения губернского революционного трибунала не станет никуда отлучаться из обители (т. е. была посажена под домашний арест)⁸⁹.

Начатое в отношении игуменнии следствие было лишь частью задуманного властями большого судебного процесса над цветом петроградского духовенства. Митрополита Вениамина (Казанского) и близких к нему священнослужителей и мирян обвинили в попытке добиться изменения декрета об изъятии церковных ценностей и организации сопротивления его выполнению. 86 человек предстали в качестве обвиняемых на открывшемся 10 июня судебном процессе, в том числе настоятель храмов Иоанновского монастыря протоиерей Иоанн Орнатский и трое их прихожан. Еще семь задержанных 19 апреля у стен обители мирян и игуменью Ангелину власти решили на процесс «не выводить», хотя следствие по их делу продолжали. 5 июля 1922 г. Петроградский губернский революционный трибунал вынес жестокий и несправедливый приговор: десять человек были приговорены к расстрелу. Шестерых позднее помиловал ВЦИК, а четверо, в том числе священномученик митрополит Вениамин, расстреляны в ночь с 12 на 13 августа 1922 г.

Следствие же по делу игуменнии Ангелины продолжалось еще несколько месяцев. Так, 4 августа Петрогубревтрибунал указал заведующему районным отделом управления командировать в следственный отдел сотрудников, проводивших 17 мая обыск в обители, для дачи показаний. А 11 августа следователь трибунала просил районные власти «по имеющемуся в его производстве делу об Иоанновском монастыре сообщить конкретный материал

⁸⁹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-36314, т. 10, л. 135–135 об.

о сокрытии приходским советом обители церковных ценностей»⁹⁰. Но такого материала практически не оказалось, и следствие постепенно заглохло.

Духовно близкий матушке Ангелине протоиерей Иоанн Николаевич Орнатский (1893–1937) был все-таки осужден и 5 июля приговорен Петроградским губревтрибуналом к двум месяцам принудительных работ. Следует упомянуть, что отец Иоанн был родным братом священномученика протоиерея Философа Орнатского и одним из сподвижников и преданных почитателей святого праведного Иоанна Кронштадтского. В свое время Кронштадтский пастырь просил о. Философа подыскать для своей племянницы Анны (дочери сестры Дарьи Ильиничны Малковой) жениха — скромного семинариста, им и стал о. Иоанн. Он служил в храме святого Апостола Иоанна Богослова на петербургском подворье Леушинского монастыря, а затем около 20 лет в Иоанновском монастыре (в 1904–1923 гг.). Священник записал многие из поучений праведника и издал их двумя выпусками в 1908 и 1911 гг. под заглавием «Проповеди о. Иоанна Кронштадтского, произнесенные в Иоанновском монастыре», а также подготовил и выпустил в 1911 и 1915 гг. два издания книги «Санкт-Петербургский Иоанновский женский первоклассный монастырь».

Характерны слова о. Иоанна Кронштадтского из предисловия к книге его проповедей за 1907 г.: «Издаваемые о. Иоанном Орнатским слова мои, говоренные без приготовления во время Литургии в созданной мною женской обители и в некоторых других церквах столицы, воспроизведены им совершенно согласно с тем, что я говорил, хотя в некоторых местах о. Иоанн искусно и метко дополнял своими словами некоторые места речи для большей полноты и связи текста, за что остаюсь ему благодарен». Именно о. Иоанн Орнатский провел у постели Кронштадтского пастыря последние часы его земной жизни, читал канон на исход души и отходную, и он же закрыл усопшему глаза на смертном одре.

⁹⁰ ЦГА СПб, ф. 151, оп. 2, д. 90, л. 118, 132.

В октябре 1909 г. о. Иоанн Орнатский принял активное участие в организации «Общества в память отца Иоанна Кронштадтского» и с этого времени был его казначеем. Он также стал одним из инициаторов издания журнала «Кронштадтский пастырь» и в 1912–1917 гг. являлся его ответственным редактором и автором многочисленных публикаций.

В советское время отец Иоанн Орнатский приложил все свои силы, чтобы сохранить могилу святого в Иоанновском монастыре. Незадолго до закрытия обители он был назначен настоятелем ее храмов и всячески пытался отстоять монастырь от разграбления и уничтожения. После закрытия обители он служил в пос. Графская (ныне Песочный) в церкви преподобного Серафима Саровского. 23 февраля 1936 г. отец Иоанн был арестован НКВД и 1 октября приговорен к 5 годам лишения свободы⁹¹. Скончался он в лагере 21 апреля 1937 г. на ст. Погостье Ленинградской области, где и был погребен. Недавно в Санкт-Петербурге была переиздана книга отца Иоанна Орнатского о Кронштадском пастыре⁹².

Осень 1922 — начало 1923 гг. было героическим временем в истории Петроградской епархии. На захват с помощью ГПУ просоветскими обновленцами руководства в Русской Православной Церкви духовенство и верующие ответили массовым сопротивлением. Одной из первых в августе оформилась так называемая Петроградская автокефалия, не признававшая власть обновленческого Высшего церковного управления. Возглавляли ее викарные епископы Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич). В Петроградскую автокефалию входил и Иоанновский монастырь. Так, прихожане и монахини не допустили 1 ноября — в день ангела отца Иоанна Кронштадтского — служить в храмах обновленцев и пригласили епископа Петергофского Николая (Ярушевича).

Однако 30 октября игуменья Ангелина и протоиерей Иоанн Орнатский получили извещение властей: «Отдел управления Петро-

⁹¹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-64611.

⁹² См.: Орнатский И. Воспоминания о Кронштадском Пастыре. СПб., 2013.

градского района настоящим предлагает Вам не допускать к совершению богослужения в Вашем монастыре 31 октября и 1 ноября с.г. епископа Николая Петергофского (Ярушевича). В случае неисполнения настоящего распоряжения настоятель и игуменья будут привлечены к ответственности, вплоть до ареста»⁹³. Одновременно милиции было предписано следить за исполнением указания. После получения запрещения прихожане и монахини «обошлись силами» своего причта, но так и не допустили обновленческих «архиереев», пытавшихся пробраться в обитель.

В ответ Петроградское епархиальное управление обновленцев 3 ноября приняло решение: «1. распустить приходской совет Иоанновского монастыря..., 3. настоятеля церкви монастыря протоиерея И. Орнатского и игуменью или ее заместительницу вызвать на 8-е сего ноября в епархиальное управление к 2 час. дня для объяснения по данному делу»⁹⁴. Но до разгрома Петроградской автокефалии власти не решились проводить какие-либо акции в отношении обители. 20 декабря 1922 г. Владыка Николай все-таки служил в монастыре. Ситуация изменилась к весне 1923 г. В феврале были арестованы епископ Николай и его ближайшие помощники, под репрессивными ударами автокефалия начала распадаться. Это «развязало руки» властям и 12 мая 1923 г. храмы монастыря были насильно переданы новому обновленческому (живоцерковному) приходскому совету («двадцатке»).

Подавляющее большинство насельниц (около 200 человек) во главе с игуменией Ангелиной, желая сохранить обитель, остались в ней, однако несколько сестер покинули здание на Карповке. В упоминавшихся воспоминаниях монахини Вероники об этом событии говорилось так: «Часть монахинь Иоанновского монастыря ушла из обители, когда их игуменья временно склонилась на сторону «живой» церкви. Эта ошибка была кратковременной, она скоро вернулась в лоно Православной Церкви. Но многие строго осудили ее

⁹³ ЦГА СПб, ф. 151, оп. 2, д. 90, л. 142.

⁹⁴ ЦГА СПб, ф. 1001, оп. 7, д. 6, л. 72–72 об.

за это. Человек глубокой внутренней жизни, она не умела разбираться в тогдашних церковных делах. Но батюшка о. Иоанн Кронштадтский, не мог ошибиться, да и не ошибся, поставив именно ее во главе своей обители... Лучшие монахини понимали и ценили ее»⁹⁵.

Следует отметить, что Иоанновская обитель единственная из всех монастырей «северной столицы» осенью 1922 — весной 1923 гг. входила в Петроградскую автокефалию, все остальные обители в это время признавали обновленческое епархиальное управление и подчинялись ему. А после разгрома автокефалии из почти 150 храмов города лишь около десяти устояли и продолжали сопротивляться обновленцам до освобождения из-под ареста Святейшего Патриарха Тихона в конце июня 1923 г. Массовое возвращение духовенства и верующих в Патриаршую Церковь в Петрограде (как и во всей стране) развернулось в августе 1923 г. Отношения же насельниц Иоанновского монастыря с новой обновленческой «двадцаткой» с самого начала были весьма напряженными, а с середины лета уже открыто враждебными.

Стремясь покончить с «гнездом контрреволюции», президиум Петроградского губисполкома принял решение о закрытии монастыря и принудительном выселении его насельниц из здания. В результате 14 ноября 1923 г. храмы обители были закрыты, большую часть сестер к тому времени изгнали из монастыря (лишь около 60 человек, проявив невероятную самоотверженность и упорство, продержались в здании обители до 1932 г.).

Духовное руководство сестрами, и оставшимися в здании на набережной реки Карповки, и изгнанными из монастыря, вплоть до своей кончины продолжала осуществлять игумения Ангелина. В ноябре 1923 г. она со своей тетей — монахиней Евпраксией (Кононовой), казначеей монахиней Иоанной (Лежоевой) и инокиней Натальей Репиной поселилась по адресу: улица Полозова, д. 22, кв. 37 на Петроградской стороне, сняв квартиру вблизи от нескольких семей бывших прихожан Иоанновского монастыря. При этом

⁹⁵ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 15.

настоятельнице удалось вывезти часть документов обители, в том числе книгу записей ее почетных посетителей, в которой были описаны и случаи чудесного исцеления. В середине 1920-х гг. матушка Ангелина приняла схиму.

Все годы своего пребывания в сане игумении матушка Ангелина как о родной дочери заботилась об удочеренной Надежде, которая страдала пороком сердца. В 1900–1914 гг. до своего замужества девушка жила в Иоанновском монастыре, носила форму испытуемых, но послушницей не была, в это время она закончила три класса городской школы. Позднее на допросе в Ленинградском Управлении НКВД 21 февраля 1935 г. Надежда Михайловна говорила: «С момента начала постройки монастыря с матерью переехали в первое жилое помещение стройки, а затем остались жить в монастыре»⁹⁶. В 1914 г. приемная дочь игумении вышла замуж за содержателя постоянного двора Семена Терентьевича Столбова и переехала жить к нему. С тех пор Надежда Михайловна вела домашнее хозяйство, в 1920-е — начале 1930-х гг. работала заготовщицей в Центральной радиолaborатории, а в 1932 — 1935 гг. числилась безработной. Ее семейная жизнь сложилась счастливо, в 1920 г. родилась дочь Татьяна, в 1923 г. — вторая дочь Ольга, а в 1932 г. — сын Евгений.

Вплоть до своей смерти матушка Ангелина так и не рассказала Надежде тайну удочерения, стараясь сохранить ее душевный покой. На упомянутом допросе 1935 г. Н.М. Столбова показала: «Примерно до 1926 г. я считала себя родной дочерью Сергеева. После же смерти моей матери Ангелины... проживавшая вместе с ней старая монахиня монастыря и дальняя родственница Ангелины, гр. Кононова Евдокия (по монашеству Евпраксия), ныне проживающая на Петроградской стороне ул. Полозова, д. 22, кв. 38 или 37, передала мне мою метрику, из которой явствует, что являюсь приемной дочерью гр. Сергеева и по его имени мне присваивается отчество Михайловна, и что я являюсь найденным»⁹⁷.

⁹⁶ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-74528, т. 3, л. 341.

⁹⁷ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-74528, т. 3, л. 341 об.

В 1930-е гг. Н.М. Столбова дважды подвергалась арестам со стороны карательных органов. В первый раз это произошло 24 февраля 1930 г. по делу бывшей делопроизводительницы Иоанновского монастыря и секретаря игумении Ангелины Александры Пантелеевой, которую обвинили в перевозке в июне 1917 г. монастырских ценностей в Вауловский скит в соответствии с указом митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) о сокрытии святынь обителей в связи с военной угрозой в надежных местах. Надежду Михайловну также обвинили в сокрытии монастырского имущества, но при обыске нашли лишь опись личных вещей Столбовой от 17 июня 1917 г., которые были отправлены вместе с ценностями обители в Вауловский скит (где их зарыли в землю). С тех пор Надежда Михайловна ничего о них не слышала, и в марте 1930 г. ее освободили, а следственное дело прекратили за недоказанностью обвинения⁹⁸.

Второй раз Н.М. Столбова была арестована 20 января 1935 г. по обвинению в том, что она является «активным членом подпольной иоаннитско-сектантской контрреволюционной монархической группировки, распространяет контрреволюционную церковную литературу и ведет систематическую антисоветскую агитацию». Советской власти было ненавистно все связанное с именем батюшки о. Иоанна Кронштадтского, поэтому в январе-феврале 1935 г. НКВД провело акцию по уничтожению в Ленинграде так называемых «иоаннитов». К их числу карательные органы относили всех почитателей и духовных детей великого святого, а также священнослужителей и мирян, связанных с Иоанновским монастырем. Всего по этому делу было схвачено 55 человек, в том числе и Надежда Михайловна. При обыске у нее в квартире (по адресу Пермская улица, д. 4, кв. 6) были найдены и конфискованы 50 фотографий, в том числе матушки Ангелины и приемного отца — Михаила Артемьевича Сергеева, 43 иконы и особенно заинтересовавшая следователей книга записей почетных посетителей Иоанновско-

⁹⁸ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-14055.

го монастыря. Все эти бесценные реликвии были в дальнейшем уничтожены⁹⁹.

На первом допросе 23 января Надежда Михайловна лишь рассказала свою биографию и сообщила, что регулярно навещает больную тетю приемной матери — монахиню Евпраксию (Кононову). В ходе второго допроса 21 февраля следователь задал вопрос, где Столбова получила найденную при аресте «Книгу посетителей Иоанновского монастыря» и с какой целью ее хранила, на что Надежда Михайловна ответила: «Года два-три тому назад при квартирном уплотнении гр. Кононова Евдокия принесла мне на хранение ряд своих вещей, иконы, портреты Иоанна Кронштадтского с личной подписью, даримые Ангелине, религиозные картинки-образки и книгу записей посетителей Иоанновского монастыря. Ряд носильных вещей, оставленных мне Кононовой, я ей возвратила по месту ее жительства, а остальные вернуть не успела, что и было обнаружено и изъято при обыске. Хранились эти вещи мною без всякой цели»¹⁰⁰.

На последнем, третьем допросе 8 марта следователь, наконец, спросил Н.М. Столбову, что ей известно об иоаннитах, и получил ответ: «Ничего». Надежда Михайловна поддерживала отношения с несколькими бывшими насельницами Иоанновского монастыря, но постоянно встречалась лишь с тетей игумении Ангелины, о чем рассказала еще раз, подчеркнув: «Я же являюсь религиозной, почитаю о. Иоанна, как хорошего пастыря и чту память о нем, как о хорошем и умном духовном лице»¹⁰¹.

Доказать принадлежность Н.М. Столбовой к антисоветской группировке не удалось, 1 апреля 1935 г. ее освободили под подписку о невыезде до суда. И все же, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств, 31 июля 1935 г. Особое Совещание при НКВД СССР приговорило страдавшую пороком сердца мать троих малолетних детей «за участие в контрреволюционной организации»

⁹⁹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-74528, т. 1, л. 361.

¹⁰⁰ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-74528, т. 3, л. 341 об — 342.

¹⁰¹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-74528, т. 3, л. 344.

к трем годам ссылки в Казахстан. После отбытия срока Н.М. Столбова вернулась в Ленинград и скончалась в 1942 г., в период блокады (ее могила находится на Серафимовском кладбище). Несомненно, что советские карательные органы подвергали Надежду Михайловну репрессиям как дочь схиигумении Ангелины, поскольку сама матушка в 1930-е гг. уже была им недоступна.

В 1926 г. она тяжело заболела, чему способствовал сильный холод в снимаемой квартире, которая не отапливалась из-за нехватки средств. Сохранилось устное предание, что в это время матушку Ангелину подвергали аресту (вероятно, кратковременному), на допросе выбили ей все зубы, и схиигумения держала Евангелие во рту губами. Это косвенно подтверждается тем фактом, что при обретении останков матушки в 1997 г. выяснилось, что у нее отсутствуют зубы.

В январе 1927 г., вероятно по доносу, закопанные в Вауловском скиту в землю ценности Иоанновского монастыря были найдены агентами ОГПУ и конфискованы. В одной из ярославских газет появилась статья под длинным заголовком: «Найден монастырский клад. 346 серебряных риз, крестов, лампад, подсвечников. Объяснение б. игуменьи». В этой статье сообщалось: «В последних числах января сотрудниками Ленинградского и Ярославского ОГПУ в окрестностях совхоза «Ваулово», недалеко от быв. Монастыря, Борисоглебской волости Ярославского уезда, найдена зарытая в земле всевозможная серебряная церковная утварь в количестве 346 предметов. Большей частью это серебряные ризы с икон, кресты, подсвечники, лампы, разнообразные украшения. Найдено, кроме того, несколько золотых монет.

Бывшая игуменья этого монастыря (специально доставленная из Ленинграда на место раскопок), пояснила, что все эти ценности были вывезены из Иоанновского монастыря в г. Ленинграде в 1917 году. Вся церковная утварь перевезена в Ленинград»¹⁰². Несмотря на тяжелую болезнь, схиигумении пришлось ехать с агентами ОГПУ в Ваулово, что не могло не отразиться на ее самочувствии.

¹⁰² Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 63–64.

После возвращения в родной город, в начале февраля 1927 г., преодолевая болезнь, матушка Ангелина в последний раз навестила общину бывших сестер своего монастыря при Скорбященской церкви в Невском районе. Монахиня Вероника (Котляревская) позднее вспоминала: «Незадолго до своей кончины она посетила маленькую общину сестер Иоанновского монастыря, поселившуюся недалеко от церкви и часовни с иконой Божией Матери “Всех скорбящих Радость” на Стеклянном заводе. Сестры почувствовали ее присутствие как большой светлый праздник. Если не ошибаюсь, это было в 1927–1928 гг. Она тоже уже жила на частной квартире. Через несколько дней она прислала юродивого нищего Мишу сказать, что ей плохо. А еще через два дня ее не стало»¹⁰³.

Схиигумения скончалась 26 января / 8 февраля 1927 г. в квартире на ул. Полозова. В это время она находилась под следствием (в связи с обнаружением ценностей Иоанновского монастыря), готовился ее новый арест. Согласно другому устному преданию, матушка Ангелина молила Бога о том, чтобы умереть до ареста и не попасть снова в безбожные руки большевиков. Так и случилось: как только агенты ОГПУ вошли в дверь с ордером на ее задержание, схиигумения Ангелина скончалась.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков), служивший в конце 1920-х гг. в сане протоиерея настоятелем Николо-Богоявленского собора, записал в упоминавшемся неопубликованном дневнике, что он участвовал в отпевании матушки 28 января/10 февраля в церкви св. Алексия Человека Божия (ближайшей к закрытому Иоанновскому монастырю). Отпевали схиигумению епископ Петергофский Николай (Ярушевич) — будущий митрополит Крутицкий и Коломенский и архиепископ Хутынский Алексей (Симанский) — будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей I. Так три выдающихся архиерея Русской Православной Церкви проводили

¹⁰³ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 15.

приснопамятную схиигумению в последний путь ко Господу, в селения праведных¹⁰⁴.

Похоронили матушку Ангелину на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры, недалеко от церкви святителя Николая Чудотворца. Все годы безбожия православные петербуржцы неизменно почитали эту скромную могилу, на кресте которой находились два портрета схиигумении: на первом она изображена одна, на другом вместе со своим духовным отцом — святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским.

По свидетельству упоминавшейся монахини Вероники — келейницы преподобного Серафима Вырицкого (последнего духовника Александро-Невской Лавры перед ее закрытием в начале 1930-х гг.), «спустя некоторое время лаврский старец схимник Серафим видел сон: к нему пришли три игуменьи — основательница Дивеева мать Александра, Шамординская настоятельница и недавно скончавшаяся игуменья Иоанновского монастыря мать Ангелина. Они беседовали с ним и сказали, что им хорошо, что они вместе утешаются в Горных обителях, благословили, передали благословение его духовным детям и исчезли»¹⁰⁵.

Нынешние насельницы возрожденного в 1989 г. монастыря молитвенно чтят память его строительницы и первой настоятельницы. Ежедневно схиигумению Ангелину с сестрами поминают за проскомидией. В течение нескольких лет каждый год в день ее памяти сестры шли на Никольское кладбище Александро-Невской Лавры и служили панихиду. Желание перенести честные останки матушки в храм-усыпальницу было у сестер давно, но по разным причинам оно несколько лет откладывалось.

Наконец, 29 октября 1997 г. в жизни обители произошло знаменательное событие — по благословению Святейшего Патриарха Алексия II состоялось обретение и перенесение останков схиигумении Ангелины в монастырь. Это долгожданное событие описала

¹⁰⁴ Личный архив Л.К. Чуковой-Александровой.

¹⁰⁵ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. С. 15.

одна из сестер обители — мать Митрофания: «Заветная мечта насельниц Свято-Иоанновской обители сбылась. Перенесены останки основательницы и строительницы нашего монастыря схиигумении Ангелины (Сергеевой) в храм-усыпальницу, устроенную ею же для дорогого Батюшки о. Иоанна Кронштадтского. Желание перезахоронить матушку было у сестер с первого дня после открытия монастыря, но вопрос этот как-то все откладывался. И вдруг произошло все так быстро, как может быть только тогда, когда есть на это воля Божия — “...Как ты Господи, а не как мы...”.

10 октября было принято решение о переносе останков Ангелины в ее родной монастырь. Спросили благословения Его Святейшества. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II одобрил и поддержал решение матушки и благословил возродить память первой строительницы и основательницы нашей обители перенесением ее честных останков в храм-усыпальницу дорогого Батюшки. Все разрешения были получены буквально в два дня. Мы признательны и благодарны всем, с кем нам пришлось общаться или получать какую-либо справку, все они были очень внимательны и отзывчивы. И начались радостные хлопоты, которые продолжались около двух недель. У всех на душе Пасха. Нужно подготовить место в усыпальнице для погребения, заказать мраморную плиту, сделать гробик и обшить его заботливыми руками сестер-мастериц, чтобы дорогая матушка была довольна трудами своих дочерей. Вышивается схема, параман. Шьется новое облачение — все делается с огромной любовью.

Наконец, все готово. Назначен день на перенесение дорогих останков матушки Ангелины. И здесь промысел Божий. День перенесения совпадает с днем памяти Преподобномученика Андрея Критского. Левый придел верхнего храма Собора Двенадцати Апостолов при матушке Ангелине был освящен в честь Преподобномученика Андрея Критского и Марии Египетской, а это значит, что и святые радуются этому событию. Неожиданно для всех в обитель приезжает схиархимандрит Зосима, батюшка, который в своем детстве проживал со многими сестрами нашей

обители, поселившимися после окончания ссылки в г. Воронеже. У него хранились личные вещи Батюшки о. Иоанна и Матушки схиигумении Ангелины, которые он передал в дар Свято-Иоанновской обители. Приезд отца схиархимандрита Зосимы оказался промыслителен. Он помогал сестрам духовными советами при совершении перезахоронения и переоблачения Матушки Ангелины.

В назначенный день и час 29 октября в каком-то радостно-тревожном настроении приехали на Никольское кладбище Александро-Невской Лавры о. Зосима, матушка настоятельница, мать казначея и сестры. Отслужили панихиду. При помощи работников кладбища вскрыта была надгробная плита в склеп. Само поднятие дорогой почившей было произведено матушкой настоятельницей с помощью сестер. С большой любовью, нежностью, как что-то самое дорогое, останки почившей заворачиваем в новую холщовую простынь и с благоговейным, непрекращающимся пением переносим в машину. Несколько минут езды отделяют нас от обители. Останавливается машина у центральных ворот монастыря. Духовенство, все сестры монастыря в полной монашеской форме при торжественном пении «Святый Боже...», со слезами радости на глазах встретили свою первостроительницу и основательницу Святой обители отца Иоанна Кронштадтского после 70-летнего ее отсутствия.

Когда кто-то из дорогих гостей приезжает к нам в обитель, то первым делом в сопровождении пения сестер идет в усыпальницу к дорогому Батюшке. Так было и на этот раз. При стройном пении сестер торжественно вносятся останки, и все насельницы спускаются в усыпальницу. Благостные впечатления о столь замечательном событии дня нашего монастыря навсегда останутся в памяти как что-то самое дорогое. Опять бессонная ночь, но никто об этом и не помнит. В усыпальнице при чтении Псалтири старшими сестрами совершается облачение почившей в новые одежды. Как благоговейно при самом тщательном просмотре сохраняется старое облачение, укладывается каждая складочка мантии, монашеский пояс, параманный крест, постригальные тапочки, а вот и части от сохранившейся схимы — несмотря на прошедшие 70 лет

сестрам удастся прочитать на схиме слова, символически отображающие подвиг схиигумении Ангелины: «...Ланиты моя дах на заухшение...» и «Яко кроток есмь и смирен сердцем». Как все дорого, и все должно быть сохранено для истории монастыря.

После облачения гроб с почившей при пении сестер поднимается в верхний собор монастыря и остается там для поклонения почившей на несколько дней. Каждый день служитя заупокойная литургия. Эти дни особые для монастыря — день ангела дорогого Батюшки и возвращение в обитель Матушки Ангелины к этому дню. Весть о перезахоронении первой настоятельницы нашей обители быстро облетела верующих нашего города и области. Поток прихожан не прекращается все эти дни. Все с большим благоговением и трепетом прикладываются к Матушке Ангелине, просят ее Святых молитв. Отслужили последний парастас в храме Собора Двенадцати Апостолов и первую ночную литургию в храме-усыпальнице по почившей, и останки, теперь уже для вечного упокоения, остаются в храме-усыпальнице и будут покоиться рядом с дорогим ее наставником отцом Иоанном Кронштадтским. «...Во блаженном успении вечный покой...»¹⁰⁶.

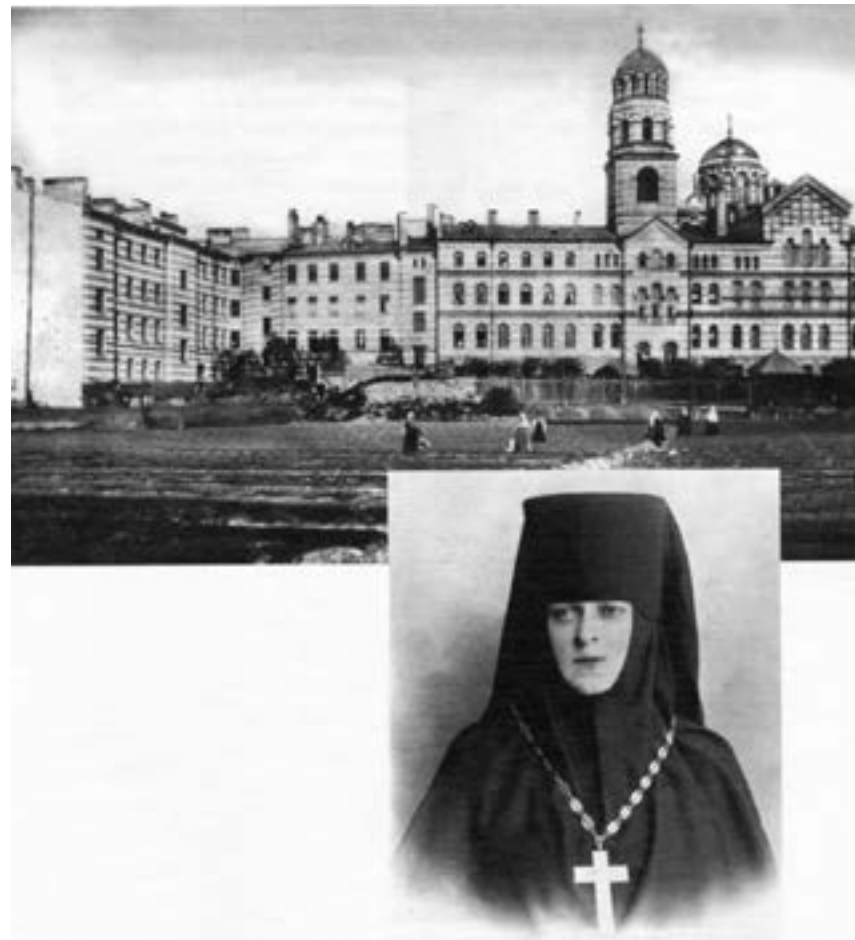
Погребение честных останков матушки Ангелины в храме-усыпальнице святых Пророка Илии и Царицы Феодоры состоялось 20 октября / 2 ноября 1997 г., в ночь на понедельник 3 ноября. По преданию, погребение схиигумении в Иоанновском монастыре будет предшествовать долженствующему последовать за этим обретению мощей Всероссийского пастыря святого праведного отца Иоанна Кронштадтского.

На белоснежной мраморной надгробной плите матушки Ангелины золотом горят евангельские строки: «Блажени изгнании правды ради, яко тех есть Царство Небесное». Рядом находятся святыни: части гроба (он — как новый, дерево с застывшими каплями смолы кажется совсем свежим), одежда схиигумении: власяница, пояс, ряса, мантия, часть схимы со словами: «И ланиты

¹⁰⁶ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 274–278.

дах на заушение», вышитый золотом параман, постригальные сандалии, монашеский пояс, игуменский и параманный кресты из дерева. Все это сохранилось, несмотря на то, что пролежало в сырой петербургской земле 70 лет.

Праведница, подвижница, страстотерпица матушка Ангелина обрела благодать у Бога. Об этом говорит и непрекращающееся почитание ее церковным народом, и ее нетленные останки. Сестры обители собирают материалы о жизни матушки. Возможно, со временем она будет прославлена Церковью в лике святых.

Иоанновский женский монастырь в Санкт-Петербурге, основанный святым праведным Иоанном Кронштадтским

Настоятельница Иоанновского монастыря игумения Ангелина

Документы схиигумении Ангелины (Сергеевой)

№ 1

Слово о. Иоанна Кронштадтского, произнесенное 27 октября 1901 г. по принятии Ангельского образа сурской послушницей Анной Сергеевой (в монашестве Ангелиной).

«Возлюбленная о Господе сестра Ангелина! Приветствую тебя о Господе с принятием Ангельского образа и с новым именем Ангелины. Да будет же твое житие в обители Ангельское; отвергнись всех мирских и плотских пристрастий и предай сердце твое Господу. Побеседуем кратко к общей нашей пользе духовной по поводу изречения Господа нашего Иисуса Христа: “Лисицы имеют норы и птицы небесныя гнезда. Сын же человеческий не имеет, где приклонить голову”. (Мф. 8.20).

Это притча. Под лисицами разумеются льстивые демоны, прельщающие непрестанно род человеческий мнимою сладостию греха и удаляющие нас от солнца правды Господа Иисуса Христа; норы — это сердца человеческия и глубины их, в которых гнездятся бесчисленные страсти наши или бесы виновники их; под птицами небесными разумеются тоже демоны, поднебесные духи злобы, так как в Писании под небом разумеется часто воздух, в котором летают птицы; под Сыном Человеческим разумеется Господь, Который по причине множества обладающих нами грехов и житейских пристрастий часто не имеет в нашем сердце места, где преклонить голову. Из этой притчи ясно, что в душах человеческих всегда живет и царствует Бог, создавший нас по образу Своему и подобию, но часто и преимущественно царствует князь власти воздушной диавол под видом различных страстей, обладающих человеком. Чтобы водворить и утвердить в человеке христианине царствие Божие, чтобы ему возлюбил всем сердцем Господа, — должно отречься себя, всех пристрастий мирских и плотских, всего ветхаго человека, должно распять свою плоть со страстями и похотями. (Галат. 5.24)

Ангельский или монашеский образ с тем именно и воспринимает на себя христианин или христианка, чтобы изгнать из своего сердца всякое плотское пристрастие и распять себя для мира и всех похотей, чтобы по упразднению от них, мог совершенно вселиться в сердце Иисус Христос: ибо какое общение света с тьмою, правды с беззаконием и Христа с велиаром (2 Кор. 6, 14–15).

Монашеский образ именно к этому и обязывает всякого, кто принимает его на себя добровольно. Итак, раба Божия Ангелина, распни себя миру и страстям, и да воцарится в сердце твоём Христос Бог — верою, любовью святою, усердием к Нему, молитвою, постоянным вниманием с себе, воздержанием, смирением, послушанием, кротостью и незлобием, бескорыстием. Отврати сердце твое от земли и живи умом и сердцем на небесах, откуда мы и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа. Не возлюби ничего и не предпочти ничего на земле паче — больше Христа; все да будет для тебя как уметы и сор, чтобы приобрести единого Христа. Вспоминай чаще, какие ты дала обеты пред Церковью — пред Лицем Христа, Богоматери, пред Св. Ангелами и всеми святыми. Они были свидетелями твоих добровольных обетов. Помни, от чего ты отрелась, и что примешь — отрелась от тлена и примешь нетление; отрелась от преходящего и скороисчезающего и примешь вечныя блага; и что дороже и выше всего — будешь иметь в своем сердце Самого Господа, как сказано в Писании: “Дал еси достояние боящимся Тебе, Господи”.

Вот цель твоего нового образа жизни. Да живет же в тебе Господь и ты в Нем. Аминь.»

Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства. 1901. 28 октября. С. 2.

№ 2

Письмо о. Иоанну Кронштадтскому из Сурского подворья в Санкт-Петербурге от монахини Ангелины. 15 марта 1902 г.

«Ваше Высокопреподобие, Родной Батюшка!

Прошу Ваших святых молитв и благословения. Ради Господа, прошу Вас написать письмо Марии Владимировне Орловой-

Давыдовой, чтобы поскорее определить нашу больную Сурскую послушницу Евдокию Толбузину в общину Христа-Спасителя (Сергиевская ул. № 73). Орлова-Давыдова там попечительницей и она для Вас сделает; ну уж и характер у Толбузиной, в жизни ничего подобного не встречала, что вчера выпало на мою долю.

Прошу Вас, Родной Батюшка, помолиться у Престола Всевышнего, чтобы Господь дал мне терпения.

Ради Господа простите и благословите Бесценный Родной Батюшка недостойную грешную монахиню Ангелину.»

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 2219, оп. 1, д. 2, л. 307–307об. Подлинник.

№ 3

Срочная телеграмма в Кронштадт секретарю о. Иоанна Кронштадтского Вере Ивановне Перцовой из Санкт-Петербурга от монахини Ангелины. 16 марта 1902 г.

«Передай Батюшке — третий день дьякон не служит. Была у них на квартире и посылала, и дома его нет, что делать, беспокоюсь.

Монахиня Ангелина.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 2, л. 308. Телеграфный бланк.

№ 4

Телеграмма в Кронштадт Вере Перцовой с передачей протоиерею Иоанну Ильичу Сергиеву из Санкт-Петербурга от монахини Ангелины. 24 декабря 1902 г.

«Примите Ваше Высокопреподобие родной Батюшка из глубины наших сердец поздравление с Праздником Рождества Христова и да воздаст Вам Господь сторицею за Ваши щедрья милости, изливаемые на Вашу юную обитель, и продлит драгоценную Вашу жизнь на многия годы в полном благополучии.

Недостойная монахиня Ангелина о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 20а, л. 109. Телеграфный бланк.

№ 5

Телеграмма в Кронштадт Вере Перцовой из Санкт-Петербурга от игумении Ангелины. 16 августа 1903 г.

«Передать дорогому Батюшке. Сейчас получила от сенатора из Ярославля письмо. Ввод во владение назначен на 19 августа. Мне необходимо ехать. Прошу святого благословения на благополучие поездки и дела. Воскресенье 8 часов 40 м. вечера, надо выезжать.

Прошу святых молитв родного Батюшки, недостойная игумения Ангелина.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 76, л. 171. Телеграфный бланк.

№ 6

Письмо о. Иоанну Кронштадтскому из Санкт-Петербурга от игумении Ангелины. 3 октября 1903 г. (?)

«Святоточимый Дорогой, Родной Батюшка, Простите, Бесценный Батюшка, что я не отвечаю Вам письменно на Ваше сегодняшнее письмо, а благословите мне завтра, т.е. сего 4-го октября субботу приехать к Вам с м[онахиней] Анною и при личной встрече передать Вам нужное. Все это время душа рвется к Вам, но по известным обстоятельствам я приехать не могла. Если разрешите, Родной Батюшка, приехать завтра Мясниковым (из Царск[ого] села) вместе с нами, то я им сегодня дам знать.

Простите, благословите, Родной Батюшка, и разрешите нам грешным приготовиться к принятию Св. Тайн. Прошу Вашего святого благословения и святых молитв Ваших, как мне недостойной многогрешной, так и всем сестрам о Христе и всей Св. обители Вашей, с глубокою сердечною любовью молитвенно к Вам,

Ваша послушница и[гуменья] Ангелина.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 7г, л. 5-5об. Подлинник.

№ 7

Телеграмма в Кронштадт Вере Перцовой с передачей протоиерею Иоанну Сергиеву из Санкт-Петербурга от игумении Ангелины. 24 марта 1904 г.

«Христос Воскресе! Победную песнь приносим, слава Христу! Горячо приветствуем Вас, родной, сердечно любимый отец и покровитель!

В сей всерадостный день Воскресения Христова помолитесь, святочитимый Батюшка, чтобы нам всем от сердца всегда возжелать пребывать с Господом.

Недостойная игуменья Ангелина о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 20а, л. 185. Телеграфный бланк.

№ 8

Телеграмма в Кронштадт Вере Перцовой с передачей протоиерею Иоанну Ильичу Сергиеву из Санкт-Петербурга от игуменнии Ангелины. 26 ноября 1904 г.

«Прошу спросить у родного Батюшки его благословения и ответить, как его здоровье. Беспокоимся.

Игуменья Ангелина о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 76, л. 200. Телеграфный бланк.

№ 9

Телеграмма в Кронштадт протоиерею Иоанну Ильичу Сергиеву из Санкт-Петербурга от игуменнии Ангелины. 27 ноября 1904 г.

«Святочитимый, бесценный Батюшка, сердечно благодарим за Вашу телеграмму, молим Всецедраго Господа о ниспослании Вам полного скорого выздоровления. Благословите недостойную послушницу Вашу игумению Ангелину о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 76, л. 201. Телеграфный бланк.

№ 10

Телеграмма в Кронштадт протоиерею Иоанну Ильичу Сергиеву из Санкт-Петербурга от игуменнии Ангелины. 4 декабря 1904 г.

«Святочитимый родной Батюшка, соблаговолите уведомить, как Ваше драгоценное здоровье, мы беспокоимся, скучаем. Прошу мне и сестрам обители отеческаго Вашего благословения и святых молитв, я все прихварываю.

Недостойная послушница игуменья Ангелина о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 76, л. 204. Телеграфный бланк.

№ 11

Телеграмма в Кронштадт отцу Иоанну Ильичу Сергиеву из Санкт-Петербурга от игуменнии Ангелины. 6 октября 1905 г.

«Бесценный, родной Батюшка, ответьте, пожалуйста, как Ваше драгоценное здоровье. Вся обитель скучает, просит благословения, святых молитв.

Многогрешная игуменья Ангелина о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 206, л. 23. Телеграфный бланк.

№ 12

Письмо в Кронштадт отцу Иоанну Ильичу Сергиеву из Санкт-Петербурга от игуменнии Ангелины. 1905 г. (?)

«Родной Святочитимый, Бесценный Батюшка!

Прошу Вашего святого Благословения как мне недостойной, грешной, так и всем сестрам о Христе и Обители Вашей Святой.

Скорблю сердечно о Вашем недомогании, да сохранит Вас Всемилоостивый Господь и да облегчит страдания Ваши. Мне тоже нездоровится, но помолитесь, Родной Батюшка, и дайте мне искреннюю глубокую веру к Всецедрому Господу, и да поправлюсь от всех моих недугов, а то уж очень трудно быть административным лицом и с таким плохим здоровьем. Все свое упование возлагаю на Ваши святые молитвы, порою страшно скорблю и падаю духом.

Простите, благословите и разрешите во всех моих прегрешениях и сомнениях.

Молитвенно к Вам многогрешная недостойная духовная дочь Ваша И[гумени]я Ангелина с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 7г, л. 229.

№ 13

Телеграмма в Кронштадт Елизавете Константиновне Сергеевой из Санкт-Петербурга от игуменнии Ангелины. 24 декабря 1905 г.

«Сердечно приветствуем Вас достоуважаемая Елизавета Константиновна с высокотожественным праздником Рождества Христова.

Игуменья Ангелина о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 206, л. 48. Телеграфный бланк.

№ 14

Письмо в Кронштадт отцу Иоанну Ильичу Сергиеву из Санкт-Петербурга от игумении Ангелины. 22 ноября 1906 г.

«Ваше Высокопреподобие, Святочитимый Бесценный, Родной Батюшка, примите нашу глубокую сердечную благодарность на Вашу отеческую заботу о нас недостойных грешных, получили мы дубликат от Вас на получение соленой рыбы, да воздаст Вам Всемиловитый Господь сторицею.

Клянемся в ножки, просим Ваших святых молитв и благословения, многогрешная недостойная и[гуменья] Ангелина о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 2, л. 141-141об. Подлинник.

№ 15

Телеграмма отца Иоанна из Кронштадта в Санкт-Петербург игумении Ангелине. 29 июля 1907 г.

«Именем Господа Иисуса Христа благословляю закладку нового монастырского корпуса. Протоиерей Иоанн Сергиев.»

Санкт-Петербургский Иоанновский женский первоклассный монастырь. СПб., 1911. С. 29.

№ 16

Письмо отца Иоанна из Кронштадта в Санкт-Петербург игумении Ангелине. 24 февраля 1908 г.

«Честнейшая матушка игуменья Ангелина со всеми о Христе сестрами! Да будет со всеми нами, подвижающимися о Христе ради будущей жизни — благодать, милость и мир от Господа нашего Иисуса Христа в Духе Святом.

Наступило время Святой Четыредесятницы, данное нам милостью Божией для благодушного подъятия подвига постного. Но — какой пост угоден Богу? Есть пост только приятный врагу нашего спасения, когда мы постимся в ссоре, ябедах, клеветах, в осуждении ближних и подобное! Будем поститься постом, приятным Богу; истинный пост есть избежание всякого зла, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, отчуждение лжи и клятвы преступления. Избежание всех этих грехов есть истинный пост и благоприятный. Запомните это и, главное, — исполните. Жалею, что по болезни не могу быть с вами и лично беседовать о спасении души. А оно первая и главная цель в жизни нашей, особенно монашеской. Не забывайте ни на один час — для чего вы собрались и живете в обители, для чего носите монашеское одеяние и непременно черное. Оно означает постоянный траур, постоянную печаль о грехах, которыми мы непрестанно прогневаем Всевышнего и Праведного Творца нашего, которому должны дать отчет в своей жизни.

И так, со страхом Божиим проводите время, данное вам для спасения, и обителью пользуйтесь как тихим пристанищем Божиим, в котором Господь укрыл вас от бурь и тревожений житейских. В миру каждый день множество людей погибает от прелести грехов; а между вами да не будет ни одной погибающей. Ибо вас осеняет, защищает благодать Божия. Живите в любви взаимной. Дай Бог мне и вам дождаться Страстей Христовых и всерадостной Пасхи.

Протоиерей Иоанн Сергиев.»

Духонина Е.В. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери). М., 1998. С. 313–314.

№ 17

Телеграмма в Кронштадт Вере Ивановне Перцовой из Санкт-Петербурга от игумении Ангелины. 12 апреля 1908 г.

«Передать Его Высокопреподобию дорогому Батюшке.

Горячо любимого родного дорогого отца, основателя и покровителя обители, сердечно поздравляем духовным приветствием Христос

Воскресе и возносим искренние молитвы о продлении Вашей жизни во славу Божию.

Недостойная игуменья Ангелина о Христе с сестрами.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 206, л. 77. Телеграфный бланк.

№ 18

Письмо в Кронштадт отцу Иоанну Ильичу Сергиеву из Суры от сестер Иоанновского монастыря. 12 сентября 1908 г.

«Дорогой Батюшка,

Матушка Игуменья [Ангелина] сообщила, что Вы ее письменно спрашиваете. Доехали мы благополучно; за ваши св. молитвы у нас все благополучно, мы в Архангельске дождались матушку и с ней вместе поехали на своем пароходе.

7-го сентябр[я] приехали в Суру, нас приняли очень хорошо, ходим на послушание, нас поставили на клирос, помолитесь дорогой батюшка, чтобы у нас было понятие и прилежность. Припадаем к вашим стопам, земно вам кланяемся, целуем вашу ручку несчетно раз и не умеем вполне благодарить за ваше попечение, с нашей стороны незаслуженное, но мы уверены, что нет для тебя больше той от нас благодарности, если мы спасали наши души; будем надеяться, что Господь не оставит нас за ваши св. молитвы.

Простите досточтимый пастырь недостойных твоих чад духовных

Евдокии, Анны, Анастасии, Феклы, Стефаниды, Евгении.»

ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 76, л. 21-21об. Подлинник.

№ 19

Завещание отца Иоанна Кронштадтского (письмо игуменнии Ангелине). 2 октября 1908 г.

«На случай внезапной или обычной моей смерти делаю душеприказчицей по всему моему оставшемуся имению, — деньги, иконы, книги, разные кресты жалованные и требные, все вещи, — игуменнию Ивановского монастыря Ангелину — полной распорядительницей. Из денег десять тысяч рублей сторублевыми билетами выдать жене

не сразу, а по частям, по мере надобности, потому что она больна и стара. А если Бог по душу ее пошлет скоро, тогда остатки разделить между семьями: Цветковой, Родионовой и Шемякиных. За труды по отпеванию, а также за панихиды заплатить оставшимися после меня деньгами щедро:

За сорокоуст в соборе братии — 500 р.

В Андреевский собор — 300 р.

Белье разделить о. Иоанну Орнатскому, Шемякину, если возьмут, и Фиделиным братьям.

На всякий случай подписываю свое имя и фамилию со званием и прикладываю мою печать.»

Игуменья Ангелина распишется, что читала; и ту запись иметь ей вместо документа. Остальные деньги — монастырю Ивановскому.

2 октября 1908 г. Прот[оиерей] Иоанн Сергиев.

«Некоторые ряски, подрясники разделить родственникам Фиделиных, бедному священнику Афонасьеву, а две новые шубы передать жене моей.»

Прот[оиерей] Иоанн Сергиев. 2 октября 1908 г.

«Бархатные ряски и подрясники отдать Шемякиным. Приписки сделаны мною.»

П[ротоиерей] И[оанн] С[ергиев].

На конверте: Игуменнии Ангелине, Ивановского С[анкт-]П[етербургск[ого] монастыря. Секрет[ное]. Передать игуменнии вскоре¹⁰⁷.

Котлин. 1909. 14 февраля. № 35.

№ 20

Телеграмма императору Николаю II от ряда архиереев и игуменнии Ангелины. Октябрь 1912 г.

«Одушевляемые горячим чувством верноподданнической любви и молитвами у гроба отца Иоанна повергаем к стопам Вашего

¹⁰⁷ Надпись на конверте была вызвана тем, что игуменья Ангелина во время написания завещания направлялась в Суру на пароходе.

Императорского Величества и Государыни Императрицы выражение искренней радости и молитвенных благопожеланий в виду улучшения состояния здоровья и надежды на полное выздоровление возлюбленного Вашего Сына, всем нам дорогого Наследника Цесаревича Алексея Николаевича.

Сергий, архиепископ Финляндский и Выборгский

Никон, епископ Вологодский

Никанор, епископ Олонецкий

Константин, епископ Могилевский

Палладий, епископ Пермский

Никандр, епископ Нарвский

Ангелина, настоятельница Иоанновского женского монастыря»

Кронштадтский маяк. 1912. № 1. С. 2.

№ 21

Ответная телеграмма императора Николая II от 21 октября 1912 г.

«Государыня Императрица и Я сердечно благодарим всех помолвившихся о здравии Наследника Цесаревича у гробницы отца Иоанна.

Николай»

Кронштадтский маяк. 1912. № 1. С. 2.

№ 22

Прошение митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию (Вадковскому) от игумении Ангелины. 13 октября 1912 г.

«Его Высокопреосвященству

Высокопреосвященнейшему Антонию

Митрополиту С.-Петербургскому и Ладожскому

Настоятельницы С.П.Б. Иоанновскаго

Первокласснаго женскаго монастыря

Игуменьи Ангелины

Прошение

Свято храня заветы Незабвеннаго Батюшки о. Иоанна, основателя вверенной мне обители и, желая увековечить в памяти бедных

людей, особенную его любовь и расположение, с которыми он всегда относился к детям, — осмеливаюсь обратиться к Вашему Высокопреосвященству с усерднейшею просьбою милостиво разрешить мне открыть с 19-сего Октября в имеющемся свободном монастырском помещении и за счет общих монастырских средств приют для безродных бедных девочек не моложе 6 лет при поступлении с тем, чтобы число их не превышало 15 человек, и чтобы предельным возрастом пребывания в приюте считался 15-летний. При этом долгом считаю доложить Вашему Высокопреосвященству, что в означенном приюте при полном бесплатном содержании дети будут обучаться грамоте в пределах программ начальных городских школ, и, кроме того, смотря по способностям, пению, рисованию или шитью, т.е. таким занятиям, которые в Иоанновской обители сестрами исполняются с несомненным успехом. В крайнем же случае, если бы девочки по достижению 15-летнего возраста, не выразили желания поступить в число послушниц монастыря, или оказались непригодными для этой цели, со стороны администрации монастыря будут приняты все меры к тому, чтобы для таких девочек приискать места, соответствующие их трудоспособности и познаниям.

Вашего Высокопреосвященства нижайшая послушница Игуменья Ангелина»

Резолюция митрополита Антония: «1912. Октября 15. Разрешается».

ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 104, д. 49, л. 1. Подлинник.

№ 23

Прошение митрополиту Петроградскому и Гдовскому Вениамину (Казанскому) от игумении Ангелины. 29 июня 1920 г.

«Его Высокопреосвященству

Высокопреосвященнейшему Вениамину

Митрополиту Петроградскому и Гдовскому

Настоятельницы Петроградскаго

Иоанновскаго женскаго монастыря

Игуменьи Ангелины

Почтительнейшее прошение

Жена гражд. Александра Михайловна Комиссарова обратилась ко мне с просьбою принять ее в число сестер вверенного мне Петроградского Иоанновского первоклассного женского монастыря и о пострижении ея в монашество.

Не встречая со своей стороны препятствий к удовлетворению просьбы Александры Михайловны Комиссаровой, имею честь почтительнейше просить разрешения Вашего Высокопреосвященства постричь Комиссарову в мантию.

Прошение Комиссаровой при сем прилагается.

Вашего Высокопреосвященства нижайшая послушница Игумения Ангелина»

Резолюция: «1920. Июня 17/30. Благословляется постричь Алекс[андру] Комиссарову в мантию и принять в число сестер. Митроп[олит] Вениамин».

ЦГИА СПб, ф. 678, оп. 1, д. 1330, л. 48. Подлинник.

№ 24

Письмо игумении Ангелины настоятелю Казанского собора протоиерею Николаю Чукову. 4 февраля 1922 г.

«Глубокоуважаемый Отец Протоиерей!

Приветствуем Вас с днем Вашего Ангела, сердечно желаем Вам милости Божией, доброго здоровья на многие, многие годы и полного благополучия.

Просим принять просфору, вынутую за Ваше здравие в храме-усыпальнице Дорогого Незабвенного Приснопоминаемого Батюшки.

С Глубоким уважением молитвенно к Вам недостойная игумения Ангелина с сестрами.

Р.С. Отслужите, пожалуйста, молебен перед Образом Царицы Небесной Казанской, когда Вам будет удобно. Матушку и всю Вашу семью приветствуем с дорогим именинником.»

Личный архив Л.К. Чуковой-Александровой.

№ 25

30 октября 1922 г. Срочно

«1922 г. мая 30 дня, я, следователь Петрогубревтрибунала В. Куприянов, допросил в качестве обвиняемой игумению Иоанновского монастыря гражданку Ангелину (ур. Сергееву Анну Семеновну), 55 лет, дочь купца гор. Петрограда, окончила гимназию, проживающую в Иоанновском монастыре, которая

Показала:

За несколько дней до изъятия ценностей в монастыре среди церковного Совета сложилось определенное мнение в деле помощи голодающим, которое сводилось к тому, чтобы изъятие ценностей прошло благополучно, но по независимым от церковного Совета причинам толпа, собравшаяся у монастыря в количестве около 1000 человек, первоначально изъятия не допустила, взломав двери в мои покои, где находились представители Комиссии и двери на колокольню, где ударили в набат. Группа неизвестных лиц, ворвалась ко мне с криком «бей всех», имея в руках железные болты, и требуя от нас представителей Комиссии для расправы с ними. В тот момент не могло быть и речи, чтобы приступить к изъятию, т. к. толпа была озверевши. Все это продолжалось в течение 3 часов, от 3 до 6 вечера, в промежутке каково времени Комиссия, не приступив к работе, ушла. Часов около 6 вечера явились вооруженные курсанты, которые толпу разогнали, и только в 9 часов вечера Комиссия явилась вторично и приступила к работе, и на сей раз работа Комиссии увенчалась успехом.

Воззвание митрополита Вениамина, в котором говорилось о гарантиях, официально не оглашалось и в монастыре среди верующих не распространялось. Действительно таковое было получено настоятелем отцом Иоанном Орнатским. Я лично с этим воззванием познакомилась, но ни с кем мнением по сему поводу не делилась.

Агитации против изъятия церковных ценностей среди духовенства монастыря не велось.

С моей стороны агитации против изъятия церковных ценностей не было абсолютно и виновной себя в таковой не признаю.

Больше добавить ничего не могу.

Показание записано правильно с моих слов и мне прочитано.

Следователь В. Куприянов.

Игуменья Ангелина.»

Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО), ф. архивно-следственных дел, д. П-36314, т. 10, л. 90–91. Подлинник.

№ 26

«Утверждаю» _____ 1922 г.

Согласен.

Предгубревтрибунал

За Начследотдела В. Некрасов

Постановление

Дело № _____ 1922 г.

1922 года мая месяца 30 дня, я, следователь Петроградского Губернского Революционного Трибунала В. Куприянов, опросив Игуменью Иоанновского монастыря Ангелину и усматривая наличие признаков преступного деяния,

Постановил:

1) Привлечь Игуменью Ангелину к следствию по обвинению в допущении толпы, оказавшей противодействие власти во время изъятия церковных ценностей.

2) Избрать меру пресечения способов уклонения от суда и следствия — обязать подпиской о невыезде из Петрограда.

Следователь В. Куприянов.

Настоящее постановление мне объявлено, в чем и подписываюсь Игуменья Ангелина.

Справка: Копия настоящего постановления отослана по месту службы обвиняемого _____ месяца 1922 года при _____ за № _____

№ 27

Подписка

Я нижеподписавшаяся Игуменья Иоанновского монастыря Ангелина даю подписку Петрогубревтрибуналу в том, что без разрешения ПГРТ отлучаться никуда не буду. Прож[иваю] в Иоаннов[ском] монаст[ыре].

Следователь В. Куприянов

Игуменья Ангелина

АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-36314, т. 10, л. 135.

Подлинник.

№ 28

30 октября 1922 г. Срочно.

Настоятелю Иоанновского монастыря и игуменье Ангелине.

Наб[ережная] реки Карповки, д. № 45.

Отдел Управления Петроградского района настоящим предлагает Вам не допускать к совершению богослужения в Вашем монастыре 31 октября и 1-го ноября с. г. епископа Николая Петергофского (Ярушевича).

В случае неисполнения настоящего распоряжения настоятель и игуменья будут привлечены к ответственности, вплоть до ареста.

Завед. Отделом Управления.

Зав. столом регистрации Обществ и Союзов.

Зав. Канцелярией.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, ф. 151, оп. 2, д. 90, л. 142. Копия.

Свято-Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге

Глава II

Монахиня Анастасия (Платонова)

За Христа пострадавшая монахиня Анастасия (в миру Александра Федоровна Платонова) родилась 16/29 апреля 1884 г. в Санкт-Петербурге в семье известного художника-иконописца Федора Константиновича Платонова (сына крепостного крестьянина Вологодской губернии). Ее отец в 1902–1903 гг. написал большую часть образов для трех иконостасов собора во имя Святых Двенадцати Апостолов столичного Иоанновского женского монастыря на набережной реки Карповки, а в 1907–1908 гг. — все иконы в храме-усыпальнице во имя св. пророка Илии и св. царицы Феодоры той же обители, где 22 декабря 1908 г. был погребен великий святой земли Русской отец Иоанн Кронштадтский. В это же время Федор Константинович написал иконы для иконостаса церкви св. преподобного Серафима Саровского Серафимо-Антониевского скита Александро-Невской Лавры в селе Зечеренье Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии.

С юных лет Александра была тесно связана с Иоанновским монастырем и глубоко почитала своего духовного отца — святого праведного Иоанна Кронштадтского. Она получила хорошее образование, окончив восемь классов известной Введенской гимназии на Петроградской стороне (в которой в свое время учился поэт Александр Блок), педагогические курсы, а в 1912 г. — Императорский педагогический институт. С 1 сентября 1912 по 1918 гг. Платонова работала преподавательницей истории и педагогики в женском училище принцессы Терезии Ольденбургской и в Петровской женской гимназии. В 1917 г. Александра Федоровна даже была назначена начальницей этой гимназии, находившейся на Плуталовой улице, 24. Первые два десятилетия молодая учительница проживала поблизости от гимназии на Большой Пушкинской улице Петроградской стороны, сначала в доме № 286, затем в доме № 50.

Свои стихи и рассказы Александра начала писать в детстве. Еще учась в гимназии, она стала публиковаться в церковных журналах и вскоре, несмотря на молодость, приобрела известность как церковная писательница. Первая ее книга «Жертва разлада. Причина

самоубийства по В.С. Соловьеву и Ф. Тютчеву» была издана в 1908 г., а следующая — «Пастырь–молитвенник», представляющая собой очерк о жизни о. Иоанна Кронштадтского — в 1912 г.

6 января 1912 г. вышел первый номер еженедельного журнала «Кронштадтский пастырь». Это было уникальное издание, содержащее множество сведений о жизни и деятельности о. Иоанна, его прижизненных и посмертных чудесах, истории Иоанновского монастыря. Журнал издавало созданное в 1909 г. «Общество в память отца Иоанна Кронштадтского», членом которого состояла Александра Федоровна. Она сразу же вошла в число постоянных авторов «Кронштадтского пастыря». Так, уже в 1912 г. в журнале было опубликовано 24 ее стихотворения и три рассказа, в том числе замечательный рассказ об отце Иоанне «Неугасимая свеча». И в дальнейшем редкий номер обходился без статьи, очерка или стихотворения Платоновой.

В 1912 и 1914 гг. вышли два больших сборника рассказов и стихотворений Александры Федоровны — «На высотах духа» и «К радости совершенной». Именно они принесли Платоновой значительную известность и поставили ее в ряд крупных церковных писателей начала XX века. Оба сборника были посвящены современникам писательницы, их герои — учителя, студенты, гимназисты — преимущественно молодые люди, искренне верующие или ищущие веры, стремящиеся жить по совести. В 1914–1915 гг. из под пера писательницы вышло более 10 брошюр о святых подвижниках: мученице Татиане, просветительнице Грузии святой равноапостольной Нине, святителе епископе Тамбовском Питиме и др.

Кроме того, были опубликованы книги рассказов А.Ф. Платоновой о первых христианах, статьи о событиях Первой мировой войны, очерк «Апостол Японии» о жизни святого равноапостольного архиепископа Николая (Касаткина), основателя Японской Православной Церкви и т.д. Издавая в начале XX века биографии древних мучеников, писательница еще не знала о том, что и ее ждет этот путь.

Значительный интерес у читателей вызвали исторические повести о Древней Руси. Так, в повести «Над Днепровскими курганами» увлекательно описана Киевская Русь на пороге величайшего события, промыслительно преобразившего ее судьбу — крещения. В основе другой повести — «Под грозой» лежат жизнь и подвиги святого благоверного великого князя Михаила Тверского. В книге показано, как в годы тяжелейших испытаний, когда над Русью нависло монголо-татарское иго, а внутреннюю жизнь расстраивали княжеские междоусобицы, святой князь и его супруга, святая благоверная княгиня Анна Кашинская, явили своим примером высоту служения Русской Православной Церкви и Отечеству.

Исторические повести, как и ряд других произведений Александры Федоровны, были адресованы, прежде всего, детям. В 1914–1917 гг. писательница редактировала и издавала православный детский журнал «Незабудка», основанный ею в возрасте тридцати лет. В эпиграф к первому номеру А.Ф. Платонова поместила слова: «Существует предание, что ангелы, пролетая над землей, роняют на нее голубые цветы, чтобы люди не забывали о небе. Оттого эти цветы и называют незабудками». В работе над журналом, как и во всей своей жизни, она старалась, чтобы и взрослые, и дети не забывали о небе. Цель этого издания была определена следующим образом: «Будить и укреплять в детях благородные стремления духа и любовь ко всему родному»¹⁰⁸. Можно отметить, что и собственное творчество Александры Федоровны было подчинено тем же целям. Опубликованные в журнале рассказы, стихотворения, короткие повести и сейчас читаются с большим интересом. Не случайно в 1998 г. в Москве был издан составленный из них сборник «Незабудка».

Активно публиковалась А.Ф. Платонова и в целом ряде других журналов: «Русский паломник», «Голос Церкви» и т.д. Известный церковный историк А.Э. Краснов-Левитин так писал о ее творчестве: «Ее очерки, статьи, разбросанные по церковным журналам,

¹⁰⁸ Платонова А.Ф. *На высотах духа. Рассказы*. М., 1998. С. 3.

выходившим в Санкт-Петербурге в предреволюционные годы, перечитываешь с живым интересом. Овеянные живым религиозным чувством, они трогают читателя и теперь, а ее очерк об архиепископе Николае Японском, изданный отдельной брошюрой в 1914 г., остается пока лучшей на русском языке биографией знаменитого миссионера. Читая эти очерки, угадываешь ее дальнейшую судьбу»¹⁰⁹.

За десять лет — с 1908 по 1917 гг. Александра Федоровна написала 32 книги и брошюры. Но эта кипучая писательская деятельность была прервана Октябрьским переворотом. Впрочем, первые неблагоприятные симптомы появились еще весной 1917 г. В это время «из-за растущей дороговизны печатного дела» перестал выходить журнал «Кронштадтский пастырь». Среди публикаций его завершающих номеров привлекает внимание статья А.Ф. Платоновой о дневнике отца Иоанна «Жертва Богу», в которой говорилось: «Над страницами дневника о. Иоанна всегда возникает целый рой светлых мыслей, отрадных упований, спокойных переживаний...»¹¹⁰.

Последний номер журнала вышел 29 апреля 1917 г. и заканчивался он статьей А.Ф. Платоновой «Суд человеческий». Тогда же перестал выходить и журнал «Незабудка», в начале 1918 г. закрылись церковные издательства и т.д. Последние статьи Александры Федоровны были опубликованы в газете «Петроградский церковно-епархиальный вестник» — почти единственном церковном печатном органе, еще выходившем в Петрограде в 1918–1919 гг.

В первые послереволюционные годы Платонова продолжала работать учительницей в образованной на базе Петровской гимназии единой трудовой школе. Однако в это время Александра Федоровна все яснее понимала, что в новых условиях гонений на Церковь ее путь заключается в другом — стоянии за истину

¹⁰⁹ Краснов-Левитин А. Лихие годы 1925–1941. Воспоминания. Париж, 1977. С. 123–124.

¹¹⁰ Кронштадтский пастырь. 1917. № 4. С. 52–54.

Христову. Уже в 1919 г. она стала активно участвовать в деятельности созданного в этом же году при соборе святого Апостола Андрея Первозванного на Большом проспекте Васильевского острова Андреевского братства.

Руководителями этого братства были два младших брата Александры Федоровны — Николай и Семен. Первый из них родился 12 ноября 1889 г., окончил Введенскую гимназию и в 1914 г. — Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Он женился на сестре профессора Академии Сергея Михайловича Зарина — Софье Михайловне, 17 мая 1914 г. был рукоположен во священника и с 6 июля 1915 г. стал служить в Андреевском соборе. В 1914–1915 гг. о. Николай преподавал в Петербургской Духовной семинарии и был известен как талантливый проповедник. В 1917 г. он некоторое время состоял в кадетской партии и поэтому впоследствии неоднократно подвергался арестам ЧК — в первый раз на 2 недели летом 1918 г. Вторично о. Николай был арестован по обвинению в принадлежности к партии кадетов 31 августа 1919 г. и освобожден через полтора месяца «ввиду неподтверждения обвинения»¹¹¹. После освобождения он и возглавил братство при Андреевском соборе.

Другой брат Александры Федоровны — Семен родился в 1898 г., также окончил Введенскую гимназию и в 1917 г. поступил в Петроградскую Духовную Академию, но смог отучиться в ней только один год из-за закрытия Академии. Резолюцией митрополита Петроградского Вениамина от 1 июля 1918 г. С. Платонов был назначен на место псаломщика в Серафимовскую церковь с. Александровское за Невской заставой с возведением в сан диакона. В том же месяце юноша был рукоположен во диакона и с 1919 г. стал служить в Андреевском соборе.

Вместе со своими братьями Александра Федоровна входила в совет братства, членами которого были такие известные ученые,

¹¹¹ Санкт-Петербургская епархия в двадцатом веке в свете архивных материалов 1917–1941. Сборник документов. СПб., 2000. С. 245.

как академик Борис Тураев и профессор Сергей Зарин. Братская жизнь была налажена по уставу: в 7 часов утра братчики собирались на молитвенное собрание; А.Ф. Платонова вела беседы по изучению творений святых отцов; диакон Симеон дважды в неделю собирал на спевки любительский братский хор, певший на ранних обеднях; женщины оказывали «помощь нуждающимся больным» больницы Марии Магдалины при содействии работавшей в ней сестрой милосердия братчицы; по четвергам в соборе собирались для пения 12 псалмов все желающие и свободные от работы члены братства; работала библиотека и т.д.¹¹²

Используя свой многолетний педагогический опыт, А.Ф. Платонова уделяла большое внимание работе в существовавшем при соборе в рамках братства Андреевском детском союзе. Об этой организации много говорится в воспоминаниях профессора Н.А. Мещерского: «В 1919 году после возвращения из Воханова мы стали часто бывать в Андреевском соборе... Тогда при изучении Закона Божия при церквях преподавали священники и много добровольцев. Моя мама тоже стала в этом участвовать. Тогда уже существовало Андреевское братство, и мама стала членом Андреевского братства официально. Было официальное посвящение для женщин в братство — они носили белые платы, как у сестер милосердия... А для мужчин — повязки на руке — белые с голубым. В Андреевском братстве, так же как и в Александро-Невском были организованы специальные детские богослужения. Таким образом, дети прислуживали в алтаре, читали, пели... Кроме того, в Андреевском детском союзе бывали всякие вечера и утренники художественного содержания. Я выступал с декламацией стихов. В каком-то году (в 1921 или 1922) была инсценировка драмы К[онстантина] Р[оманова] «Царь Иудейский», и я играл Иосифа Аримафейского... Устраивались «экспедиции» детского союза — ездили по городу

¹¹² Антонов В.В. Приходские православные братства в Петрограде (1920-е годы) // *Минувшее*. Вып. 15. М. — СПб., 1993. С. 436.

и за город — в Павловск, в Царское Село — полупаломничества, полуюэкскурсии.»¹¹³

В мае 1920 г. в Петрограде состоялась первая общебратская конференция, принявшая решение об объединении в союз всех существующих в городе братств и создании совета общебратского союза. Отец Симеон Платонов стал членом совета, и на заседаниях этого органа нередко обсуждалась деятельность братства при Андреевском соборе. Так, 28 марта 1921 г. совет отметил, что инокиня Александра Платонова проводит беседы по изучению творений святых отцов, а 6 июня того же года после получения сообщения о новом аресте священника Николая Платонова за его прошлую принадлежность к кадетской партии совет постановил, что каждое братство должно организовать передачи арестованному от имени своего руководителя¹¹⁴.

К весне 1921 г. в общебратский союз входило уже более 10 петроградских братств, возникла необходимость совместного обсуждения новых задач и проблем. Образованное в связи с этим организационное бюро занялось подготовкой второй общебратской конференции. На заседании оргбюро 26 апреля были назначены организаторы 8 запланированных секций конференции, и в число организаторов первой богослужбной секции вошли о. Симеон Платонов и монахиня Анастасия (Платонова), а четвертой — административно-хозяйственной секции — о. Николай Платонов¹¹⁵. Состоялась вторая общебратская конференция в начале августа 1921 г.

Именно в 1921 г. в жизни Александры Федоровны произошли важнейшие изменения. Она поступила в число насельниц Иоанновского монастыря, была пострижена в рясофор, а затем в мантию с именем Анастасия. Совершал постриг священномученик митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). Согласно

¹¹³ Мещерский Н.А. На старости я сызнова живу, прошедшее проходит предо мною... Л., 1982. Рукопись. С. 62–64.

¹¹⁴ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-88399, т. 1, л. 60.

¹¹⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-88399, т. 2, л. 232.

показаниям самой монахини на допросе в декабре 1933 г. митрополит «знал ее по отцу — иконописцу» и после пострижения указал ей на необходимость организации при советском строе тайных монашеских общин, что она и сделала после расстрела Владыки (в ночь с 13 на 14 августа 1922 г.)¹¹⁶.

Трагические события 1922 г. — обновленческий раскол в Русской Православной Церкви и массовые репрессии духовенства под предлогом будто бы оказанного священнослужителями сопротивления изъятию церковных ценностей самым непосредственным образом коснулись семьи Платоновых. В мае 1922 г. государственные структуры СССР организовали упомянутый обновленческий раскол и после ареста Патриарха Тихона власть в Церкви на год захватили просоветски настроенные обновленцы. Митрополит Вениамин категорически отверг их и 28 мая в своем послании к пастве отлучил от Церкви руководителей обновленцев — петроградских священников А. Введенского, В. Красницкого и Е. Белкова. После нескольких неудачных попыток убедить митрополита отменить послание его арестовали. Наряду с проведением судебного процесса по делу Владыки Вениамина и близких к нему священнослужителей и мирян власть задумала разгромить и руководство петроградских братств. В числе 42 арестованных в июне 1922 г. активистов братств — были отцы Николай и Симеон Платоновы. Правда, голословные обвинения в контрреволюционной деятельности большинства арестованных ГПУ доказать не удалось, и в конце августа 35 из них, в том числе братьев Платоновых, освободили¹¹⁷.

Пребывание в тюрьме и давление ГПУ оказали воздействие на о. Николая. С апреля 1922 г. он являлся настоятелем Андреевского собора и благочинным Василеостровского округа и сначала решительно осуждал обновленцев. Но вскоре после освобождения из тюрьмы Н. Платонов признал обновленческое Высшее церков-

ное управление и стал бороться со сторонниками Патриаршей Церкви. В знак протеста из Андреевского братства ушло большинство его членов, и оно распалось. Для матери Анастасии такой поступок любимого брата был худшим из предательств, и она порвала с ним всякие отношения.

Дальнейший жизненный путь Н.Ф. Платонова был трагичен — сначала сотрудничество с ГПУ и успешная «карьер» в обновленческой иерархии, затем отречение от Бога и, наконец, раскаяние и голодная смерть в блокадном Ленинграде. В 1924 г. о. Николай был назначен уполномоченным обновленческого Священного Синода по Ленинградской епархии и членом Епархиального управления, 8 ноября 1925 г. произошла его «хиротония» во «епископа Охтинского», 3 августа 1926 г. — возведение в сан «архиепископа» и назначение членом Священного Синода. С 5 сентября 1934 г. Платонов являлся обновленческим митрополитом Ленинградским, но 8 декабря 1937 г. был арестован и после освобождения в январе 1938 г. снял сан и отрекся от Бога. Затем он до осени 1941 г. работал в Институте и музее религии и атеизма, писал антицерковные статьи в атеистических журналах.

Умер Н.Ф. Платонов 5 марта 1942 г. и перед смертью покаялся в своих грехах и преступлениях и причастился в Николо-Богоявленском соборе. Его кончина описана в двух источниках. Лично встречавший Платонова в блокадном Ленинграде А. Краснов-Левитин писал так: «На третьей неделе Великого Поста в среду во время литургии Преждеосвященных Даров в Николо-Морском соборе происходила общая исповедь. Исповедовал престарелый протоиерей о. Владимир Румянцев. Неожиданно в толпу исповедников замешался Н.Ф. Платонов и начал громко каяться, ударяя себя в грудь. Затем в общей массе он подошел к священнику. О. Владимир молча накрыл его епитрахилью и произнес разрешительную молитву. «Господи, благодарю Тебя за то, что Ты простил меня! Веровал, верую и буду веровать! — Воскликнул он, отходя от Святой Чаши. Он умер на другой день в холодную ленинградскую мартовскую погоду, и погребен на Смоленском кладбище

¹¹⁶ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-66773, т. 7, л. 22.

¹¹⁷ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-88399, т. 2, л. 79, 452, 681, 703.

в братской могиле, среди бесконечной груды трупов умерших от голода людей»¹¹⁸.

Несколько по-другому пишет об этом событии со слов вдовы академика Б.А. Тураева монахини Иулиании (Церетели-Тураевой) профессор Н. Мещерский: «Это было блокадной зимой (в январе 1942 г.) в Князь-Владимирском соборе. Тогда там на хорах жил митрополит Алексей (Симанский), будущий Патриарх...¹¹⁹ О. Николай держит Чашу с Причастием, к нему подходят причащающиеся, и среди них высокий, едва держащийся на ногах, исхудавший, совершенно седой старик, поддерживаемый двумя женщинами. Он подошел к Чаше, назвал свое имя — Николай. О. Николай (Ладыгин) сообразил: «Это же Платонов». Немедленно дал знать Владыке Алексею, и тот распорядился: «Сразу же приведите его ко мне». Но он уже ушел. Вернувшись домой, он тотчас же скончался. Мать Иулиания сказала: «Это по молитвам праведницы матери Анастасии». Несмотря на его отступничество, Бог дал ему возможность причаститься перед смертью. Мать Анастасия в лагере за него молилась. Говорят, он был весь седой, изможденный, слезы лились рекой»¹²⁰.

Другой брат монахини Анастасии — о. Симеон вместе с ней категорически отверг обновленчество, ушел из Андреевского собора и до мая 1924 г. служил в русско-эстонской Исидоровской церкви. В начале 1924 г. он был рукоположен во священника временно управляющим Ленинградской епархией епископом Кронштадтским Венедиктом (Плотниковым). В мае 1924 г. о. Симеон покинул Ленинград и стал служить в церкви села Ледовское Щигровского уезда Орловской губернии. 10 августа 1930 г. он был арестован и 29 сентября 1930 г. приговорен Тройкой Полномочного Представительства ОГПУ в Центрально-Черноземной области к 5 годам лагерей. Затем приговор был пересмотрен, о. Симеон к осени

¹¹⁸ Левитин А., Шавров В. *Очерки по истории русской церковной смуты. Кюснахт*, 1978. Т. 3. С. 368–369.

¹¹⁹ На самом деле митрополит Алексей (Симанский) жил в Николо-Богоявленском соборе.

¹²⁰ Мещерский Н.А. *Указ. соч.* С. 68–69.

1931 г. освобожден и 17 сентября направлен епархиальным начальством служить в Казанскую церковь села Нижне-Долгое Елецкого округа. Но в 1932 г. последовал новый арест и повторный приговор к 5 годам лишения свободы.

Своего брата монахиня Анастасия увидела только в 1938 г. Трагический 1922 г. принес ей и другие несчастья — почти одновременно скончались ее отец и мать — Александра Ивановна Платонова. В мае следующего — 1923 г. обновленцы захватили храмы Иоанновского монастыря, а через полгода — в ноябре обитель вообще была закрыта, и большую часть насельниц выселили из монастырского здания. Вероятно, еще весной 1923 г. покинула монастырь монахиня Анастасия. Известно, что в мае небольшая часть сестер во главе с монахиней Серафимой (Голубевой) ушла из обители и поселилась общиной при церкви и часовне иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в Невском районе.

Мать Анастасия в 1923 г. создала общину из нескольких сестер в частной квартире на 2-й линии Васильевского острова. Упомянувшийся Н.А. Мещерский бывал там, о чем писал в своих воспоминаниях: «Она...основала общинку, обитель в миру, на Васильевском острове, 2-я линия, д. 9. В этой общине жили девушки, причем высокоинтеллигентные. Она была настоятельницей. Однако только она была монахиней, остальные монашества не имели. Вели благочестивую жизнь. Одна из них, из членов этой общины, Ксения Ильина, востоковед, иранистка...Ростислав [Лобковский] вместе с о. Николаем Комарецким стал бывать в общине матери Анастасии. Когда Николай Федорович Платонов возглавил обновленчество, мать Анастасия отошла от него, твердо держась Патриаршей Церкви. В общине время от времени устраивались богослужения. Там было что-то вроде гостиницы, оборудованной под церковь. Когда в 1925 г. вернулся из ссылки епископ Иннокентий [Тихонов], мать Анастасия пригласила его на пасхальной неделе; мне пришлось прислуживать. Вторым иподиаконом был Ростислав»¹²¹.

¹²¹ Мещерский Н.А. *Указ. соч.* С. 44–45.

Среди членов общины была и выпускница Петроградского Богословского института Валентина Владимировна Соболева, 4 января 1924 г. постриженная в монашество с именем Дамиана настоятелем Александро-Невской Лавры священномучеником епископом Шлиссельбургским Григорием (Лебедевым). Ректор института протоиерей Николай Чуков записал в своем дневнике, что она приняла монашеский постриг в общине монахини Анастасии (Платоновой) и входила затем в эту общину¹²².

В 1926 г. мать Анастасию избрали старшей монахиней общины бывших сестер Иоанновского монастыря при церкви Алексия, человека Божия, расположенной недалеко от обители на Геслеровском (ныне Чкаловском) проспекте, д. 50. В храме служили бывшие священники монастыря — протоиереи Павел Виноградов и Михаил Бобковский, а также почитаемый верующими старец епископ Стефан (Бех). Широкой известностью в городе пользовалась главная святыня церкви — Державная икона Божией Матери. Растущая популярность храма вызвала тревогу у властей, и в 1927 г. они передали его обновленцам. Членов причта и приходского совета Алексеевской церкви обвинили в принудительном взимании членских взносов с прихожан. Дело передали в суд, и хотя обвиняемые были оправданы, 3 августа 1927 г. храм передали новой обновленческой двадцатке. Монашеская община, возглавляемая матерью Анастасией, была вынуждена покинуть Алексеевскую церковь и поселиться на частных квартирах, где просуществовала до разгрома органами ОГПУ в декабре 1933 г.

А. Краснов-Левитин так описал (с некоторыми ошибками в датах) послереволюционную судьбу Платоновой: «Основные этапы ее жизни: после революции — монахиня Иоанновского монастыря (была пострижена в 1919 г. с именем Анастасия), 1923 г. — разрыв с горячо любимым братом, закрытие монастыря. В 1926 году она избирается игуменией общины разогнанного монастыря, которая

¹²² Чуков Николай, протоиерей. *Один год моей жизни. Страницы из дневника* / Публ. В. Антонова // *Минувшее*. Вып. 15. М. — СПб., 1994. С. 531.

продолжает свое существование при храме Алексия, человека Божия. Многочисленные аресты, в которых молва обвиняет ее брата. Высылка из Ленинграда в 1929 г., нелегальный приезд в город в 1930, случайная встреча в трамвае с братом. Обмен репликами: «Что же ты не подходишь, Шура, или брата не узнаешь?» — «И ты меня еще спрашиваешь, Коля? Ведь папа и мама в могиле переворачиваются. Ты дьяволу служишь». И загадочная реплика в ответ: «Может быть, я сам дьявол и есть!» 30-е годы. Последний арест. Лагерь. 1937 год. Ее следы исчезают»¹²³. О встрече в трамвае Краснову-Левитину рассказала свидетельница ее А.В. Волкова.

В 1928 — июле 1932 гг. монахиня Анастасия исполняла обязанности псаломщика в церкви Коневской иконы Божией Матери Коневского Рождествено-Богородицкого мужского монастыря на Загородном проспекте, д. 7. После закрытия этого храма 11 июля 1932 г. она зарабатывала на жизнь в качестве домработницы, проживая в доме 20 по Красной улице. Община ее со временем значительно выросла — с 7–8 до 23–25 человек, из которых в постриге были лишь несколько. Пришли новые сестры, многие из которых имели высшее образование и работали в институтах, библиотеках, больницах. Например, монахиня Феозва (в миру Потулова Наталия Васильевна) и послушница Елизавета Александровна Мерхилевич окончили Высшие женские Бестужевские курсы. К началу 1930-х гг. в общину вступила и вдова начальника Главного тюремного управления при Временном правительстве, профессора Петроградского университета А.А. Жижиленко Любовь Ивановна Жижиленко. Она также имела высшее педагогическое образование, в начале 1920-х гг. училась в Петроградском Богословском институте, в 1929 г. подвергалась аресту по делу религиозно-философского общества «Воскресенье» и была тогда приговорена к заключению в концлагерь условно. Активным членом общины стала и упоминавшаяся вдова старосты университетской церкви академика Бориса Тураева монахиня Иулиания (Елена Тураева-Церетели).

¹²³ Краснов-Левитин А. Указ. соч. С. 124.

Ближайшей помощницей матери Анастасии была ее племянница инокиня Анна Александровна Усс. Она родилась 4 июля 1891 г. в Петербурге в семье члена правления товарищества посылных, окончила профессиональную школу и с 1909 г. работала телеграфисткой на Центральной телеграфной станции. После Октябрьского переворота Усс состояла секретарем церковного приходского совета, приняла постриг в рясофор, в 1920-е гг. была подвергнута аресту, но оправдана по суду. Проживала она на Большой Охте по адресу: Черновская ул., 47–1. На ее квартире существовала тайная домовая церковь, хранились предметы церковной утвари и облачения.

Служили в этом храме и совершали монашеские постриги духовники общины. Сначала — вплоть до его смерти 25 июня 1931 г. общину окормлял бывший член Государственной Думы протоиерей Николай Ананьевич Комарецкий. Он служил в Благовещенской церкви лейбгвардии Конного полка, а после ее закрытия в храме подворья Коневского монастыря на Охте и Никольской Большоохтинской церкви. С июля 1931 г. духовником общины стал другой известный пастырь — бывший настоятель Петропавловского собора в одноименной крепости митрофорный протоиерей Феодор Александрович Боголюбов. Еще одним духовным отцом сестер был игумен Илия (Ярош), совершавший тайные монашеские постриги.

Мать Анастасия написала в начале 1930-х гг. ряд духовных произведений: «О Кресте», «О Голгофе», «Одиннадцать воскресных Евангелий», несколько стихотворений. В одном из них — «За Церковь» — содержался призыв к борьбе за веру, «не страшась смерти и страданий». Все эти произведения распространялись членами общины во многих храмах города. Была даже выпущена брошюра с изображением на обложке ангела, держащего крест и меч с надписью: «Сим победиши, с нами Бог». В ней в аллегорической форме говорилось о гонениях на Православную Церковь в СССР. Регулярно устраивались собрания членов общины, на которые приглашались и прихожане различных храмов. Монахиня Анастасия читала собравшимся не только свои произведения, но и проповеди

о. Николая Комарецкого. Сестры оказывали материальную помощь репрессированному духовенству, отчисляя определенные суммы из своих заработков. Кроме того, они проводили сбор средств среди верующих, так Л.И. Жижиленко собрала для этой цели в 1933 г. в храмах города около 35 тыс. рублей¹²⁴.

Община монахини Анастасии была разгромлена органами ОГПУ в ходе фабрикации ими одного из самых крупных церковных следственных дел 1930-х гг. — так называемого дела «евлогиевцев», по которому проходил 171 человек (из них 157 арестовали и с 14 взяли подписку о невыезде). Сутью дела была выдуманная ОГПУ концепция — якобы в 1932–33 гг. в Русской Православной Церкви произошел новый раскол, по тактическим соображениям не имевший открытого выражения. После того, как проживавший во Франции глава Западно-Европейского экзархата митрополит Евлогий (Георгиевский) разорвал отношения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским), «наиболее контрреволюционная часть» духовенства и мирян будто бы вступила на путь антисоветской борьбы, ориентируясь на митрополита Евлогия, белую эмиграцию и Англиканскую церковь. Их целью, по версии ОГПУ, было свержение советской власти и установление конституционной монархии, подобной английской. Аресты начались 22 декабря 1933 г. и продолжались до 26 января 1934 г. В Доме предварительного заключения оказались священники главных храмов города, церковные активисты-миряне и даже два епископа — Сергей (Зенкевич) и Валериан (Рудич)¹²⁵.

Монахиню Анастасию арестовали 22 декабря на квартире инокини Анны Усс на Черновской ул. вместе с хозяйкой. В тот же день агенты ОГПУ схватили еще 7 сестер «платоновской» общины. Их обвинили в принадлежности к контрреволюционной тайномонашеской ячейке «Братство Евлогия» или в другом варианте «Союз евлогиевцев». Следователи пытались доказать, что Платонова

¹²⁴ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-66773, т. 7, л. 22–32.

¹²⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-66773, т. 12, л. 1–57.

через бывшую настоятельницу Холмского монастыря игумению Анастасию (Громеко) получала какие-то директивы от митрополита Евлогия, хотя никаких реальных подтверждений этому не существовало. Последние контакты игумении с митрополитом Евлогием были в 1910-е годы, когда Владыка управлял Холмской епархией. В начале 1930-х гг. игумения Анастасия жила в пригороде Москвы или в Ленинграде, на квартире Потуловых.

На допросе 9 января 1934 г. монахиня Анастасия (Платонова) смело заявила о своих взглядах: «По своим политическим убеждениям я являюсь противницей существующего строя, политику коммунистической партии я не приемлю и в своей практической деятельности оказываю противодействие установкам советской власти и коммунистической партии... Мои политические настроения и противодействие политике властей в основном вытекают из моих религиозных убеждений, противоположных установкам советской власти. Кроме того, я не считаю советскую власть отвечающей нуждам всего русского народа, так как данная власть не являлась выражением стремлений и желаний всего народа, а пришла к управлению страной путем захвата власти. Не признавая политики диктатуры пролетариата, а вместе с тем считая своим долгом вести борьбу против ликвидации церкви в Советском Союзе, я свою деятельность направила на организацию верующих масс, укрепление в них и внедрение в массы религиозной идеологии... Наиболее приемлемым строем я считаю строй монархический, как строй, наиболее укрепляющий христианство. Я считаю, что падение монархии в России произошло из-за того, что руководители страны уклонились от правильной линии, начертанной христианством. Идеалом же строя я бы считала христианский строй, основанный на христианских началах»¹²⁶.

На первом же допросе — 31 декабря 1933 г. монахиня Анастасия показала, что организовала женскую монашескую общину после расстрела священномученика митрополита Петроградского Вени-

¹²⁶ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-66773, т. 7, л. 32–33.

амина, руководствуясь наставлениями Владыки: «Еще при жизни митрополит Вениамин указывал нам на необходимость при советском строе организации нелегальных тайных монашеских общин, при помощи которых можно было бы сохранить ликвидируемый советской властью институт монашества... Цель нашей общины заключалась в сохранении верующих кадров Церкви, организации монашеского уклада жизни членов общины в противовес воздействию на них советского влияния, насыщенного антирелигиозностью»¹²⁷.

Вместе с сестрами общины были арестованы протоиерей Феодор Боголюбов и тесно связанный с матушкой Анастасией бывший товарищ председателя приходского совета церковью Иоанновского монастыря Мирофан Митрофанович Колтовский. «Евлогиевцы» были осуждены Тройкой Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе 25 февраля 1934 г. Сестер «платоновской» общины и М.М. Колтовского приговорили к трем, а мать Анастасию к пяти годам лагерей. Первоначально — 7 марта 1934 г. ее и инокиню Анну Усс отправили в Северо-Восточный лагерь (г. Владивосток).

Однако затем свой пятилетний срок лагерей монахиня Анастасия в основном отбывала в печально известной Томской исправительно-трудовой женской колонии № 2. С зачетом 211 рабочих дней она была освобождена по окончании срока наказания 1 июня 1938 г. и в тот же день выехала из Томска к избранному месту жительства — на станцию Малая Вишера Новгородского округа Ленинградской области. Как побывавшая в заключении матушка Анастасия могла проживать лишь за пределами 100-километровой зоны вокруг крупнейших городов, в том числе Ленинграда. Поэтому она и выбрала ближайший возможный для проживания поселок на железной дороге, также равноудаленный от города Вышний Волочек (ныне Тверской обл.), где жил ее брат о. Симеон Платонов.

14 июня 1938 г. матушка была взята на учет в органах НКВД Малой Вишеры, поселилась она у освобожденной раньше Анны

¹²⁷ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-66773, т. 7, л. 30–31.

Усс, на иждивении которой в дальнейшем находилась. Все церкви в округе были уже закрыты, и монахиня Анастасия периодически ездила в Вышний Волочек к брату. Он также после ареста в 1932 г. — отбыл пятилетний срок в Темниковском исправительно-трудовом лагере, был освобожден в 1937 г. и поселился в Вышнем Волочке, так как там жила сестра его жены Софьи Харитоновны — Мария Харитоновна Милюкова. В 1937–1939 гг. о. Симеон работал в регистратуре городской больницы, по очистке улиц в горкомхозе, сторожем городского театра, а с 1939 г. — сторожем дровяного склада ткацкой фабрики «Парижская коммуна», одновременно он служил регентом церковного хора в городском соборе до его закрытия в июле 1940 г. Верующие пытались отстоять храм — в феврале 1941 г. староста М.Р. Данилов ездил в Москву с коллективным ходатайством об открытии собора, но безрезультатно. В этих условиях о. Симеон стал окормлять бывших прихожан храма, с июля 1940 г. устраивая молебны, всенощные, совершая требы в своем доме, а также в домах монахинь Нектарии, Рипсимии и ревностной прихожанки собора Марии Николаевны Малышевой.

Эти тайные богослужения и посещала мать Анастасия, приезжая на несколько дней в Вышний Волочек. Так, в мае 1941 г. она приехала на 10 суток в город, остановившись у Малышевой по адресу: ул. Урицкого, 67. В это время матушка нечаянно встретила с известным ленинградским протоиереем Константином Верзиным, с которым в 1934 г. была вместе осуждена по делу «евлогиевцев». Пыталась она встретиться и с подругой по лагерю Верой Соколовской, но не смогла. В этот, как и в другие приезды, монахиня Анастасия участвовала в тайном богослужении у Малышевых, исполняя обязанности псаломщика. 10 июня она отправила брату письмо, в котором отмечала правильное религиозное воспитание детей Марии Николаевны.

С началом Великой Отечественной войны прежняя жизнь стала невозможна. О. Симеона призвали в армию, и он на призывном пункте просил зачислить его санитаром. Но затем Платонова освободили от службы по здоровью, и он стал работать табельщиком

хозяйственного отдела и счетоводом подсобного хозяйства фабрики «Парижская коммуна». Призвали в армию старшиной и мужа М.Н. Малышевой, также бывшего прихожанина Вышневолоцкого собора, Бориса Алексеевича. Монахиня Анастасия вместе со своей племянницей А. Усс 5 сентября 1941 г. в связи с объявленной эвакуацией выехала из Малой Вишеры и отправилась к брату.

К тому времени Вышний Волочек оказался в прифронтовой полосе, и матушка, обратившись в местное отделение милиции, как «социально-опасная» получила отказ в прописке. Не желая покидать родных, она все-таки вместе с племянницей осталась жить в городе, как и прежде в доме Малышевых. Ее настроение тех дней хорошо передает конфискованная при аресте записка к брату: «Я в своем уголке, только долго ли будем, Господь знает. Ну Его воля и слава и благодарение Ему за все, за все, за всю жизнь, за все скорби и радости. Храни тебя Господь, м.б. тебя и всех Вас»¹²⁸.

Относительное благополучие было недолгим. 17 октября 1941 г. агенты НКВД арестовали по обвинению в антисоветской агитации о. Симеона, а на следующий день еще пять человек, в том числе мать Анастасию. В постановлении на ее арест указывалось: «Платонова Александра Федоровна, будучи враждебно настроенной к существующему в СССР строю, проводит враждебную советской власти деятельность. В условиях военного времени участвует в нелегальных собраниях на частных квартирах социально-опасных лиц, где наряду с отправлением религиозных обрядов проводится антисоветская деятельность. С сентября месяца проживает в г. Вышний Волочек на нелегальном положении»¹²⁹.

Матушка была доставлена в городскую тюрьму № 6 и в тот же день допрошена старшим оперативным уполномоченным Вышневолоцкого городского отдела НКВД сержантом госбезопасности Голубкиным. Ее первый допрос практически ничего не дал

¹²⁸ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области, д. 28304-с, л. 111.

¹²⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области, д. 28304-с, л. 25.

следствию. На следующий день допрос повторился. Монахиня Анастасии предъявили изъятую у нее при обыске адресованную брату записку с высказанной по версии следствия просьбой об устройстве службы в доме Малышевых. Матушка сказала, что записку написала она, но в ней говорится не о богослужении, а о «выполнении причащения запасными Дарами, если была бы смертная нужда». Впрочем, увидев, что следствию известно о тайных службах в доме Малышевой, монахиня признала, что они «регулярно» проводились, но никаких бесед, тем более на антисоветские темы при этом не было¹³⁰.

Органы НКВД очень спешили и не слишком заботились о сборе доказательной базы. Уже 19 октября было принято постановление об официальном предъявлении обвинения, в котором говорилось: «Платонова Александра Федоровна достаточно изобличается в том, что, являясь враждебно настроенной к существующему в СССР строю, издавна встала на путь антисоветской деятельности. Несмотря на примененную к ней репрессию в 1934 г. за антисоветскую деятельность, таковую до сих пор не прекратила, возобновив ее сразу же после отбытия срока наказания, до момента ареста по настоящему делу в условиях военного времени принимала участие в нелегальных сборищах на частных квартирах социально-опасных лиц, где наряду с отправлением религиозных обрядов проводилась антисоветская деятельность. Заведомо зная об ответственности за уклонение от прописки, с сентября месяца и по день ареста проживала на нелегальном положении в доме арестованных ныне бывших торговцев Малышевых, прививала детям Малышевых антисоветские взгляды на религиозной почве»¹³¹.

Следователям было важно, прежде всего, добиться от матери Анастасии признания в антисоветской деятельности и агитации. Поэтому ее третий и последний допрос — 20 октября проводил

¹³⁰ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области, д. 28304-с, л. 32-35.

¹³¹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области, д. 28304-с, л. 38.

лично начальник городского отдела НКВД лейтенант госбезопасности Способин. Допрос проводился ночью с нуля часов 5 минут до 2 часов 50 минут. Неизвестно какие методы воздействия (а в то время пытки были обычной практикой) применялись к больной престарелой женщине, но, в конце концов, она признала себя виновной в антисоветских действиях и «чистосердечно раскаялась». В протоколе допроса указывалось: «Просит снисхождения, чтобы имела возможность честным трудом принести какую-либо пользу». Впрочем, матушка конкретно назвала лишь одну свою фразу в разговоре с Малышевой, которую можно было расценить как «контрреволюционную». Позднее она повторила ее на суде: «Я говорила, что советская школа портит детей, и записываться в пионерский отряд значит идти против Бога. До революции я была учительницей и часто писала стихи в духовных журналах». М.Н. Малышева также была настроена против пионерских отрядов и советского антирелигиозного воспитания в школах и естественно в разговоре выразила согласие со словами Платоновой. Признание факта этого частного разговора органам следствия оказалось вполне достаточно для доказательства обвинения в антисоветской агитации¹³².

По делу монахини Анастасии и ее брата о. Симеона проходили кроме Марии Николаевны и Бориса Алексеевича Малышевых бывший ктитор собора Михаил Романович Данилов и певчая соборного хора Валентина Николаевна Троицкая, которая вообще отказалась давать показания о ком-нибудь, заявив на допросе: «Я готова идти даже на смерть, но пусть пострадаю одна, а никого не выдам». Кроме конфискованных писем, фотографий, церковных книг органы следствия в качестве улики использовали рукопись бывшего полковника царской армии А.А. Давыдова «Для заметок религиозного содержания». Он до 1939 г. в качестве жильца проживал у Малышевых и после переезда в Лугу оставил свою тетрадь с записями в Вышнем Волочке. Все обвиняемые признали свою

¹³² Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области, д. 28304-с, л. 36, 124.

вину лишь частично, например, о. Симеон — только в проведении нелегальных служб для узкого круга лиц, известных «глубокой религиозностью» и хорошо знакомых священнику. Остальные в основном признали только факт своего присутствия на богослужениях. Всего в доме Малышевых, по их словам, таких служб было около десяти с участием шести — восьми человек¹³³.

22 октября органы НКВД сфабриковали обвинительное заключение с разоблачением «антисоветской группировки» из шести человек. Судебное заседание Военного Трибунала войск НКВД по охране тыла Северо-Западного фронта проходило 24 октября в закрытом порядке, без вызова свидетелей. В своем последнем слове монахиня Анастасия сказала лишь следующее: «Какое бы наказание суд ни определил, я остаюсь при своих убеждениях, моя жизнь — это вера в Бога. Я сознаю свои ошибки в нарушении законов о нелегальных сборах и прошу суд это учесть, я человек больной, но могу еще работать и приносить пользу»¹³⁴.

Несмотря на то, что никто из обвиняемых свою вину полностью не признал, и фактических доказательств их «антисоветской деятельности» не имелось, приговор Военного Трибунала оказался очень жесток — матушку Анастасию, Малышевых и В.Н. Троицкую приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с последующим поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией личного имущества, а о. Симеона Платонова и М.Р. Данилова — к высшей мере наказания с конфискацией имущества. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал. Но очевидная сфабрикованность дела об «антисоветской группировке» бросилась в глаза, и военный прокурор Северо-Западного фронта вынес протест в связи с приговором. Рассмотрев его, 5 ноября 1941 г. Военный Трибунал решил заменить расстрел о. Симеона и Данилова на 10 лет лагерей. В отношении остальных

¹³³ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области, д. 28304-с, л. 107.

¹³⁴ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области, д. 28304-с, л. 124.

осужденных прежний приговор остался в силе. В дальнейшем о. Симеон скончался в лагере.

Все шестеро приговоренных были реабилитированы 10 июня 1992 г. с указанием, что «материалами дела обвинение в антисоветской агитации не подтверждено». После вынесения приговора монахиня Анастасия прожила меньше месяца. К моменту ареста ей было 57 лет, а здоровье после первого срока в Томском лагере уже было серьезно подорвано. В медицинской справке от 21 октября 1941 г., выданной после осмотра матушки врачом тюрьмы № 6 говорилось, что она имеет «декомпенсированный порок сердца и годна лишь к легкому труду». Скончалась монахиня Анастасия в тюрьме 19 ноября 1941 г.¹³⁵

Дальнейшее изучение необыкновенной судьбы и поиски места упокоения выдающейся духовной дочери святого праведного отца Иоанна Кронштадтского будут продолжаться. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что литературное творчество монахини Анастасии (Платоновой) пережило десятилетия забвения. Ее духовные очерки, рассказы, стихи вновь начали активно публиковаться в последние годы и находят горячий отклик у современных читателей.

Письма монахини Анастасии (Платоновой)

№ 1

Письмо протопресвитеру Александру Дернову — председателю правления «Общества памяти отца Иоанна Кронштадтского» от А. Платоновой. 25 июля 1917 г.

«Глубокоуважаемый Батюшка!

Сейчас Аннушка принесла мне от о. Иоанна [Орнатского] 60 рубл[ей] за апрель и за май. Так как она теперь идет к Вам, то посылаю Вам с ней расписочку, но только ведь это совсем

¹³⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Тверской области, д. 28304-с, л. 31; Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2002. С. 193.

несправедливо: «Кронштадский пастырь» теперь не выходит; за что же я получаю? Пусть уж теперь будет перерыв до того времени, когда Господь даст, снова будет издаваться журнал. Трудно теперь всем живется, не легко, я думаю, и обществу...

Как Вы себя чувствуете? Как устроились с квартирой? Хотелось бы иметь от Вас весточку... Я целые дни со своим малюткой. Шлю Вам сердечный привет и пожелание всего доброго.

Привет и от всех наших.

Ваша Ал. Платонова

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), ф. 2216, оп. 1, д. 53, л. 82-82об. Подлинник.

№ 2

Письмо протопресвитеру Александру Дернову от монахини Анастасии (Платоновой). 23 февраля 1921 г.

Поздравляю Вас, дорогой Батюшка, с днем Ангела шлю Вам самые лучшие пожелания, а главное — крепости сил в это тяжелое время. Как я давно Вас не видела, как соскучилась о Вас, и как хотелось бы где-нибудь помолиться с Вами. Но нигде не приходится, а к нам Вам трудно сейчас добраться. Надеюсь, что весной, когда будет теплее, Вы соберетесь к нам и помолитесь у нас и за нас. Дел у меня очень много, но тоскует душа о храме и о настоящей обители, в которую так хотелось бы, чтоб община преобразилась!

Ну, поговорим при свидании. Не знаю Вашей квартиры и посылаю Вам письмо в часовню; думаю, что до Вас дойдет.

Не забывайте в своих св. молитвах искр[енне] преданную Вам Вашу ученицу м[онахиню] Анастасию

ЦГИА СПб, ф. 2216, оп. 1, д. 53, л. 123-123об. Подлинник.

Перечень книг монахини Анастасии (Платоновой)

Жертва разлада. Причина самоубийства по В.С. Соловьеву и Ф. Тютчеву. СПб.: Единение, 1908 — 43 с.

Пастырь-молитвенник. Очерк жизни о. Иоанна Кронштадтского. СПб.: О-во в память о. Иоанна Кронштадтского, 1912 — 36 с.

На высотах духа. Стихотворения и рассказы. СПб.: Изд. П. Сойкина, 1912 — 256 с.

Под сенью веры. Сборник религиозно-нравственных статей. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1913 — 179 с.

Светлые дали. Рассказы из первых веков христианства. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1913 — 109 с.

На рассвете. Рассказ из жизни первых христиан. СПб.: Постоянная комиссия народных чтений, 1913 — 40 с.

К радости совершенной. Сборник рассказов и стихотворений. СПб.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 232 с.

Перед иконою «Скоропослушницы». Стихи. Пг.: Александроневское о-во трезвости, 1914 — 4 с.

Великие дни (под первыми впечатлениями войны). Сборник статей. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 116 с.

Дивен Бог во святых своих. Очерки из жизни святых. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 87 с.

Не в силе Бог, а в правде. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 240 с.

Святая мученица царица Александра. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 32 с.

Святая равноапостольная Мария Магдалина. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 23 с.

Святая равноапостольная Нина, просветительница Грузии. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 32 с.

Святитель Христов Питирим, епископ Тамбовский. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 59 с.

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 48 с.

Святой первомученик и архидиакон Стефан. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 16 с.

Святая мученица Татиана. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 24 с.

Святая великомученица Варвара. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 32 с.

Святой апостол Павел. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 95 с.

Святой Апостол Петр. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 76 с.

Святой Иоанн воин. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 42 с.

Святой великомученик и целитель Пантелеимон. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 48 с.

Святой равноапостольный князь Владимир. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 68 с.

Под небесной защитой. Очерки и статьи. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 80 с.

Любовь до конца. Историческая повесть из жизни первых христиан. Пг.: О-во распространения религиозно-нравственного просвещения, 1915 — 96 с.

Под грозой. Повесть из времен татарщины. Пг.: О-во распространения религиозно-нравственного просвещения, 1915 — 96 с.

Над Днепровскими курганами. Повесть из жизни Киевской Руси. Пг.: О-во распространения религиозно-нравственного просвещения, 1916 — 95 с.

За други своя. Рассказ. Пг.: Постоянная комиссия народных чтений, 1915 — 36 с.

Церковные обряды и их значение для православного христианина. Пг.: Постоянная комиссия народных чтений, 1916 — 28 с.

Апостол Японии. Очерк жизни архиепископа Японского Николая. Училищный совет при Свят. Синоде. 1916 — 96 с.

Последние язычники. Повесть из времен Юлиана отступника. Пг.: О-во распространения религиозно-нравственного просвещения, 1917 — 96 с.

На высотах духа. Рассказы. М.: Отчий дом, 1998 — 240 с.

Над Днепровскими курганами. М.: Отчий дом, 2000 — 95 с.

Под грозой. Повесть из времен татарщины. М.: Отчий дом, 2000 — 96 с.

Монахиня Анастасия (Платонова). Постриженица Иоанновского монастыря. Жизнеописание, статьи. СПб.: Леушинское подворье, 2003 — 64 с.

Храм преподобного Серафима Саровского на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге, где погребены насельницы Иоанновского монастыря

Глава III

Монахиня Иоанна (Лежоева)

Монахиня Иоанна (в миру Анна Яковлевна Лежоева) была одной из ближайших духовных дочерей святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Она родилась в 1869 г. в Санкт-Петербурге в купеческой семье, окончила в столице Патриотическую Рождественскую школу. Девушка с юности хотела принять монашеский постриг и замуж не вышла. О ее близости к отцу Иоанну свидетельствуют письма батюшки. Так, например, 10 июня 1901 г. Кронштадтский пастырь писал игумении Леушинского монастыря Таисии, что Анна Яковлевна сопровождала его в начале июня в поездке в Сурский монастырь и пожертвовала на обитель 200 рублей. А.Я. Лежоева с самого начала возведения Иоанновского монастыря принимала деятельное участие в постройке его здания и в 1903 г. стала насельницей обители.

Она пришла в монастырь по благословению своего духовного отца в довольно зрелом возрасте (в 34 года). Сама Анна Яковлевна стремилась к монашеству давно, но ее очень богатая семья была категорически против. Родители А.Я. Лежоевой, хотя и имели много детей, все равно дочь в монастырь не отпускали, настаивая на том, чтобы она создала семью. Однако Кронштадтский пастырь сумел повлиять на ситуацию. Родным сестрам будущей казначеи обители батюшка сказал: «Она вымолит весь ваш род»¹³⁶.

Сначала Анна Лежоева проходила послушание старшей свечницы, а с 1904 г. исполняла обязанности казначеи. 17 декабря 1907 г. она была определена послушницей монастыря по указу Санкт-Петербургской Духовной консистории¹³⁷. В тот период Анна Лежоева уже активно занималась делами Свято-Успенского Вауловского скита в качестве казначеи обители и неоднократно бывала в нем.

В 1907–1908 гг. в монастыре был устроен облицованный мрамором храм-усыпальница отца Иоанна Кронштадтского, освященный во имя святого пророка Илии и святой царицы Феодоры, имена которых носили отец и мать пастыря. Средства на его

¹³⁶ Ставицкая Н. Указ. соч.

¹³⁷ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4213, л. 14.

строительство дала, как сообщалось в периодическом издании «Колокол», одна петербургская жертвовательница, пожелавшая остаться неизвестной. Теперь известно, что это была Анна Яковлевна, потратившая на устройство усыпальницы пастыря все свое большое наследство.

Сохранилось опубликованное свидетельство монахини Виктории (Кореневой), считавшей монахиню Иоанну (Лежоеву) своей «духовной матерью»: «На средства матушки была устроена усыпальница о. Иоанна Кронштадтского. Батюшка Иоанн говорил: «Как ты матушка приготовила мне место успокоения на земле, так я для тебя приготовлю место на небе». Сама монахиня Иоанна была очень кроткого нрава. Ее келейница говорила, что никогда не видела, чтобы матушка вышла из себя — она всегда была мирная и любвеобильная... Как духовная дочь о. Иоанна она от него при жизни получила благословение писать записочки, класть их за образ и вынимать с молитвой, и с полной верой поступать так, как написано в записочке. Так она и поступала. Даже к нам идти или нет. Она клала записочку. И если выходило не ходить, так тогда не приходила. Так она делала каждый раз... Отец Иоанн ее сохранял, и она умерла своей смертью»¹³⁸.

Анна Яковлевна приняла монашеский постриг в мантию с именем Иоанна от священномученика епископа Гдовского, позднее митрополита Петроградского Вениамина (Казанского) 19 ноября 1911 г. в Иоанновском монастыре, а 9 марта 1912 г. была утверждена казначеей обители¹³⁹. Эти обязанности монахиня Иоанна успешно исполняла до закрытия монастыря в 1923 г. 29 марта 1917 г. матушке была вынесена благодарность Святейшего Синода. После образования в 1919 г. при храмах обители приходского совета монахиню Иоанну избрали его членом и казначеем совета. В это время — вплоть до 1923 г. монахиня также исполняла послушание помощницы настоятеля храмов обители.

¹³⁸ Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. Сидней, 1991. С. 9.

¹³⁹ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4334, л. 9.

Согласно сохранившимся воспоминаниям, к матери Иоанне — человеку тихому и мирному — любили обращаться сестры монастыря. Она давала им такой совет: «Если совсем не знаете, как поступить в том или ином случае и спросить не у кого, напишите два варианта записочки: поступать так-то или не следует? Положите их за икону Матери Божией и молитесь. Потом доставайте одну из них». Так, говорила она, ее учил отец Иоанн Кронштадтский: молиться с верой Пресвятой Богородице и потом вытаскивать записочку¹⁴⁰.

Осенью 1923 г. матушка Иоанна в числе других сестер активно боролась против закрытия монастыря и выселения его насельниц, в частности 20 сентября подписала соответствующее заявление в президиум Петроградского губисполкома. Но в ноябре того же года ей пришлось покинуть родную обитель, и поселиться в небольшой общине вместе с игуменией Ангелиной и еще двумя сестрами по адресу: улица Полозова, д. 22, кв. 37. После закрытия монастыря матушка, не зная кого выбрать своим духовником, обратилась с этим вопросом к викарию Петроградской епархии епископу Гдовскому Димитрию (Любимову). Владыка ответил ей: «Лучше чем отец Викторин не найдешь, ступай к нему»¹⁴¹. С того времени монахиня Иоанна окормлялась у известного петроградского пастыря священномученика протоиерея Викторина Добронравова (преданного почитателя отца Иоанна Кронштадтского).

Один из самых известных петроградских пастырей 1920-х гг. родился 29 января/10 февраля 1889 г. в г. Кишиневе, где его отец Михаил Добронравов служил священником. Мальчик рано потерял отца, и мать вторично вышла замуж. Отчимом Викторина стал А.П. Ростовский, секретарь Святейшего Синода в Санкт-Петербурге, куда семья и переселилась. У Ростовских родилось трое детей, но Викторин был особенно привязан к Зинаиде, незрячей от рождения. В жизни Зинаиды произошло чудо, повлиявшее

¹⁴⁰ Ставицкая Н. Указ. соч.

¹⁴¹ Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. С. 7.

на всю дальнейшую жизнь юноши: до семьи Добронравовых-Ростовских дошел слух о чудотворениях отца Иоанна Кронштадтского, и мать решила поехать в Кронштадт со своей больной дочкой, надеясь на чудо. Когда они приехали в город и подошли к Андреевскому собору, то увидели, что вся площадь около храма была запружена народом. Литургия кончилась, отворились двери собора, и вышел батюшка. Осмотрев всех вокруг, отец Иоанн сразу помянул пальцем к себе больную девочку, говоря: «А ну-ка, беленькая девочка (Зинаида была альбиноской), подойди ко мне». Когда она подошла, пастырь положил руку на ее головку, благословил, помолился и сказал: «А ты будешь видеть, девочка». Уже по дороге домой Зинаида стала видеть, впоследствии окончила успешно гимназию, увлеклась искусством и до конца своей долгой жизни (она умерла в возрасте 93 лет в 1988 г.) занималась живописью. Это чудо отца Иоанна настолько укрепило веру Викторина, что он захотел уйти в монастырь, но мать его не пустила¹⁴².

8 июня 1910 г. юноша окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию, но сан не принял, так как не был женат, а по настоянию матери 16 сентября 1910 г. поступил на экономическое отделение Политехнического института, которое успешно окончил в 1915 г. Однако стремление к духовной жизни не покидало Викторина, и он все-таки решил поехать в Москву получить благословение на монашество от Московского митрополита; Владыка принял его милостиво, но в монашестве отказал, сказав: «Ты слишком красив и будешь соблазном для многих», а на священство благословил, велел жениться¹⁴³. В этот период жизни Викторин уже был иподиаконом священномученика епископа Гдовского Вениамина (Казанского), будущего митрополита Петроградского, и через несколько месяцев женился на Анне Константиновне Вороновой. Вскоре после этого, не взирая на протесты матери и жены, Викторин стал священником¹⁴⁴.

¹⁴² Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. С. 3.

¹⁴³ Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. С. 4.

¹⁴⁴ Житие свмч. протоиерея Викторина Добронравова // Православная Русь. 1991. № 8. С. 3–4.

4 октября 1915 г. Викторин Добронравов был определен на вакансию диакона к церкви Преображения Господня (Спасо-Колтовской) на Петербургской стороне, и в тот же день рукоположен во диакона, а 21 декабря 1915 г. — во священника. В этом, ныне не существующем храме, о. Викторин служил три с половиной года и заслужил признание и любовь паствы¹⁴⁵. Пока было возможно он активно занимался преподаванием Закона Божия в нескольких училищах и гимназии¹⁴⁶. Именно в это время сформировались те качества священника, которые позволили ему в дальнейшем быть замечательным духовником.

Уже вскоре после Октябрьского переворота о. Викторин лично столкнулся с антирелигиозной политикой советских властей. 25 сентября 1918 г. он был арестован ЧК и заключен в Петропавловскую крепость, но в первый раз все обошлось благополучно, тюремное заключение продолжалось один месяц, постановлением ЧК от 25 октября того же года священник был освобожден без вынесения приговора¹⁴⁷. 25 февраля 1919 г. отец Викторин был назначен настоятелем церкви святителя Николая Чудотворца при Убежище престарелых сценических деятелей Русского театрального общества на Петровском острове. Здесь, в церковном доме при храме батюшка поселился со своей семьей и прожил 11 лет. В начале 1920-х гг. убежище было преобразовано в Дом ветеранов сцены имени актрисы Марии Гавриловны Савиной. Вскоре и матушка Иоанна стала прихожанкой этой церкви.

Сохранились воспоминания духовных детей о. Викторина о первых годах службы батюшки в Никольской церкви: «Прот. Викторин был исключительным духовником... Он мыслил чисто по-православному. Слава его, как духовника распространялись далеко... В прот. Викторине была особая духовная сила. Его слово было всегда со властью. Он строго настаивал на соблюдении постов, на причащении каждое воскресенье, призывал отказаться

¹⁴⁵ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4320, л. 141–142.

¹⁴⁶ ЦГИА СПб, ф. 678, оп. 2, д. 18, л. 25.

¹⁴⁷ ЦГА СПб, ф. 151, оп. 2, д. 102, л. 95–96.

от вкушения мяса и как возможно чаще ходить в храм. Во время отречения последнего русского царя и революции прот. Викторин служил в Петербурге. Батюшка был большим почитателем иконы Божией Матери Державной. Он придавал большое значение явлению этой иконы в столь трудный для России период. Этим явлением Матерь Божия утешила верных и как бы сказала, что с отъятием «удерживающего» Она Сама приемлет скипетр и державу. Каждую пятницу вечером в храме, где он служил... совершалось молебное пение с акафистом перед Державной иконой Божией Матери. В доме о. Викторина находилась очень чтимая им Козельщанская икона Божией Матери. В день празднования этой иконы ее приносили в храм, и совершалось всенощное бдение»¹⁴⁸.

В конце 1927 г. о. Викторин стал одним из активных участников оппозиционного советской власти и Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) иосифлянскому движения. Матушка Иоанна также присоединилась к иосифлянам и до закрытия 8 февраля 1930 г. Никольской церкви была ее прихожанкой. Бывшая казначея имела большое духовное влияние на прежних насельниц Иоанновской обители, и многие из них также стали иосифлянками. Митрополит Иоанн (Снычев) в одном из своих трудов, в частности, писал о переходе к сторонникам митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых) «до 50-ти монахинь во главе с монахиней Иоанной из упраздненного Ивановского монастыря»¹⁴⁹.

После закрытия Никольского храма неизбежная угроза ареста нависла над отцом Викториним, который вместе со своими духовными детьми перешел в Пантелеимоновскую церковь на Пискаревке. В эти трудные дни матушка Иоанна поехала к проживавшей в Ленинграде после разгрома Шамординского монастыря юрوديой схимонахине Антонине, просить ее молитв за своего духовника. В сентября 1930 г. протоиерей Викторин Добронравов все-таки

¹⁴⁸ Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. С. 4–5.

¹⁴⁹ Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви. Сортавала, 1991. С. 199.

был арестован, приговорен к 10 годам заключения и отправлен в Беломоро-Балтийский лагерь. По некоторым сведениям, матушка Иоанна в это время находилась под домашним арестом. В город святого Апостола Петра о. Викторин уже не вернулся (он был расстрелян в 1937 г.). Пастырь был прославлен в лике святых в 1981 г. Русской Православной Церковью за границей, а в 2005 г. — Московским Патриархатом.

Сохранилось описание совместной жизни сестер на ул. Полозова после кончины в 1927 г. схиигуменнии Ангелины: «После ее смерти сестры разошлись, и осталась матушка Иоанна одна со своей келейницей инокиней Наталией в одной комнате на первом этаже. Вскоре к ним приехала начальница Сурского подворья [на самом деле бывшая заведующая Вауловского скита] 90-летняя матушка Евпраксия, и Наташе приходилось обслуживать обеих. Главное они были разных толков: матушка Евпраксия была сергианка, а матушка Иоанна — иосифлянка. Трудно им было вместе молиться. Они обе были лишенцы, т.е. им не давали хлеба (хлеб был по карточкам). Они питались за счет благодетелей...»¹⁵⁰.

7 октября 1933 г. матушка Иоанна была арестована по делу «незаконной церковно-монархической группы монашествующих». Всего по этому делу проходили 30 иосифлян, в том числе канонизированный в 2000 г. юбилейным Архиерейским Собором Московского Патриархата священномученик иерей Павел Гайдай, старец священник Алексей Колесов, диакон Филимон Юдин, монахини и миряне. Их обвинили в проведении тайных богослужений на квартирах (все иосифлянские храмы в Ленинграде кроме одного уже были закрыты) и антисоветской деятельности.

При обыске квартиры монахини Иоанны 7 октября 1933 г. агенты ОГПУ обнаружили религиозные рукописи, много литературы о святом отце Иоанне (свыше 200 книг), которая распространялась среди верующих, около 70 фотографий, две пелены, схиму и церковную утварь, так как в квартире проводились тайные

¹⁵⁰ Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. С. 10.

богослужения. Матушка на допросе бесстрашно сказала, что она является последовательницей о. Иоанна Кронштадтского и занималась его «прославлением» среди верующих. На вопрос о судьбе сестер обители монахиня Иоанна ответила, что группы насельниц после закрытия монастыря расселились по разным местам Ленинграда и Ленинградской области, стараясь сохранить монашеский образ жизни и надеясь вернуться обратно, так как советскую власть считают временной.

Далее матушка показала: «Наше монашество, проживавшее в монастыре дорогого Иоанна Кронштадтского после его закрытия (1923) и высылки многих в разные места, стало примыкать к Истинно-православной церкви “ИПЦ” — рассматривало политику Сов[етской] власти по отношению к религии безусловно неправильной, т.е. как гонение на православных христиан. Вели среди верующих к[онтр]-р[еволюционную] агитацию за восстановление монархии и возвращение наших монастырей. В настоящее время существую исключительно на помощь наших единомышленников, кто именно точно указать не могу, т.к. приносят неизвестно кто. Обнаруженная в моей квартире церковно-монархическая литература, произведения, церковная утварь принадлежит мне, которую распространяли среди верующих. Этим самым прославляли дорогого батюшку Иоанна Кронштадтского»¹⁵¹. Взяв всю «вину» на себя, матушка фактически спасла от ареста проживавших с ней инокиню Наталью Репину и монахиню Евпраксию (Кононову).

В обвинительном заключении от 1 декабря 1933 г. говорилось, что органами ОГПУ «была агентурно вскрыта и оперативно ликвидирована нелегальная церковно-монархическая группировка черного духовенства, находившаяся на нелегальном положении в г. Ленинграде, и фанатично настроенных сторонников тайно-церковного подвижничества». По версии следствия, после ликвидации в 1930 г. в Ленинграде возглавляемого архиереями Димитрием (Любимовым), Сергием (Дружининым) и Василием (Док-

¹⁵¹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-82899, т. 1, л. 71.

торовым) «административно-церковного центра» и Всесоюзной церковно-монархической организации «Истинно-православная церковь» осталось значительное количество «тайно-монашеских и подвижнических очагов» иосифлян. Несмотря на последующие аресты 1931–1933 гг. пущенные «тайнослуженцами» глубокие корни, «направляемые на организацию воинствующего религиозного подполья и борьбу его с атеизмом и носителем его советской властью, как властью антихриста, все же не были полностью ликвидированы»¹⁵².

В начале 1933 г. некоторые уцелевшие в ходе репрессий иосифляне устроили три тайные домовые церкви на частных квартирах по адресам: Лиговская улица, д. 167, кв. 6, Ананьевская улица, д. 15, кв. 5 и улица Розенштейна, д. 37, кв. 71. Служил в них странствующий священник Алексей Александрович Колесов. С конца 1920-х гг. о. Алексей в основном жил в комнате на набережной Фонтанки, д. 126, но осенью 1932 г. во время массовых арестов «истинно-православных» уехал из Ленинграда вместе с духовным сыном А.Н. Ясюкевичем в Полоцкий район Белоруссии. В начале 1933 г. священник был задержан вблизи границы с Польшей и постановлением Тройки Полномочного Представительства ОГПУ в Белорусском военном округе приговорен к 3 годам концлагеря с заменой на лишение прав проживания в 12 важнейших городах и погранзоне на 3 года. После освобождения из Полоцкого Дома предварительного заключения о. Алексей нелегально вернулся в Ленинград, проживал у духовных детей, иногда выезжая для тайных служб к своей пастве в Детское Село, Тайцы, Пулково и другие населенные пункты области. Во время одной из таких поездок 30 сентября 1933 г. его арестовали.

Ближайшими помощниками священника были супруги Суворовы — Василий Павлович и Ольга Дмитриевна, в квартире которых на Лиговской ул. и была устроена одна из домовых церквей. О.Д. Суворова поддерживала связь с отбывавшими заключение

¹⁵² АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-82899, т. 1.

и ссылку руководителями иосифлянского движения, занималась сбором и отправкой им материальной помощи. Выдав себя за сестру епископа Василия (Докторова), она даже смогла получить личное свидание с Владыкой в концлагере. Работавший проводником на железной дороге В.П. Суворов хранил церковную утварь и облачения нескольких арестованных иосифлянских священнослужителей (в том числе епископа Василия), на допросе он показал: «В 1932 г. после ареста духовенства Полюстровской церкви мы решили перейти на тайнослужение. Для связи с местами заключения выделили специально три человека». В домовая церковь на Лиговской улице служил и тайный диакон (с 1930 г.) Филимон Савватиевич Юдин. Он также помогал репрессированному духовенству, устраивал беседы с верующими, читал акафисты и т.д.

Хозяйкой другой квартиры с тайной церковью на Ананьевской улице была бухгалтер «Ленэнерго» Н.П. Егорова. С 1926 г. у нее проживала почитаемая иосифлянами «болящая» схимонахиня Мелания (Семенова). Схимница ездила в лагеря и ссылки к заключенным там священнослужителям вместе с домохозяйкой М.Н. Степановой, которая под видом сестры епископа Сергия (Дружинина) трижды имела свидание с Владыкой. Третья домовая церковь была устроена в квартире кузнеца Ленинградского торгового порта Ф.К. Панюшина на ул. Розенштейна. В этом храме тайно служили не только о. Алексей Колесов, но и ранее до арестов протоиерей Михаил Рождественский и иеромонах Владимир (Юшков). В сентябре 1933 г. Панюшин навещал отбывавшего ссылку о. Владимира¹⁵³.

Священномученик о. Павел Гайдай был арестован 7 октября на квартире его духовной дочери Софьи Александровны Шейнгер по адресу ул. Восстания, д. 22, кв. 15 через шесть дней после его приезда из Киева в Ленинград для установления связи с местными иосифлянами. Отец Павел с 1926 г. служил настоятелем Кирилло-Мефодиевской церкви Одессы. Пастырь был известен своей

¹⁵³ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-82899, т. 1, л. 79–81.

активной благотворительной деятельностью, в частности строительством до революции странноприимных домов и, обладая даром прозорливости, почитался верующими. Отец Павел неоднократно бывал в «северной столице», даже непродолжительное время служил в Георгиевской церкви на Охтинском кладбище, а с С.А. Шейнгер познакомился в начале 1927 г. (у нее позднее останавливались и другие оппозиционные митрополиту Сергию священнослужители — епископ Никольский Варсонофий (Вихвелин), о. Трифон из Кирилловой пустыни Каргопольского района и другие).

Весной 1927 г. священник Павел Гайдай был арестован в Одессе и приговорен Тройкой Полномочного Представительства ОГПУ в Одесском военном округе к 5 годам концлагеря. До декабря 1932 г. он отбывал срок в Туруханском крае. После освобождения священника не допустили в Одессу, и он поселился в Киеве. В конце 1932–1933 гг. отец Павел служил в иосифлянской Ильинской церкви Киева и после недолгого пребывания в Ленинграде собирался выехать в Казахстан для встречи с отбывавшим там ссылку митрополитом Иосифом (Петровых), а затем навестить и митрополита Кирилла (Смирнова). Но этим планам не суждено было сбыться. После ареста священномученик был отправлен в Ленинградскую тюрьму «Кресты», затем отбывал ссылку в Туруханске, заключение в Карагандинских лагерях. Сохранилась его переписка 1936–1937 гг. из Карлага с духовными детьми в Ленинграде. 5 сентября 1937 г. о. Павел был расстрелян в лагере¹⁵⁴.

Большинство арестованных по одному делу с монахиней Иоанной (Лежоевой), как и она, вынужденно принадлежали к подпольным общинам. Так, работавшая проводницей на Балтийской линии железной дороги тайная монахиня Наталия (Быкова) на допросе говорила: «Дабы спасти нашу православную веру, нужно было уйти в подполье, то есть принять тайное монашество, организовать нелегальные домашние церкви, и таким путем вести

¹⁵⁴ Ильюнина Л.А. Священномученик Павел Гайдай // Православный летописец Санкт-Петербурга. 2001. № 2. С. 59–63.

борьбу против носителей безбожия». Однако агенты ОГПУ арестовали и нескольких активных членов приходского совета легальной иосифлянкой Троицкой церкви в Лесном, которую называли «материальной базой для заключенных и ссыльных Истинно-православной церкви» и центром концентрации прежних и вербовки новых последователей ИПЦ: председателя «двадцатки» С.Н. Староверова, его секретаря Л.С. Пыжеву, члена ревизионной комиссии Т.С. Боброву и др. Данное дело оказалось последним крупным групповым делом ленинградских иосифлян, имевших непосредственную связь со своими архиереями.

По версии следствия, «практическая деятельность группировки заключалась в следующем»: «1. В формировании тайно-подвижнических домашних церквей в г. Ленинграде и его окрестностях; 2. В систематической агитации против политики и мероприятий советской власти; 3. В широкой вербовке всех тяготеющих к религии и старым церковным традициям антисоветски настроенных лиц с целью восстановления разрушенной контрреволюционной церковно-монархической организации «истинно-православных»; 4. В подготовке антисоветских староцерковных кадров для пропагандирования продолжения церковно-монархической деятельности в условиях подполья; 5. В распространении религиозно-монархических произведений, «пророческих» текстов, агиток антисоветского содержания, фотоснимков ссыльного и расстрелянного советской властью духовенства, а также в муссировании всяких контрреволюционных провокационных слухов о «кончине мира», голоде, стихийных бедствиях и падении советской власти, как власти антихриста и 6. В оказании систематической материальной помощи репрессированному за контрреволюционную деятельность духовенству и монашеству «Истинно-православной церкви» и связи с ним»¹⁵⁵.

Бывшую казначею Иоанновского монастыря обвинили в хранении и распространении контрреволюционной церковно-мо-

¹⁵⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-82899, т. 1, л. 307–308.

нархической литературы среди верующих, ведении погромно-монархической пропаганды, оказании помощи репрессированным священнослужителям и странничестве по иосифляным храмам Ленинграда и области. Но главное обвинение о принадлежности к нелегальной антисоветской группе доказать не удалось, 23 ноября матушку Иоанну выпустили под подписку о невыезде и 23 декабря 1933 г. Тройка Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила монахиню, учтя ее преклонный возраст, к 3 годам лагерей условно. Большинство других арестованных по данному делу были приговорены к 3–5 годам лагерей (в том числе священник Алексей Колосов к 5 годам) или ссылке на 3 года в Казахстан¹⁵⁶.

Матушка Иоанна после освобождения вернулась в квартиру на улице Полозова, а в дальнейшем перешла на нелегальное положение. Господь действительно сохранял ее по молитвам святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. Даже так называемый «кировский поток» — массовая высылка из города весной 1935 г. после убийства С.М. Кирова «социально-опасного элемента» (в т.ч. нескольких сотен священников и монашествующих), когда по некоторым сведениям из Ленинграда выслали монахиню Евпраксию и инокиню Наталью, не коснулся матушки. Она мирно отошла ко Господу в Ленинграде 25 февраля 1939 г., сказав перед смертью: «Вера до конца будет Господу верна...»¹⁵⁷. Монахиню погребли на монастырском участке Серафимовского кладбища, где традиционно хоронили сестер Иоанновской обители с 1910-х гг. Могила матушки Иоанны сохранилась, и за ней ухаживают нынешние сестры монастыря.

¹⁵⁶ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-82899, т. 1, л. 308–312.

¹⁵⁷ Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. С. 12.

Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге

Глава IV

Схингумения Серафима (Голубева)

Иоанновский монастырь был закрыт в ноябре 1923 г., но еще в мае этого года, после захвата его храмов раскольниками-обновленцами, часть сестер во главе с монахиней Серафимой (Голубевой) ушли из обители и поселились общиной при церкви и часовне во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» на Шлиссельбургском тракте (ныне проспекте Обуховской обороны). Позднее они перешли в Александро-Невскую Лавру, которая во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. оставалась одним из немногих действующих монастырей на всем Северо-Западе России и давала приют в своих стенах монашествующим из других, уже закрытых обителей, в том числе и женских. Беспрецедентные условия ожесточенных гонений на Церковь стали причиной существования в течение пяти лет в Федоровском корпусе Лавры общины сестер Иоанновского монастыря, все эти годы возглавляемой монахиней Серафимой (Голубевой).

Монахиня Серафима была известной в церковных кругах северной столицы старицей. Вот как писал о ней митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев), цитируя письмо к матушке Серафиме епископа Мануила (Лемешевского) от 28 марта 1928 г.: «В миру София Васильевна была дочерью протоиерея Василия Лебедева. Она была замужем за протоиереем Сергием Голубевым и имела 2-х сыновей и одну дочь. После смерти мужа м. Серафима оставила мир и поступила в Иоанновский монастырь, что на Карповке, Ленинградской епархии, где приняла монашество. При жизни своей она являлась настоящей старицей. Когда монастырь заняли обновленцы, м. Серафима с несколькими сестрами вышла из монастыря и поселилась на частной квартире в Ленинграде. Она обслуживала первоначально часовню Божией Матери, что на Стекланном, а затем продавала свечи в храме Спаса на Крови»¹⁵⁸.

Матушка Серафима родилась 30 сентября 1865 г. в Санкт-Петербурге. В детстве она жила на Каменоостровском проспекте

¹⁵⁸ Иоанн (Снычев), митрополит. Митрополит Мануил (Лемешевский). СПб., 1992. С. 107.

и, поступив в близлежащую женскую гимназию, закончила в ней шесть классов. Вся семья Софии Васильевны была глубоко верующей, ее брат Вячеслав стал в дальнейшем священником, а сама она вышла замуж за протоиерея военного ведомства Сергея Голубева. Вскоре после Октябрьского переворота устоявшаяся жизнь матушки резко изменилась. В 1918 г. ее муж скончался, младший сын Сергей (1897 г. рождения) был мобилизован в Красную армию и после службы в ней стал душевнобольным. Глубоко почитая святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, София Голубева в том же 1918 г. поступила в Иоанновский монастырь и вскоре приняла монашеский постриг с именем Серафима. Очень быстро она приобрела уважение сестер и богомольцев, и в 1919 г. была избрана членом приходского совета монастырских храмов, в котором состояла до мая 1923 г. В это время монахиня Серафима впервые столкнулась с советским правосудием, она была «привлечена к ответственности как свидетельница, забранная на улице». Монахиня Вероника (Враская-Котляревская), познакомившаяся с матерью Серафимой в 1922 г. при посещении Иоанновского монастыря, так позднее писала о ней: «Она была убежденной делательницей Иисусовой молитвы и усердно направляла меня на этот путь. Здесь довелось мне вести первые беседы о подвиге монашества»¹⁵⁹.

Скорбященская церковь вблизи Стеклянного завода, при которой поселилась матушка в конце весны 1923 г., являлась одной из самых посещаемых и любимых в городе. В ней хранилась чудотворная икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость» с грошиками, чудесным образом обновленная 23 июля 1888 г. во время удара молнии. Кроме того, у стен церкви, на самом берегу Невы, в начале XX века была похоронена почитаемая в народе блаженная Матронушка-босоножка.

В воспоминаниях монахини Вероники (Враской-Котляревской) содержатся интересные сведения о жизни сестер при Скорбящен-

¹⁵⁹ Вероника (Котляревская), монахиня. Воспоминания монахини // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 48.

ском храме: «Община монахинь Иоанновского монастыря во главе с матушкой С[ерафимой] ютилась в маленькой квартирке полуразрушенной деревянной лачуги на Стеклянном, подле церкви и часовни, где находилась чудотворная икона Божией Матери «Всех скорбящих Радость». Когда-то тут стояла небольшая деревянная часовенка. Теперь она находится в правом крыле церкви. Случилась гроза. Молния ударила в часовню, и несколько монет из кружки для пожертвований прилипло к иконе. Ни часовня, ни икона не были повреждены. С тех пор эта икона стала называться «Скорбящей с грошиками»...

Толпы богомольцев хлынули на Стеклянный — поклониться новоявленной чудотворной иконе. На глазах у всех творились многие чудеса. Вскоре на месте бедной часовни выросла каменная церковь и часовня, где находилась чудотворная икона. В подвальном помещении часовни была устроена церковь с престолом в честь Преподобного Серафима. Вот в этой часовне и стояла за выручкой мать С[ерафима] со своими сестрами, которые прибирали часовню. Сколько благодатных часов провела я здесь под Покровом Божией Матери «Всех скорбящих Радость», — ставшей моей руководящей иконой»¹⁶⁰.

Община сестер постепенно росла. Так, в 1926 г. преподобномученик архимандрит Александро-Невской Лавры Лев (Егоров) на квартире вблизи Скорбященской церкви постриг в рясофор послушницу Анастасию Кузнецову и в мантию четыре послушницы — Анну Загорельскую с именем Саломия, Марию Круглякову с именем Евфросиния, Татьяну Кундрюцкую с именем Иоанна и Марию Гринь с именем Феврония, причем две последние не были в прошлом насельницами Иоанновского монастыря.

В январе 1927 г. перед своей смертью, несмотря на тяжелую болезнь, к монахиням пришла схиигумения Иоанновской обители Ангелина. Монахиня Вероника вспоминала: «Незадолго до своей кончины она посетила маленькую общину сестер Иоанновского

¹⁶⁰ Ее же. Воспоминания монахини. Сан-Франциско, 1955. С. 18–19.

монастыря, поселившуюся недалеко от церкви и часовни с иконой Божией Матери “Всех скорбящих Радость” на Стеклянном заводе. Сестры почувствовали ее присутствие, как большой светлый праздник. Если не ошибаюсь, это было в 1927–1928 гг. Она тоже уже жила на частной квартире. Через несколько дней она прислала юродивого нищего Мишу сказать, что ей плохо. А еще через два дня ее не стало»¹⁶¹.

Вскоре после смерти матушки Ангелины — 26 февраля 1927 г. — Президиум Ленсовета принял постановление о расторжении договора с прежним приходским советом и передаче Скорбященской церкви и часовни обновленцам. Несмотря на сопротивление и протесты верующих эта акция была проведена. А в октябре 1932 г. по решению Президиума Ленсовета церковь закрыли и 26 ноября 1932 г. снесли. Часовня же, закрытая в апреле 1938 г., уцелела и в 1991 г. была возвращена верующим. Чудотворный образ спасли прихожане, с конца 1940-х гг. по настоящее время он хранится в Свято-Троицкой церкви «Кулич и Пасха». В настоящее время идет восстановление Скорбященской церкви.

Вот как описывает передачу Скорбященского храма обновленцам и изгнание сестер монахиня Вероника: «Сколько чудес, внезапных исцелений от телесных недугов и от слепоты духовной насмотрелась я подле иконы Божией Матери “Всех скорбящих Радость”. Но недолго длилась эта внешне мирная, полная внутренней брани, жизнь. Гонения на Православную Церковь усилились; наша святыня была отдана живоцерковникам. Узнали мы это накануне и всю ночь провели в молитве подле иконы Царицы Небесной. Утром, во время водосвятного молебна, в часовню вошел взвод красноармейцев. Они потребовали очистить часовню от народа. Богомольцы почти все плакали, прощаясь с иконой. Появились подозрительные штатские личности, члены “красной” двадцатки. Началась процедура передачи церковного инвентаря обновленцам. В последний раз преклонили мы колена перед иконой Богоматери и ушли,

¹⁶¹ Ее же. Воспоминания монахини. Сан-Франциско, 1955. С. 15.

почти не сознавая, что произошло. Мы очень тосковали, потеряв возможность молиться в нашем любимом храме. Большинство богомольцев стало ходить в Лавру»¹⁶².

В Александро-Невскую Лавру в 1927 г. перешла и вся монашеская община. К тому времени в обители уже проживало в отдельной келье несколько сестер Иоанновского монастыря, например послушница Елена Домнышева. Они перешли в Лавру еще в конце 1923 г., сразу после изгнания из здания на набережной Карповки. Теперь число сестер в Лавре достигло 14 человек, поселились они все вместе в 36-й «квартире» Федоровского корпуса. Возглавляла общину по-прежнему старица Серафима. В 1930 г. она постригла в рясофор бывшую актрису Варвару Степановну Враскую-Котляревскую — будущую монахиню Веронику.

Пример В.С. Враской-Котляревской был не единичным. Во второй половине 1920-х гг. сразу несколько высокообразованных женщин, представлявших различные слои интеллигенции, обратились к вере и вступили в общины бывших сестер Иоанновского монастыря. Так, с конца 1927 г. входила в общину на территории Лавры Татьяна Николаевна Васильева, до этого работавшая библиотекарем в Совете народного хозяйства и Педагогическом институте и получившая образование в Швейцарии.

Она родилась 25 октября 1886 г. в Санкт-Петербурге в семье инженера-технолога, в 1905 г. в родном городе окончила с медалью женскую частную гимназию Шаффе, в 1906–1908 гг. училась в Швейцарии и хорошо знала немецкий, французский и английский языки. До 1918 г. Т.Н. Васильева работала конторщицей в Русско-Азиатском банке, затем до 1921 г., как уже говорилось, в Совнархозе, а в 1921–1927 гг. — в Педагогическом институте. На допросе в марте 1932 г. она так говорила о своем пути к принятию монашеского пострига: «...я воспитывалась в интеллигентной семье, семье потомственных почетных граждан, которые выражали всегда верноподданнические чувства монарху, были верными

¹⁶² Ее же. Воспоминания монахини. Сан-Франциско, 1955. С. 21,

патриотами императорской России, с ее державным укладом. Принадлежу к той семье, к той вернее интеллигенции, которая в связи с наступлением гибели веками сложившегося монархического строя потеряла под собой почву и встала на путь идеологических исканий. Излишне отрицать то, что насаждение советского строя в России подействовало на меня угнетающе»¹⁶³.

Постриг сестру Татьяну в мантию с именем Сергия в Николо-Феодоровской церкви Лавры ее архимандрит Алексей (Терешин). После ареста 22 августа 1930 г. матушки Серафимы (Голубевой) именно монахиня Сергия (Васильева) возглавила общину.

Первые аресты сестер последовали в связи с тем, что почти все они присоединились к оппозиционному советской власти иосифлянскому движению, которое ОГПУ преследовало особенно жестоко. Из 14 сестер общины в 1928 г. лишь две — послушница Варвара Враская и монахиня Иоанна (Кундрюцкая) — духовная дочь епископа Мануила (Лемешевского), последовали за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским). Остальные после приезда в северную столицу присланного Владыкой Сергием нового митрополита Ленинградского священномученика Серафима (Чичагова) временно перестали посещать богослужения в лаврских храмах.

Бывший управляющий Петроградской епархией епископ Мануил (Лемешевский) 28 марта 1928 г. вскоре после своего освобождения из Соловецкого лагеря написал письмо матушке Серафиме (Голубевой), которую он хорошо знал по совместной борьбе с обновленчеством в 1922–1923 гг., прося ее повлиять на отошедших от митрополита Сергия архиереев: «Всечестная матушка Серафима! Простите, что не так много напишу, как хотелось бы, на душе слишком тяжело. Да, наконец, за каждое слово написанное должен буду отвечать своею совестью.

Вчера, 14/27 марта, состоялось постановление Синода (в составе и его нового члена: арх[иепископа] Курского и Обоянского Ювена-

¹⁶³ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-75829, т. 1, л. 6–7.

лия, вернувшегося по окончании 5 февраля срока своей высылки из Соловков) об увольнении от занимаемых кафедр: митр[ополи-та] Иосифа Одесского, еп[ископа] Дмитрия Гдовского, еп[ископа] Сергия Нарвского, арх[иепископа] Серафима Угличского, Варлаама вр[еменного] Любимского, еп[ископов] Евгения Ростовского, Иерофея Никольского, Алексия (Буй) Воронежской епархии и о запрещении в священнослужении. Не будем здесь спорить, законно или незаконно это постановление, своевременно или нет, это сейчас не важно, самое главное — все эти архипастыри (и, конечно, прилежавшие к ним пастыри) должны на этот раз подчиниться и объявить всем верующим, что, как запрещенные, они не дерзают служить. Они могут апеллировать, требовать суда епископов — таковой и будет согласно постановлению Синода, но до суда или до своего раскаяния в нарушении церковного послушания — служить они ни в коем случае не должны. Технически представляется это в следующем виде. Синодское постановление в четверг 16/29 будет подписано членами Синода, затем оно будет разослано по адресатам — в Ярославль, Ленинград, Устюжну и т.д. Со дня получения под расписку этих синодских указов запрещение сие вступит в силу. До этого, очевидно, пройдет около недели. Матушка, на Вас также лежит обязанность их увещевать. Если их нельзя вразумить, убедить в их неправоте, то для Вас остается еще умолять их. Умоляйте слезно, умоляйте их не служить. Подумайте сами, какое потрясающее впечатление на верующих произвело бы сообщение еп. Дмитрия о закрытии храма. Вы скажете: какие наступают дни, и закрыть храм — никогда. Но так мог бы рассуждать только слепец, меня охватывает священный трепет, страх от одной только мысли, что было бы со мной, если бы я, будучи запрещенным, стал бы служить?

Как ни грустно и ни тяжело было бы знать Вам, но все же приходится убедиться, что постановление Синода — более соборное решение, нежели единичное распоряжение митр. Иосифа и т.д. Подумайте, какая скорбь охватывает меня. Я теряю в лице отпавших пастырей лучших своих друзей и молитвенников, вместе

с ними Вас, Ваших и моих духовных чад... Но как я могу теперь быть с Вами, раз ваши руководители ослушаются и станут продолжать служить. Подумайте о последствиях этого. Я знаю, что вы много можете сделать для умиротворения их, больше, чем даже вы чувствуете. Прострите к ним свою мольбу и мою мольбу, которую я Вам передаю, и приходите поскорее под сень Св. Александра Невского. Ваш искренний...»¹⁶⁴.

Однако это письмо не повлияло на позицию монахини Серафимы. Видимо предвидя это, епископ Мануил вскоре послал другое письмо сестрам лаврской общины: «Сочувствую всем вам, скорблю глубоко за м[онахиню] Серафиму. Не зная многого происходящего, она по-своему, конечно, права но... все же делатели раскола в торопливости своей излишней пошли по пути лукавствующей ревности о Господе. Многие из них лишились спокойствия духа, а это первый признак того, что они не во всем правы. Я и наших, отнюдь, не собираюсь всецело оправдывать или закрывать на все ими сотворенное глаза. Думаю, что м[онахиня] Иоанна благую часть избрала, что временно отойдет от всего этого, не разрывая молитвенного общения через посещения Лаврского богослужения с митр[ополиитами] Серафимом и Сергием — ради единства Церкви»¹⁶⁵.

28 апреля 1928 г., в день приезда епископа Мануила в Ленинград, среди встречавших его на Московском вокзале была монахиня Иоанна (Кундрюцкая). Прямо с вокзала Владыка поехал в Александрово-Невскую Лавру на могилу своей матери, скончавшейся, когда он был в лагере. На другой день, вновь посетив дорожную ему могилу на Никольском кладбище, епископ прошел в келью иеросхимонаха Серафима (Муравьева), где побеседовал с преподобным старцем, послушницей Варварой Враской и своими духовными детьми. Затем состоялась длительная, затянувшаяся за полночь дискуссия

¹⁶⁴ Иоанн (Снычев), митрополит. Митрополит Мануил (Лемешевский). С. 107.

¹⁶⁵ Иоанн (Снычев), митрополит. Митрополит Мануил (Лемешевский). С. 107–108.

Владыки с собравшимися в келье монахини Серафимы (Голубевой) руководителями иосифлян. Но каждая из спорящих сторон осталась на своих позициях.

По свидетельству послушницы Варвары, епископ Мануил так сказал ей о своих переживаниях: «Страшно все это и, главное, совсем не вовремя. Теперь как никогда надо бы нам всем сплотиться. Жаль мне их. Все это мои лучшие друзья. Но не могу я идти с ними против моей совести». 30 апреля вновь зайдя к старцу Серафиму, епископ благословил сестру Варвару и монахиню Иоанну посещать «сергиевские» церкви и причащаться в Лавре, а на поступки, в которых они сами не могли разобраться, спрашивать благословения у отца Серафима. На вопрос сестры Варвары: «Владыка, Вы отдаете нас под руководство отца Серафима?» епископ Мануил ответил: «Не совсем. Можете писать мне. Спрашивайте батюшку Серафима. С полным послушанием в наше время очень трудно, хотя оно и полезно и нужно в духовной жизни»¹⁶⁶. В тот же день вечером в бывших митрополичьих покоях Лавры состоялась встреча епископа Мануила с иосифлянами, на которую пришли около 200 человек. Беседа продолжалась более двух часов, но спорящие стороны так и не пришли к согласию.

Несмотря на то, что Владыка Мануил вывел двух сестер из-под руководства монахини Серафимы (Голубевой), она все же сохранила определенное влияние на них. В частности, как уже упоминалось, в первой половине 1930 г. матушка Серафима постригла в рясофор Варвару Враскую-Котляревскую. В том же году начались репрессии. Первой из сестер общины еще 4 февраля 1930 г., была арестована послушница Елена Домнышева. Она прислуживала в соборе Воскресения Христова (Спас на Крови) и с 1928 г. состояла членом приходского совета лаврской церкви Тихвинской иконы Божией Матери. Арестованная по делу архиепископа Гдовского Димитрия (Любимова) и других иосифлян и обвиненная

¹⁶⁶ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 63–65.

в контрреволюционной деятельности, сестра Елена была приговорена 5 августа 1930 г. к 5 годам лагерей, а 19 сентября отправлена в страшный Соловецкий лагерь особого назначения.

22 августа 1930 г. агенты ОГПУ провели обыск в комнате общины и арестовали трех сестер, у которых нашли мелкую серебряную разменную монету. Ее хранение якобы «подрывало систему денежного обращения в СССР». Монахини продавали свечи в соборе Воскресения Христова и небольшую часть вырученных денег хранили для приобретения продуктов и промышленных товаров. Арестованы были инокиня Анастасия Кузнецова, послушница Екатерина Суворова и монахиня Серафима (Голубева), у которых нашли соответственно 391, 28 и 10 рублей серебром. Мать Серафима как раз перед арестом возвратилась из поездки к отбывавшему ссылку в Моденском монастыре г. Устюжна Череповецкого округа (ныне Вологодской области) митрополиту Иосифу (Петровых), благословившему ее на пострижение в схиму.

Основной причиной ареста было участие сестер в иосифлянском движении. Но об этом из трех задержанных допрашивали только монахиню Серафиму. 25 августа 1930 г., согласно протоколу допроса, она бесстрашно заявила следователю: «К иосифлянскому течению я примкнула вполне сознательно с момента выпуска митрополитом Сергием декларации, которая на наш взгляд является антихристианская, предающая церковь в руки безбожников. Мы, иосифляне, никак не можем согласиться с тем пунктом декларации, где говорится, что радости советской власти — наши радости. Когда советская власть закрывает церкви, невинно наказывает духовенство — это радости только советской власти, а для нас это горести, как же мы можем радоваться, когда нас всюду притесняют.

К Иосифу в Устюжну я ездила один раз. С поручением от духовенства относительно епископа Сергия, о котором были возведены обвинения, что он вступил в сношения с ГПУ, ездила не я, а наш председатель церковной двадцатки Березовская. В письме были изложены доводы в защиту Сергия Дружинина, а затем в этом же письме были рапорты о награждениях духовенства. В ответ

на письмо Иосиф высказался в защиту Сергия Дружинина. Березовская с этим письмом ездила в начале июля этого года. Я же ездила к Иосифу за тем, чтоб попросить благословения на пострижение в схиму. Иосиф меня благословил, но пострижение я не успела принять, так как была арестована»¹⁶⁷.

30 августа было подписано постановление о привлечении монахини Серафимы в качестве обвиняемой, так как она якобы «достаточно изобличается в том, что занималась скоплением и сохранением мелкой разменной монеты серебром». При этом были полностью проигнорированы показания матушки, что найденная у нее небольшая сумма (всего 10 рублей) предназначалась на личные нужды — покупку «дефицитных продуктов», ведь монахине приходилось заботиться и о проживавшем с ней душевнобольном сыне Сергее.

В принятом 7 декабря обвинительном заключении «преступления» матушки уже были сформулированы в политической плоскости. Она обвинялась в том, что вела «антисоветскую деятельность, примыкая к иосифлянскому реакционному течению и, имея в подчинении 12 монахинь, систематически занималась задержанием серебряной советской монеты». Всех трех сестер Тройка Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе приговорила 11 декабря 1930 г. к 5 годам ссылки в Северный край с конфискацией серебряных монет. Они были высланы в с. Кубенск Вологодского округа¹⁶⁸.

Оставшиеся на свободе сестры вплоть до арестов 1932 г. переписывались с ними (и прежде всего с монахиней Серафимой), отправляли посылки с продуктами и вещами. Вместо арестованных сестер в общину пришли новые послушницы — в 1930 г. бывшая насельница Харьковского Успенского монастыря Елена Черкашина и ленинградская пенсионерка Анна Антонова, а в декабре 1931 г. приехала из Харькова Анастасия Тараканова. Кроме того, еще

¹⁶⁷ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-46764, л. 14–15.

¹⁶⁸ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-46764, л. 17–23.

в 1929 г. была принята монахиня Анатолия (Семенова) из Знаменского Серафимовского монастыря Харьковской губернии, высланная с Украины. Она служила в канцелярии архиепископа Димитрия (Любимова) и продавала свечи в соборе Воскресения Христова. Но большинство сестер по-прежнему составляли бывшие насельники Иоанновского монастыря — монахини Глафира (Балмасова), Саломия (Загорельская), Евфросиния (Круглякова), Евтропия (Петрова) и другие. Многие из них, чтобы добыть средства на пропитание и оплату жилья, работали домработницами, уборщицами в артели «Коопшвей» и т.д.

Окормлял сестер общины архимандрит Александро-Невской Лавры Алексей (в миру Терешихин Алексей Федорович). В ноябре 1928 г. этот старейший и наиболее авторитетный в обители архимандрит присоединился к сторонникам митрополита Иосифа, и архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов) назначил его иосифлянским наместником Лавры. По некоторым, не подтвержденным документально данным, о. Алексей в 1930 г. был тайно хиротонисан (возможно епископами Сергием (Дружининым) и Василием (Докторовым)) во епископа Кронштадтского. Впрочем, на допросе после ареста 28 августа 1930 г. сам архимандрит свое возможное архиерейство не подтвердил: «В епископа я еще не посвящен, но разговоры о моем епископстве идут уже года два». Отец Алексей служил в Тихвинском и Николо-Феодоровском храмах обители и состоял членом их приходских советов (в 1928–1930 гг.)¹⁶⁹.

Иосифлянский наместник Лавры был арестован 22 августа 1930 г. вместе с проживавшим с ним в одной келии иеромонахом Тихоном (Зориным). Как и сестер лаврской общины их обвинили в «умышленном» укрывательстве мелкой серебряной монеты. Дело монахинь выделили в отдельное производство, а отцов Алексея и Тихона включили в другое коллективное дело, по которому про-

¹⁶⁹ ЦГА СПб, ф. 1000, оп. 48, д. 77, л. 5–6; АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-77246, л. 83 об.

ходили еще 13 человек, в основном мирян — членов иосифлянских приходских советов. В составленном 7 декабря 1930 г. обвинительном заключении говорилось, что в середине года в стране возникли «затруднения» с серебряной разменной монетой, и одной из причин было «злостное укрывательство ее» церковным активом, якобы стремившимся подорвать денежное обращение в СССР. На самом деле затруднения появились в результате массовой эмиссии бумажных денег и их девальвации, серебряные же монеты сохраняли свою устойчивость. Поэтому многие люди, в том числе верующие, копили их на приобретение вещей, продуктов и т.п. При обыске у архимандрита Алексея конфисковали 64 рубля серебром, а у иеромонаха Тихона — 48 рублей 60 копеек. Их обвинили также в распространении антисоветских листовок и слухов. На допросах насельники Лавры вели себя мужественно и свою вину отрицали.

Из 15 арестованных по делу «укрывателей серебра» 14 человек были осуждены. Постановлением Тройки Полномочного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе от 11 декабря 1930 г. архимандрит ввиду пожилого возраста был приговорен к высылке в Северный край на 3 года с конфискацией имущества и отправлен в д. Сысоиха Пустораменского сельсовета Харовского района Вологодского округа, а иеромонах Тихон — к трем годам заключения в концлагерь. Условия жизни о. Алексея в ссылке были тяжелыми, и 12 ноября 1932 г. он обратился в ГПУ с просьбой о досрочном освобождении, указывая, что «суровый климат и недостаток питания подорвали его здоровье», а в последнее время вообще перестали выдавать хлебный паек, без которого существовать невозможно. Однако архимандриту в ходатайстве отказали, и он отбыл полный срок¹⁷⁰.

Архимандрита Алексея в качестве духовника общины сестер сменил иосифлянский священник Сергей Иосифович Батышев, до закрытия в 1930 г. служивший настоятелем храма Алексея, человека Божия, при Ленинградском подворье Арзамасского

¹⁷⁰ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-77246, л. 140, 143.

Алексеевского монастыря в северной части города. С 1930 г. он служил тайно на квартирах и трижды в месяц приезжал к сестрам в Лавру. В их комнате о. Сергей совершал молебны, исповедовал, причащал. Монахини ходили также на службы в собор Воскресения Христова, храмы Александро-Невской Лавры, церковь Михаила Архангела (Малоколоменскую). Отца Сергея Батышева арестовали 8 октября 1931 г., его обвинили в антисоветской деятельности и «устройстве подпольных богослужений». Постановлением Коллегии ОГПУ от 20 марта 1932 г. о. Сергей был приговорен к 5 годам лагерей, а в 1937 г. его расстреляли¹⁷¹.

Все сестры лаврской общины были арестованы в так называемую «святую ночь» с 17 на 18 февраля 1932 г. по групповому монашескому делу. 22 марта 1932 г. Коллегия ОГПУ вынесла приговор. Освободили лишь одну сестру, остальных отправили на 3 года в ссылку в Среднюю Азию, а инокиню Варвару Враскую-Котляревскую и монахиню Сергию — на 3 года в лагерь¹⁷².

Всего из 18 сестер, проживавших в разное время в лаврской общине, в 1930–1932 гг. были осуждены и отправлены в лагерь и ссылку 15. Но на этом ее история не закончилась, через несколько лет община фактически возродилась. Конечно, после окончания срока заключения в лагере или ссылки бывшие сестры Иоанновского монастыря уже не могли вернуться не только в Александро-Невскую Лавру, но и вообще в Ленинград, не имея права селиться ближе 100 км к родному городу. Однако многие из них выбрали себе в качестве места жительства деревни вблизи Новгорода и там возобновили совместное ведение хозяйства и богослужения. Инициатором воссоздания общины стал архимандрит Алексей (Терехин). После отбытия трехлетней ссылки в Северном крае он попытался вернуться в Ленинград, но был выслан на 101-й километр и в конце 1933 г. приехал в Новгород, поселившись вскоре в д. Колмово Сырковского сельсовета Новгородского района. Затем о. Алексей на-

¹⁷¹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-51758, л. 2, 164.

¹⁷² АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-84994, т. 1, л. 41–42.

писал матушке Серафиме (Голубевой) и другим сестрам общины, приглашая их переехать к нему.

Первой к о. Алексею в начале 1934 г. приехала его племянница, послушница Екатерина Суворова, которую он постриг в мантию с именем Екатерина. Также в феврале 1934 г. в Новгород приехала инокиня Анастасия Кузнецова, вскоре принявшая постриг с именем Мария. Она поселилась в д. Новая Мельница Троицкого сельсовета в двух километрах от города. В июле 1934 г. в Новгороде на улице 1-го Мая, д. 70 поселилась монахиня Сергия (Васильева). Матушка Серафима до весны 1935 г. проживала на станции Званка Ленинградской области, а затем вместе со своим душевнобольным сыном переехала в д. Новая Мельница. С ноября 1935 г. вместе с о. Алексием в д. Колмово стала жить его родная сестра монахиня Серафима (в миру Матрена Федоровна Терехина). Ранее она была насельницей Псковского монастыря, в 1930 г. приговорена к 3 годам лагерей условно, а осенью 1935 г. выслана в административном порядке из пограничной зоны (к которой относился Псков) ввиду этой судимости.

Старица Серафима (Голубева) в свою очередь послала приглашения приехать в Новгородский район некоторым бывшим сестрам Иоанновского монастыря, и те откликнулись на призыв. Так, 20 мая 1936 г. вместе с матушкой и монахиней Марией в одном доме стала жить монахиня Феврония (Гринь), состоявшая ранее в лаврской общине. В 1930 г. она была приговорена к 3 годам ссылки, после отбытия которой странствовала по Льговскому району Курской области, читая по умершим. К моменту ее приезда в д. Новая Мельница уже жили и другие бывшие насельницы Иоанновского монастыря — монахини Алексия (Михалина Губаревич), Иоанна (Мария Губаревич), Юлия (Пелагея Лаврухина), Антония и др.

Возглавляла возрожденную общину по-прежнему матушка Серафима. Она приняла постриг в схиму и, вероятно, была возведена в сан игумении. В частности в августе 1957 г. при рассмотрении следственного дела матушки 1937 г. жительница д. Новая

Мельница М.М. Николаева показала на допросе, что Серафиму сестры назвали «матерью игуменьей», и «у игуменьи был сын Сергей, слабоумный человек, про которого говорили, что он раньше был летчиком и сошел с ума». Другая свидетельница Н.Я. Носкова также показала, что матушка являлась игуменьей и отметила: «Голубева была благообразная старушка, ее все соседи уважали и называли ее матушкой Серафимой. Могу только одно сказать, что она часто на дому молилась, и на моления к нам даже приезжали какие-то люди из Новгорода»¹⁷³.

Постригал матушку в схиму архимандрит (или возможно тайный епископ) Алексей. Он же мог возвести схимонахиню Серафиму в сан игуменьи. О. Алексей несколько раз в месяц тайно совершал богослужения в своем доме, а также в доме матушки Серафимы. Монахини зарабатывали себе на жизнь пошивом одежды и стежкой одеял на дому, иногда выходили на работу в местный колхоз, а сестра Екатерина (Суворова) также трудилась чернорабочей на черепичном заводе. Почти все члены общины имели паспорта, кроме монахини Февронии и архимандрита Алексея.

В конце лета 1937 г. работники Новгородского городского отдела НКВД приступили к массовой фабрикацией дел священнослужителей, и группа иосифлянских монахинь быстро привлекла их внимание. Первые допросы свидетелей начались уже 31 июля, а аресты сестер были проведены с 10 по 19 ноября 1937 г. При этом матушку Серафиму и о. Алексея арестовали 13 ноября, а монахиню Сергию (Васильеву) — 17 ноября. Всего в Новгородскую тюрьму по делу «антисоветской нелегальной секты иосифлян» были заключены 10 человек, кроме трех названных также монахини Феврония (Гринь), Мария (Кузнецова), Екатерина (Суворова), Серафима (Терешихина), две мирянки — Анна Степанова, Анна Михайлова и тайная монахиня Мiroпия (Мария Трояновская), уже отбывавшая ранее 3 года заключения в Свирском лагере.

¹⁷³ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области (АУФСБ НО), ф. арх. — след. дел, д. 1а/3720, л. 292–294.

Важным источником для фабрикаций дела стали показания свидетельницы Е. Щегловой, дочери священника, желавшей реабилитировать себя, так как у нее были арестованы муж, брат и отец. На допросе 21 ноября 1937 г. Щеглова показала, что она присутствовала на нелегальном собрании 8 ноября в доме монахини Серафимы (Голубевой), которая якобы говорила о том, «что мы — иосифляне, пойти с советской властью не можем, так как эта власть является властью антихриста — сатаны и ее признавать не должны, тот, кто признает и идет за советской властью, то они являются детьми антихриста. Враждебно высказывалась против советской власти за то, что якобы невинно страдают духовенство и монахи, церкви позакрыли, а хороших людей ссылают и мучают по тюрьмам». Другие же, в том числе о. Алексей будто бы говорили, что на предстоящих выборах в Верховный Совет СССР нужно голосовать за своих, а не за коммунистов: «Если пройдут коммунисты и будем мы за них голосовать, это равносильно тому, что завязать себе петлю на шею». По словам Щегловой монахини ставили себе целью не работать в учреждениях, так как этим они помогали бы советской власти, а ходить по рынкам, очередям и высказывать недовольство нехваткой продуктов, керосина и т.п.; жительница же Новгорода, бывшая дворянка А.В. Михайлова, которая в феврале 1937 г. познакомилась с Щегловой с матушкой Серафимой, якобы ездила в Ленинград и Москву на встречи с бывшими высланными священнослужителями, привозила от них духовную литературу и вовлекала в организацию новых членов¹⁷⁴.

В ходе обысков на квартирах арестованных никаких «вещественных доказательств» найдено не было, и тогда следовательно стали «выбивать» признания из допрашиваемых, а если это не удавалось — подделывать протоколы допросов. Архимандрит Алексей допрашивался дважды — 18 и 19 ноября, и на втором допросе признался в том, что на «собраниях» монахинь выражал

¹⁷⁴ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области (АУФСБ НО), ф. арх. — след. дел, д. 1а/3720, л. 36–38.

недовольство закрытием церквей, гонениями на духовенство и монашество, «восхвалял» жизнь до революции, но категорически отверг обвинения в том, что он говорил о непризнании советской власти и называл ее антихристовой. Монахиня Сергия также частично признала вину, отрицая агитацию против колхозов и голосования за кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР.

Монахиня Феврония показала, что схиигумения «вовлекала» в их общину «новых членов»: «Особое внимание Серафима Голубева обращала на женщин, которых наставляла на путь истинный: почитать иконы и религиозные праздники, сохранить веру отцов наших». Сама же матушка Серафима на первом допросе 13 ноября лишь сказала, что приехала с сыном-инвалидом в Новгород, так как «жизнь здесь гораздо дешевле, чем там, где я жила до приезда сюда». Согласно же протоколу второго допроса от 14 ноября она признала все обвинения в антисоветской деятельности. Однако подпись матушки на нем совершенно не похожа на предыдущую. Если ранее она была сделана четким беглым почерком, то второй допрос коряво подписан дрожащей рукой. Таким образом, видно, что вместо матушки подписался другой человек, или же она была замучена физическими пытками до такой степени, что даже приблизительно не могла повторить свою вчерашнюю подпись¹⁷⁵.

Полностью отвергли обвинения монахиня Миропия (Трояновская) и А.В. Михайлова, не помогла и очная ставка последней с Щегловой. Но уже 27 ноября 1937 г. было составлено обвинительное заключение со стандартными обвинениями всем арестованным: «Голубева Серафима Владимировна является руководительницей антисоветской нелегальной секты иосифлян, созданной ею совместно с архимандритом Терешихиным в г. Новгороде и в районе. Систематически в своей квартире и квартире

¹⁷⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области (АУФСБ НО), ф. арх. — след. дел, д. 1а/3720, л. 52–64, 92, 103.

Терешихина устраивала антисоветские сборища членов секты, где обсуждались контрреволюционные вопросы о непризнании советской власти и ожидали ее свержения, проведении агитации и против коммунистов, выставленных кандидатами в Верховный Совет, распространении клеветнических измышлений и обвиняли совправительство в гонении на религию и духовенство». 10 декабря 1937 г. Тройка Управления НКВД по Ленинградской области приговорила матушку Серафиму, отца Алексия и монахиню Серафиму (Терешихину) к высшей мере наказания, 15 декабря их расстреляли в Новгороде (место захоронения неизвестно), остальные семь осужденных были приговорены к 10 годам лагерей¹⁷⁶.

Сфабрикованность дела стала очевидной уже в 1939 г. 5 марта и 20 апреля муж А.В. Михайловой написал новому народному комиссару внутренних дел Л.П. Берии, что за два месяца до ареста его жены следователь НКВД Н. Лимов предложил ей доставлять сведения о «малоизвестных лицах», и так как она не выполнила задание, арестовал ее. 16 апреля 1939 г. подобное заявление наркому написала из лагеря и сама Анна Васильевна: «Голубева жила вместе со своим психически больным сыном-пенсионером и рассказывала мне, что, перенеся много горя со смертью взрослой дочери и мужа, приняла монашество. По упразднении монастыря она жила с сыном, а в Новгороде еще и с двумя старушками. По поручению следователя я должна была выяснить, кто их объединяет и вообще все об их жизни. Голубева в разговоре со мной всегда была сдержана, и ничего конкретного сказать следователю я не могла. После этого разговора через два месяца я была арестована, и на допросе помощник Лимова Сергеев старался меня уверить, что я одних убеждений с Голубевой, посещала их молитвенные собрания, чего никогда не было, и знаю какого-то их архимандрита, и вела по их указанию агитацию против выборов.

¹⁷⁶ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области (АУФСБ НО), ф. арх. — след. дел, д. 1а/3720, л. 127–130, 136–138.

Я все это отрицала, как могла». В декабре 1939 г. о своей невиновности написала в НКВД и М.А. Трояновская. Она указывала, что ее обвинили, главным образом, в поездке по заданию архимандрита Алексия в г. Старая Русса «на вербовку верующих», между тем она в этом городе вообще никогда не была¹⁷⁷.

По указанию из Москвы Новгородский городской отдел НКВД был вынужден в марте 1940 г. провести проверку дела, в ходе которой фактически все допрошенные свидетели заявили, что об антисоветской деятельности осужденных им ничего не известно. Характерными являются показания М.А. Богдановой: «На вопрос следователя об антисоветской агитации Степановой я следователю ответила отрицательно, заявив, что об этом мне ничего не известно, но мне подсунили готовый протокол допроса, и я его подписала, не читая... Прошу считать, что это выдумка следователя, который меня допрашивал». Позднее (в 1956 г.) уже сама, выжившая в лагере А.А. Степанова, так говорила в Управлении КГБ о протоколе допроса, на котором она якобы полностью признала свою вину: «Показаний, которые записаны 21 ноября 1937 года следователем Никифоровым я совершенно не давала и более того, такие показания он мне не зачитывал... Протокол допроса в 1937 г. в период следствия я подписывала, но в моих показаниях в то время подобного смысла совершенно не было»¹⁷⁸.

1 апреля 1940 г. Новгородский отдел НКВД признал в заключении по итогам проверки, что в отношении Михайловой и Степановой «какой-либо антисоветской деятельности не установлено», и их необходимо освободить, а пять других отбывавших срок в лагере — «бывшие монашки эти обряды сохранили по день ареста. Указанные лица собирались в своих квартирах и устраивали молебствия». Поэтому для них предлагалось заменить заключение в лагере административной ссылкой. Однако постановлением Управления НКВД

¹⁷⁷ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области (АУФСБ НО), ф. арх. — след. дел, д. 1а/3720, л. 143–164.

¹⁷⁸ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области (АУФСБ НО), ф. арх. — след. дел, д. 1а/3720, л. 171–172.

по Ленинградской области от 10 июля 1940 г. приговор был признан правильным и пересмотру не подвергался¹⁷⁹.

Многoletний срок лагерей пережили лишь А. Степанова и мать Сергия (Васильева). Эта монахиня отбывала срок в Каргопольском лагере Архангельской области и была по инвалидности освобождена в 1943 г. Она поселилась в г. Муроме Владимирской области и в 1949–1951 гг. вновь несколько раз привлекала внимание карательных органов, повторно арестовывавших в то время прежде осужденных людей. Лишь 24 апреля 1951 г. угроза ареста монахини Сергии миновала, в этот день Управление МГБ Владимирской области составило заключение по заведенному на нее следственному делу: «...учитывая недостаточность материалов, изобличающих Васильеву в проведении враждебной работы, преклонный возраст (65 лет) и болезненное состояние (миокардиосклероз, гипертония) меру репрессий в отношении Васильевой не применять». К концу 1950-х гг. монахиня Сергия скончалась. Все осужденные по делу общины бывших сестер Иоанновского монастыря, в том числе и схиигумения Серафима (Голубева), были реабилитированы еще 26 марта 1958 г.¹⁸⁰

¹⁷⁹ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области (АУФСБ НО), ф. арх. — след. дел, д. 1а/3720, л. 173–221, 239.

¹⁸⁰ Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области (АУФСБ НО), ф. арх. — след. дел, д. 1а/3720, л. 218–233, 302; См. также: Петров Г.М. Крест под молотом. Новгород, 2000.

Глава V

Монахиня Евпраксия (Кононова)

После учреждения Вауловского Успенского скита (определением Святейшего Синода от 12 сентября 1903 г.) его заведующей была назначена тетя настоятельницы Иоанновского монастыря игумении Ангелины — монахиня Евпраксия (в миру Евдокия Кононовна Кононова). Она родилась в 1853 г. в семье крестьянина Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии, где и закончила церковно-приходскую школу. Замуж Евдокия Кононовна не вышла, а 30 марта 1875 г. поступила насельницей в старинный Староладожский Успенский женский монастырь, расположенный в селе Старая Ладога ее родного Новоладожского уезда. Через 24 года — 10 мая 1899 г. по увольнению из крестьянского общества она была зачислена послушницей этого монастыря. Став преданной духовной дочерью отца Иоанна Кронштадтского, Евдокия Кононовна 10 ноября 1901 г. перешла в число послушниц Петербургского подворья Сурского Иоанно-Богословского монастыря.

20 марта 1903 г. по указу Санкт-Петербургской Духовной Консистории она была пострижена в мантию с именем Евпраксия в храме Иоанновского монастыря архимандритом Александро-Невской Лавры Корнилием. Монахиню на должность заведующей Вауловским скитом отец Иоанн начал подбирать сразу после принятия решения о его создании, накануне первой поездки туда. Его духовная дочь Е.В. Духонина после встречи с пастырем 18 июня в Москве записала в дневнике, что «он хвалил имение Ваулово, пожалованное ему Мордвиновым, и очень жалел, что нет у него такой хорошей монахини, которая бы с толком и пользой могла управлять им»¹⁸¹.

Но вскоре такая монахиня нашлась. В начале осени 1903 г. отец Иоанн с игуменией Ангелиной перевели из петербургской обители в Ваулово для начала общежития несколько опытных инокинь. В «Послужном списке сестер Вауловского Успенского женского скита за 1917 год» в числе поступивших сразу после его основания в 1903 г. первых насельниц значатся четыре монахини: Евпраксия,

¹⁸¹ Духонина Е.В. Указ. соч.

Магдалина, Макария, Аркадия и две послушницы: Мария Григорьевна Панкратьева и Мария Степановна Емельянова¹⁸².

С сентября 1903 г. монахиня Евпраксия успешно заведовала Вауловским скитом вплоть до его ликвидации органами советской власти в 1919 г. В благодарность за труды отец Иоанн летом 1905 г. подарил ей свой фотографический портрет с надписью: «Монахине Евпраксии Вауловской в благословение. Прот. Иоанн Сергиев»¹⁸³. Определением Святейшего Синода от 6 мая 1911 г. по представлению Ярославского епархиального начальства матушка Евпраксия была награждена золотым наперсным крестом «за восьмилетнюю отлично-усердную службу в сане иноческом и за особые труды по должности заведующей Вауловским Успенским скитом»¹⁸⁴.

Отец Иоанн очень любил приезжать в скит и почти каждое лето жил в нем несколько недель, вкладывая всю свою душу в дело благоустройства этой дочерней обители. В скиту все сестры во главе с монахиней Евпраксией старались не беспокоить его и создать благоприятную для отдыха атмосферу покоя. Ослабленному неустанными трудами и болезнями, утомленному столичной суетой батюшке нужны были покой и отдых, хоть на какое-то время. Поэтому он писал домой в Кронштадт: «Я начинаю чувствовать себя лучше с каждым днем. И действительно, местность здесь так хороша, что для восстановления физических сил не нужны никакие другие дачи или заграничные курорты. Здесь я огражден от всяких беспокойств»¹⁸⁵. В другом письме жене в Кронштадт пастырь отмечал: «Монахини все за послушанием; поют стройно и умирительно. Есть монастырский скот; куры, козел и коза, ло-

¹⁸² Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 30.

¹⁸³ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 32.

¹⁸⁴ ЦГИА СПб, ф. 19, оп. 113, д. 4213, л. 4–5.

¹⁸⁵ Орнатская Т.И. «Я в Ваулове, прекрасном, как рай Божий». Отец Иоанн Кронштадтский в Ваулове // Святой праведный Иоанн Кронштадтский и Вауловский Успенский женский скит: Материалы Четвертых Свято-Иоанновских чтений на Романово-Борисоглебской земле, посвященных 100-летию Свято-Успенского Вауловского скита [8 июля 2003 г.]. Романово-Борисоглебск (Тутаев), 2004. С. 57.

шадки. Гуляю вдоволь каждый день, езжу в экипажах подышать ароматным воздухом. Сообщение скита со столицей очень удобное...»¹⁸⁶.

Для отца Иоанна специально был построен отдельный деревянный двухэтажный домик. В саду за домом поставили беседку, где в хорошую погоду он любил проводить время за чтением, в размышлениях и беседах. С июля 1906 г. он всегда останавливался в своем домике, здесь же принимал своих многочисленных гостей и лишь иногда уезжал на несколько дней.

Сохранились воспоминания Н.С. Еремеева о пребывании пастыря в Вауловском скиту и его постоянном общении там с матушкой Евпраксией: «Домик, в котором останавливается о. Иоанн Кронштадтский на время пребывания своего в монастыре, деревянный, двухэтажный, скромной, но изящной архитектуры. За ним, в саду, расположена беседка, где в хорошую погоду отец Иоанн проводит время в размышлении, за чтением священных книг или в беседе с настоятельницей монастыря¹⁸⁷ монахиней Евпраксией и игуменией, матерью Ангелиной... Далекий от суетной жизни скит, окруженный широким простором полей и густым дремучим бором, невольно заставляет человека забыть свое горе. Ароматный, душистый воздух, веселое щебетанье птичек, жужжание пчел воскрешает в усталом, измученном паломнике счастливые годы детства...

В этом-то благодатном уголке и поселился на лето отец Иоанн Кронштадтский. Жизнь высокочтимого пастыря проходит во всей строгости монастырского устава. Встает отец Иоанн с восходом солнца, присутствует на всех богослужениях и почти ежедневно причащает богомольцев. В праздники масленицы

¹⁸⁶ Орнатская Т.И. «Я в Ваулове, прекрасном, как рай Божий». Отец Иоанн Кронштадтский в Ваулове // Святой праведный Иоанн Кронштадтский и Вауловский Успенский женский скит: Материалы Четвертых Свято-Иоанновских чтений на Романово-Борисоглебской земле, посвященных 100-летию Свято-Успенского Вауловского скита [8 июля 2003 г.]. Романово-Борисоглебск (Тутаев), 2004. С. 56.

¹⁸⁷ Правильно — заведующей скитом.

старец произносит поучения; после богослужений раздает просящим милостыню, благословляет паломников, напутствуя их словами молитвы и утешения.

Все свободное время о. Иоанн проводит за чтением Св. Писания и святоотеческих творений... После обеда, который состоит из жиденькой кашицы, о. Иоанн совершает на монастырских лошадях, в спокойной, простенькой коляске прогулки по лесам и лугам. Излюбленным уголком таких прогулок маститого старца-пастыря служит расположенная в лесной глуши, в полуверсте от скита, беседка, названная отцом Иоанном «Мое уединение»¹⁸⁸.

К весне 1908 г. отец Иоанн совсем ослаб и уже не выезжал из Кронштадта в Санкт-Петербург. Однако в апрельском письме к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря игумении Таисии он написал: «Если даст Бог мне лето благоприятно, на родину думаю не ехать, а пожить в Ваулове сначала, а потом у тебя в Леушине»¹⁸⁹. Батюшка поехал в Ваулово вместе с игуменией Ангелиной.

24 мая он уже был в Успенском скиту. 17 июня отец Иоанн выехал из Ваулово в Леушино, где пробыл десять дней, потом посетил Казань, Елабугу и Устюжну, а 14 июля снова возвратился в Ваулово. Пребывая в Успенском скиту, он записал в своем дневнике: «Чтобы наследовать Небо и Вечную жизнь и сподобиться вечного сообщества святых Ангелов и святых человеков, нужно здесь, на земле, предочистить себя, возненавидеть грех и возлюбить правду и таким образом уподобиться Богу и святым Его... Святые всю жизнь готовились и очищали себя от всякой скверны плоти и духа; особенно надо научиться смирению, ибо начало греха — гордость». Как бы заключительным аккордом его жизни явилась следующая запись, тоже сделанная в скиту: «Я должен буду вскоре оставить землю — прочь пристрастие нелепое, мертвящее

¹⁸⁸ Еремеев Н.С. У о. Иоанна Кронштадтского // *Архангельские губернские ведомости*. 1908. № 143. С. 2-3.

¹⁸⁹ См.: *Письма о. протоиерея Иоанна к настоятельнице Иоанно-Предтеченского Леушинского первоклассного монастыря игумении Таисии*.

ко всему земному; да возлюблю единое на потребу, да возлюблю Господа, мое Сокровище жизненное, неистощимое»¹⁹⁰.

В своих письмах Кронштадтский пастырь неоднократно восторгался Вауловским именем. В частности, в письме игумении Таисии от 27 мая 1908 г. он писал, упоминая монахиню Евпраксию: «Я прибыл в Ваулово всего за трое суток. Переезд для меня был мучителен: холодно было, как зимой... Но как ни как, а я в Ваулове, прекрасном, как рай Божий. Вся растительность в полной красе и благоухании. Я служу ежедневно, говорю слово Божие, питающее и утверждающее души верные, причащаю сестер и народ. После обедни катаюсь с Евпраксией по лугам монастырским. Здоровье мое одинаково, болезнь по временам мучит меня. Впрочем, Господь посылает по силам искушение, так чтобы можно было перенести.»

Тема восхищения Вауловым постоянно присутствует в переписке пастыря во время последнего посещения отцом Иоанном скита в 1908 г. Так, 31 мая этого года он писал своей супруге в Ораниенбаум: «Дорогое мое подружие, Елисавета Константиновна с племянницей... и прочими, которые с тобою обитают!.. Я же, Божиею милостию, живу на чудной поляне Вауловской и каждый день под сению св[ятого] храма в честь Успения Б[ожией] Матери служу Литургию, причащаю сестер и народ и благодарю Господа за неисчерпаемое милосердие. Здоровье мое стало лучше на свежем воздухе, при всяких благоприятных обстоятельствах»¹⁹¹.

В телеграмме пастыря жене от 2 июня говорилось: «Дорогая Лиза, не скучай, проси Анастасию Ивановну занимать тебя полезным чтением и рассказами. Здоровье мое становится хорошо, лучше этого не найти. От всех сожителей сомолитвенный поклон» (отец Иоанн имел ввиду пребывавших в то время в Ваулово игумению Ангелину, заведующую скитом монахиню Евпраксию, священника

¹⁹⁰ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 71.

¹⁹¹ Государственный музей истории религии (ГМИР), ф. 38, оп. 1, д. 10, л. 31, 31 об.

Михаила Сретенского, свою племянницу А.С. Орнатскую и духовную дочь «генеральшу» Е.В. Духонину)¹⁹².

В тот же день — 2 июня отец Иоанн написал А.И. Поваляевой: «Анастасия Ивановна, получил я сегодня телеграмму от тебя и от жены вместе и сейчас же ответил на нее в том смысле, чтобы она была терпелива и не скучала, а ты бы занимала ее чтением и рассказами. Я начинаю чувствовать себя лучше с каждым днем... Дай мне здесь побыть на покое... Коли же, чего не дай Бог, тебе стало бы хуже, — я постарался бы прибыть к тебе; но теперь, в самом начале моего летнего сезона, мне нежелательно оставить свой земной рай»¹⁹³.

Наконец в письме Е.К. Сергиевой от 4 июня 1908 г. пастырь сообщал: «Любезная жена Елисавета Константиновна!.. В Ваулове прекрасно, — выше всякого описания, хотя здоровье мое не могу сказать, чтоб улучшилось. Я крайне слаб. Appetit плохой. Но причащаюсь ежедневно, с духовным наслаждением. Благодарю Господа... Пиши о переменах в твоём здоровье. Кланяется тебе Игумения [Ангелина] и помощница ее, Евпраксия»¹⁹⁴.

В скит, к отцу Иоанну Кронштадтскому 16 июля 1908 г. приезжал настоятель Антиохийского подворья в Москве архимандрит Игнатий (в миру Илия Аббуррус). В этот день пастырь записал в дневнике: «Архимандрит Игнатий наместник Патриарха Антиохийского, приехал тоже в Ваулово для служения. Спаси его Господи и Святейшего Патриарха Григория»¹⁹⁵.

Спустя несколько дней отец Иоанн встретился в Ваулово с архиепископом Ярославским Тихоном (Беллавиным), будущим Святейшим Патриархом Московским и всея России. В дневнике батюшки за 1908 г. отмечалось: «Сегодня, 28 июля, в понедельник,

¹⁹² Государственный музей истории религии (ГМИР), ф. 38, оп. 1, д. 10, л. 23–23об.

¹⁹³ Государственный музей истории религии (ГМИР), ф. 38, оп. 1, д. 10, л. 24–24об.

¹⁹⁴ Государственный музей истории религии (ГМИР), ф. 38, оп. 1, д. 9, л. 16–16об., д. 10, л. 39.

¹⁹⁵ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. М. — СПб., 2003. С. 29.

пожаловал в Вауловский Успенский скит Высокопреосвященный архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон, стоял и молился всю обедню, пил чай, закусывал, осматривал скит (11 часов до полудня), в час пополудни изволил обедать и в два часа уехал...»¹⁹⁶.

Одна из насельниц Иоанновского монастыря, монахиня Арсения (Савельева), некоторое время бывшая на клиросном послушании в Ваулово, рассказывала об этой встрече так: «Однажды приехал к нам архиерей Ярославский Тихон, и дорогой батюшка ему при мне сказал (я стояла здесь же в столовой) вот что. Когда им были поданы два кресла, они сели, а потом батюшка вдруг встает и говорит: “Владыка, пересядьте на другое кресло. Ваше место — патриаршее”. Это ему батюшка предсказал вперед за семнадцать лет»¹⁹⁷. После кончины отца Иоанна архиепископ Тихон приезжал в Ваулово для совершения поминальной службы.

К лету того же 1908 г. относятся и свидетельства о пребывании в скиту будущего мученика архиепископа Арсения (Жадановского). В своих воспоминаниях Владыка писал: «Здесь мне отвели место в гостинице, но я в ней только ночевал, а остальное время проводил в домике у Батюшки. Молитвенно благодарю настоятельницу Петроградского Иоанновского монастыря и вышеуказанного скита игумению Ангелину, оказавшую мне большое содействие в сближении с отцом Иоанном. В Ваулове батюшка ежедневно служил, говорил поучения и причащал народ, во множестве наполнявший храм... По милости Божией в совершении великим пастырем Литургии каждый раз принимал участие и я... Время, проведенное мной у отца Иоанна в Ваулове, считаю дорогим, счастливым, исключительным в своей жизни. Здесь пришлось видеть великого пастыря в домашнем быту, изучить его характер и настроение. Прежде всего, он отличался гостеприимством: за его столом располагались все приезжие гости. Меня отец Иоанн усаживал около себя и усердно угощал...

¹⁹⁶ Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. М. — СПб., 2003. С. 37.

¹⁹⁷ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 52.

На прощание я просил батюшку благословить меня, что светильник Божий исполнил с любовью, истово оградив меня тем крестом, который был на моих персях, а затем подарил много своих вещей: подушку, одеяло, простыню, верхнюю рясу, смену белья, портрет с собственноручной надписью и последний выпуск своего дневника»¹⁹⁸.

Вауловские страницы дневника отца Иоанна заканчиваются записью от 5 августа 1908 г.: «Утро. Сегодня Божией милостью уезжаю из Вауловского Успенского скита в С.-Петербург, в Ивановский монастырь. Благослови, Господи, путь наш. Благодарю Тебя за дар здоровья»¹⁹⁹. Этот дар здоровья и позволил отцу Иоанну продолжать вплоть до отъезда ежедневные служения литургии, причем среди сослуживших ему гостей, кроме архиепископа Тихона, епископа Арсения, архимандрита Игнатия, были протоиерей Романов-Борисоглебского собора Леонид Сретенский, священник Петр Зефилов (будущий священномученик) из соседней Николо-Эдомской церкви и многие другие священнослужители.

Кронштадтский пастырь неоднократно совершал в Успенском скиту различные чудотворения. Уже рассказывалось о его исцелении попавшей под коляску с лошадьми игумении Ангелины. Вауловские жители рассказывали также, что здесь отец Иоанн исцелил отрока Владимира Градусова и предсказал ему, что тот станет большим человеком. Это предсказание сбылось — в дальнейшем он стал архиепископом Ярославским и Ростовским. Именно ему было решено после кончины бывшего вауловского священника Михаила Сретенского передать дароносицу, подаренную последнему Кронштадтским пастырем.

По воспоминаниям монахини Арсени (Савельевой) отец Иоанн «как-то сказал заведующей Евпраксии: “Готовьте чай, ставьте большой самовар, сейчас едут ко мне знаменитые гости — разложите приборы на пятнадцать человек, да сахару побольше и булок”.

¹⁹⁸ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 52, 57.

¹⁹⁹ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 57.

Только все приготовили, вдруг подходят к калитке пятнадцать нищих и оборванцев. Их Батюшка угостил и дал каждому денег. Они поблагодарили и ушли, а пришли-то они издалека, за десять верст». Также сохранились воспоминания монахини Арсени о том, что отец Иоанн после совершения литургии исцелял многих бесноватых²⁰⁰.

В последнее лето своей жизни отец Иоанн отслужил в Вауловском скиту 40 Божественных литургий и ежедневно поучал верующих, которых собиралось великое множество. По воспоминаниям из Ярославля даже приезжала конная полиция во избежание беспорядков. Народ очень любил святого пастыря, так, например, крестьяне села Борисоглебского Романовского уезда собирали мед для дорогого пастыря. В память о совершении летом 1908 г. сорока литургий отец Иоанн благословил посадить сорок липовых веточек. Они были посажены летом слишком поздно, когда ни один саженец не приживается, но по молитвам и благословению Кронштадтского пастыря все веточки принялись. И до сих пор прекрасная липовая аллея представляет собой память о дорогом батюшке²⁰¹.

Верной помощницей отца Иоанна во всех его трудах в Успенском скиту была монахиня Евпраксия (Кононова). В сохранившейся последней части дневника пастыря (24 мая — 11 ноября 1908 г.) она упоминается трижды. Первый раз — 26 мая: «За скорую Твою милость, Господи, благодарю, я разгневался на Евпраксию, заведующую Вауловым, смутился, уязвился, покаялся и получил от Господа прощение и мир»; затем — 3 июня: «Вторник по Святом Духе. Аминь. Помяни, Господи, рабу Твою Евпраксию во Царствии Твоем»; и, наконец, — 25 июля: «Имениница заведующая Евпраксия, монахиня. Память святых жен Олимпиады и Евпраксии»²⁰².

²⁰⁰ Николенько Л.В. История Свято-Успенского Вауловского скита // Святой праведный Иоанн Кронштадтский и Вауловский Успенский женский скит. С. 49.

²⁰¹ Николенько Л.В. История Свято-Успенского Вауловского скита // Святой праведный Иоанн Кронштадтский и Вауловский Успенский женский скит. С. 48–49.

²⁰² ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 71, л. 2, 16.

Со своей племянницей — игуменией Ангелиной, которая часто приезжала в скит, у матушки Евпраксии были очень теплые личные отношения. Сохранилась фотография игумении с дарственной надписью, обращенной к ней: «Благочестивой монахине Евпраксии СПб Иоанновского ж[енского] монастыря в молитвенную память от Игумении Ангелины. 1905 г. 28 января»²⁰³.

Благодаря трудам монахини Евпраксии, при помощи игумении Ангелины и настоятельницы Леушинского монастыря игумении Таисии, в течение нескольких лет в Ваулово были построены дома для размещения сестер и причта, монастырская больница, богадельня, гостиница для приема богомольцев. Активно развивалась хозяйственная деятельность: работали небольшой кирпичный завод, скотный двор, имелись пруды, в которых разводили рыбу, сады, огороды и пашни. Первоначально монахинь присылали из Санкт-Петербурга в скит на один год, а когда он был благоустроен, то и на большее время. В 1908 г. в Успенском скиту уже пребывало около 100 сестер. Заведующая скитом лично руководила активными строительными и хозяйственными работами.

По благословию отца Иоанна Кронштадтского в 1903 г. в Вауловский скит был назначен священник Михаил Сретенский, сын протоиерея Романово-Борисоглебского Воскресенского собора Леонида Сретенского. Отец Михаил стал инициатором устройства в Ваулово пасеки на 60 ульев (один из них был целиком стеклянный — специально для батюшки, любившего наблюдать за пчелами).

В дневнике за 1908 год отец Иоанн оставил несколько записей, относящихся к этому священнику: «Отцу иерею Михаилу Сретенскому желаю добра всякого, как себе. Да пользуется он даром Божию землею — невозбранно, да трудится над пчелами... Хозяин, после заведующей, здесь в скиту — отец Михаил Сретенский как священник-духовник и наставник... Он взял на себя много земли во владение — целую версту, насадив в нем тысячу деревьев, сде-

²⁰³ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 67.

лав огороды для всяких овощей и для пчельника большое место... Отец Михаил — священник хороший, простой, трезвый, благонравный, в службе исправный, предупредительный, но притом семейный»²⁰⁴.

Самому священнику Кронштадтский пастырь подарил дароносицу. В эти же годы (1904–1908) отец Иоанн крестил у Сретенских двух первых детей (всего в семье их было шестеро). Ухаживавшая в 1950-х гг. за престарелым отцом Михаилом Елизавета Николаевна Соловьева рассказала о событии, после которого священник совсем перестал пить вино: «Однажды гостившая в скиту матушка Ангелина пригласила его попить чайку. Сидят. Пьют чай — она рюмочку подала. Тут входит отец Иоанн Кронштадтский и спрашивает: “И часто у вас тут такое?” Матушка Ангелина только руками всплеснула, а отец Михаил сказал: “Разве когда матушка Ангелина угостит”. Отец Иоанн подошел к нему, похлопал по плечу и сказал: “В простых сердцах Господь витает”»²⁰⁵.

С монахиней Евпраксией у отца Михаила Сретенского были самые добрые отношения. Об этом, в частности, свидетельствует его фотография с дарственной надписью, обращенной к матушке: «Достоуважаемой матушке Евпраксии на добрую память. Священник Вауловского Успенского скита Михаил Сретенский. 1903 г. 28 ноября»²⁰⁶.

Незадолго до кончины отец Иоанн передал игумении Ангелине свои распоряжения по Успенскому скиту. В первую очередь, они касались того, чтобы осиротевшие сестры во главе с верной помощницей игумении монахиней Евпраксией строго придерживались порядка, существовавшего при отце Иоанне. Так и произошло, сестры скита и далее неукоснительно придерживались

²⁰⁴ «Медово-сахарный» батюшка. Жизнь и служение священника Вауловского скита протоиерея Михаила Сретенского // <https://ieris-m.livejournal.com/253170.html> (дата посещения 15 января 2019 г.).

²⁰⁵ «Медово-сахарный» батюшка. Жизнь и служение священника Вауловского скита протоиерея Михаила Сретенского // <https://ieris-m.livejournal.com/253170.html> (дата посещения 15 января 2019 г.).

²⁰⁶ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 67.

порядка, заведенного в Ваулово. В № 29 «Ярославских Епархиальных ведомостей» за 1910 г. в заметке о посещении скита епископом Рыбинским Сильвестром и совершении им 26 июня Божественной литургии в Успенском храме говорится: «За Литургией присутствовала настоятельница С.-Петербургского Иоанновского монастыря игумения Ангелина и все сестры обители. Любвеобильная попечительность настоятельницы об инокинях-сестрах во Христе — выказывается в том, что она нарочно прибыла из С.-Петербурга, чтобы вместе с сестрами поговорить в Петров пост и приступить к причащению Святых Христовых Тайн; здесь ясно видна верность заветам батюшки отца Иоанна... По окончании Литургии Преосвященный Сильвестр отслужил литию по отцу Иоанну в его комнате в дачном домике, которая никем не занимается и заботливо охраняется»²⁰⁷. Сохранилась фотография Владыки Сильвестра с дарственной надписью заведующей скитом: «Матушке Евпраксии в благодарность за прием. 26 июня 1910 г. в Вауловском скиту и на добрую память от Епископа Рыбинского Сильвестра. 1910 г. Июля 9»²⁰⁸.

Сразу после кончины великого праведника земли Русской и в дальнейшем в скит приезжали многочисленные священнослужители, чтобы помолиться в этом святом месте. В их числе был и будущий Патриарх Тихон. В № 11 «Ярославских Епархиальных ведомостей» за 1909 г. об этом говорилось так: «Января 28-го числа Высоко-преосвященный Тихон, архиепископ Ярославский и Ростовский, утром выбыл из Ярославля по Рыбинской железной дороге до полустанка 39-й версты и отсюда на лошадях, подаренных отцу Иоанну Государем Императором Александром III, отправился в Успенский женский скит и по прибытии совершил здесь заупокойную Божественную литургию в сороковой день кончины в Бозе почившего устроителя скита отца протоиерея Иоанна Ильича Сергиева Кронштадтского. Сослужащими с архипастырем

²⁰⁷ Ярославские Епархиальные ведомости. 1910. № 29.

²⁰⁸ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 67.

были: Романов-Борисоглебского собора протоиерей Леонид Сретенский, православный миссионер-катехизатор Северо-Американских Штатов иеромонах Серафим, церкви села Богословского на погосте священник Иоанн Любомудров, местный священник Михаил Сретенский и церкви села Никольского-на-Эдоме священник Петр Зефирин. По отпуске Литургии Высокопреосвященнейший архиепископ Тихон прочел Высочайший рескрипт о кончине отца протоиерея Иоанна Сергиева и произнес речь о непрестанном молитвенном воспоминании усопшего благодетеля и богомольца и затем совершил панихиду по нем. В дачном доме, где летом проживал покойный протоиерей, Владыка совершил заупокойную литию (в келейной мантии святителя Тихона, Задонского чудотворца, и в епитрахили отца Иоанна, хранящихся здесь). В 12-м часу ночи Владыка возвратился в Ярославль. В тот же день заупокойную литию и панихиду по отцу Иоанну служил Преосвященный Евсевий с городским и монастырским духовенством»²⁰⁹.

После кончины пастыря в скиту по-прежнему происходили исцеления. Так о. Михаил Сретенский был исцелен святым праведным отцом Иоанном Кронштадским в 1910 г. В частности, в одном из номеров «Ярославских Епархиальных ведомостей» за этот год отмечалось: «Священник Михаил Сретенский — избранник батюшки Иоанна, поставленный во священники в Вауловский Успенский скит благодаря ходатайству батюшки, пользовавшийся любовью и расположением его. После смерти отца Иоанна священнику Михаилу была сделана весьма серьезная операция уха — больной был захлороформирован, но, несмотря на это, все слышал, что говорили между собой во время операции доктора, слышал хрустение костей, но боли не чувствовал, а возле себя живо видел батюшку Иоанна присутствующим и наблюдающим за докторами-операторами до конца операции, которая совершилась весьма удачно. Перед совершением операции отец Михаил ездил в Санкт-Петербург ко гробу своего благодетеля, молился и испрашивал благословения

²⁰⁹ Ярославские Епархиальные ведомости. 1909. № 11.

батюшки на совершение этой операции, и накануне операции исповедовался и причастился Святых Таин при Александро-Невской больничной церкви»²¹⁰.

В начале 1917 г., накануне революции, в Успенском скиту пребывали 84 сестры, согласно сохранившемуся послужному списку — четыре монахини, заведующая матушка Евпраксия, и 79 послушниц. Их нужды обеспечивались достаточным содержанием, ежегодно поступавшим из Иоанновского монастыря. Кроме того, значительные суммы были от пожертвований за свечи, просфоры и кошелевского сбора. В 1917 г. наличные средства скита составляли 8269 рублей, на 1918 г. из них оставался 8051 рубль. В обители, как и при отце Иоанне, царил прежний порядок: все дорожки были посыпаны песком, благоухали цветы, выпекался вкусный ржаной хлеб²¹¹.

В июне 1917 г. монахиня Евпраксия была вызвана в Петроград для исполнения указа священномученика архиепископа Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) о сокрытии святынь столичных обителей в связи с военной угрозой в надежных местах. Ваулово показалось игумении Ангелине подходящим местом, и матушка Евпраксия вместе с делопроизводительницей Иоанновского монастыря инокиней Александрой Пантелеевой перевезла святыни и ценности обители в скит, где в дальнейшем они были зарыты в землю²¹².

В начале 1919 г. Успенский скит был закрыт. Из протокола заседания Артемьевского сельсовета от 28 января этого года известно, что в Ваулово в то время находился отряд из Тутаевского уезда, присланный для ликвидации скита. Настоятель вауловских храмов отец Михаил Сретенский был вынужден покинуть скит, так как обе церкви закрыли, и перейти служить в храм села Никольского на Плесне Романово-Борисоглебского уезда²¹³.

²¹⁰ Чудесное выздоровление // Ярославские Епархиальные ведомости. 1910. № 38.

²¹¹ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 62.

²¹² АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-14055.

²¹³ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 65.

В заявлении отца Михаила в Ярославский Епархиальный совет от 16 июня 1920 г. говорилось: «Ввиду ликвидации Вауловского жен[ского] скита и храмов, в нем находящихся, прошу Епархиальный совет дать зависящее распоряжение о принятии и вручении мне, как бывшему настоятелю упомянутых храмов, всего церковного инвентаря священного и освященного, хранящегося в каждой церкви в отдельности, а также и богослужебного круга книг». В тот же день последовала резолюция Епархиального совета о разрешении передачи церковного имущества, «но с тем, чтобы означенному церковному имуществу была составлена опись в трех экземплярах (один — для Ликвид[ационного] отдела, другой — для Епархиального совета и третий — для Никольской на Плесне церкви) и чтобы это имущество было передано под ответственность приходской общины означенного села, о чем дать знать указом священнику Сретенскому»²¹⁴.

Вместе с некоторыми другими сестрами скита монахиня Евпраксия в первой половине 1919 года переехала в Петроград и несколько лет спасалась в Иоанновском монастыре. С июля 1919 по осень 1922 гг., несмотря на престарелый возраст, она состояла членом приходского совета его церквей. Другая часть сестер осталась в Ваулово и в дальнейшем проживала в селе и в ближайших к нему деревнях — Луканском, Ефилове и т.д.

В числе сестер, уехавших в 1919 г. в Петроград, была келейница монахини Евпраксии (с 1907 г.) 30-летняя послушница Пелагея Ивановна Рюмина. До 1923 г. она числилась в списке насельниц Иоанновского монастыря и несла послушание истопницы. После закрытия монастыря Пелагея Рюмина вернулась в родное село Дмитровское Романово-Борисоглебского уезда, но в 1931 г. была арестована ОГПУ и отправлена на три года в ссылку. Отбыв срок ссылки в Средней Азии, Пелагея Ивановна вернулась в свое село, где и скончалась в 1959 г. После нее остался скитский альбом, заведенный монахиней Евпраксией в 1903 г., который сберегли родственники Рюминой.

²¹⁴ «Медово-сахарный» батюшка. Жизнь и служение священника Вауловского скита протоиерея Михаила Сретенского // <https://ieris-m.livejournal.com/253170.html> (дата посещения 15 января 2019 г.).

В настоящее время он хранится у внучатой племянницы Пелагеи Ивановны Г.М. Костровой. В этом альбоме находятся фотографии отца Иоанна Кронштадтского, игумении Ангелины, ее приемной дочери Надежды Столбовой, Пелагеи Рюминой, других сестер обители, самой монахини Евпраксии и фотографические портреты с дарственными надписями, обращенными к матушке в разные годы близкими к ней лицами²¹⁵.

В 1920-е гг. обе церкви Успенского скита были разорены. Семь икон, написанных на металле, передали фабрике г. Тутаева «Тульма» на утилизацию, но дирекция фабрики эти иконы временно задержала как «незаконно туда попавшие». 25 февраля 1927 г. по просьбе приходского совета Воскресенского собора г. Тутаева (бывшего Романово-Борисоглебска) все семь икон, как «не имеющие никакой ценности», были переданы в их храм. В числе этих икон находился и чтимый святым праведным отцом Иоанном Кронштадтским образ «Благодатное Небо», являющий собою непреходящую духовную ценность. Таким образом, он сохранился, и несколько десятилетий (до возвращения в возрожденный Свято-Успенский скит) пребывал в Воскресенском соборе. К началу 1930-х гг. были полностью разрушены обе церкви и разобрана каменная ограда скита. На основе вауловского хозяйства был организован животноводческий племенной совхоз № 20²¹⁶.

Бывшая заведующая скитом около 16 лет прожила в Петрограде (Ленинграде). После закрытия всех храмов Иоанновского монастыря — в ноябре 1923 г. монахиня Евпраксия вместе с игуменией Ангелиной, монахиней Иоанной (Лежоевой) и инокиней Натальей Репиной, сняв квартиру, поселилась по адресу: улица Полозова, д. 22, кв. 37 на Петроградской стороне. После кончины в 1927 г. своей племянницы матушка Евпраксия поддерживала тесные отношения с ее приемной дочерью Надеждой Михайловной Столбовой, которой раскрыла тайну ее рождения, показав метрику.

²¹⁵ Николенко Л.В. Указ. соч. С. 51–52.

²¹⁶ Вауловский Успенский женский скит. 1903–2003. С. 68–70.

Сохранились воспоминания о жизни матушки Евпраксии и монахини Иоанны (Лежоевой) в квартире на улице Полозова (д. 22, кв. 37) уже после смерти схиигумении Ангелины: «Они обе были лишенцы, т.е. им не давали хлеба (хлеб был по карточкам). Они питались за счет благодетелей. У матушки Евпраксии была большая вера в батюшку о. Иоанна Кронштадтского. Вот захочется ей чего-нибудь, она и молится ему: “Батюшка, дорогой (так она его звала), как хочется хлеба или булочки хочется”, а то скажет: “апельсинчика”, — и через некоторое время на окошке появлялось то, что она просила, — кто-нибудь да принесет. Всегда бывала услышана»²¹⁷.

Как уже говорилось, в январе 1927 г. закопанные в Вауловском скиту в землю ценности Иоанновского монастыря были найдены представителями губернских властей и конфискованы. В начале 1930 г. ОГПУ активизировало следствие по этому делу, арестовав бывшую делопроизводительницу монастыря и секретаря игумении Ангелины инокиню Александру Николаевну Пантелееву, а также Надежду Михайловну Столбову, которых обвинили в сокрытии монастырского имущества. Монахиню Евпраксию также пытались привлечь к делу, но в связи с ее преклонным возрастом аресту не подвергали. Весной 1930 г. следственное дело в отношении Н.М. Столбовой прекратили за недоказанностью обвинения, а инокиню Александру Пантелееву 29 июля того же года приговорили к 3 годам ссылки в Северный край²¹⁸.

7 октября 1933 г. по делу «нелегальной церковно-монархической группы монашествующих» была арестована монахиня Иоанна (Лежоева). В этом же году в связи с принудительным поселением в квартиру новых жильцов (так называемым уплотнением) и в ожидании неминуемого ареста матушка Евпраксия передала Надежде Столбовой на хранение имевшиеся у нее реликвии — портреты святого отца Иоанна с дарственными надписями

²¹⁷ Житие священномученика протоиерея Викторина Добронравова. С. 10.

²¹⁸ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-14055.

игумении Ангелине, его письма, книгу почетных посетителей Иоанновского монастыря, скитские и монастырские документы. Все они были изъяты агентами НКВД при аресте Надежды Михайловны 20 января 1935 г. и в дальнейшем варварски уничтожены²¹⁹.

Н.М. Столбова была арестована по делу «подпольной иоаннитско-сектантской контрреволюционной монархической группировки». На допросе 23 января Надежда Михайловна рассказала следователю, что навещает больную тетю приемной матери: «У Кононовой я бываю часто, через каждые два дня хожу ее навещать; на квартире у Кононовой Евдокии, она бывшая монахиня, собирается много народу — бывшие ее знакомые и монахини. Больше показать ничего не могу»²²⁰. Дополнительные сведения о матушке Евпраксии Надежда Столбова сообщила на допросе 8 марта: «Кононова живет исключительно на помощь, оказываемую ей родственниками и знакомыми, и частично помогает ей Наталья Репина, которая оплачивает квартиру из своего заработка... Эта старушка, как верующий человек религиозного убеждения, является большой почитательницей о. Иоанна, у нее бывают старые знакомые, монахини, родственники, все являются почитательницами о. Иоанна»²²¹.

Монахиня Евпраксия жила в квартире на улице Полозова до весны 1935 г., а затем по некоторым сведениям была в административном порядке (без ареста и заведения следственного дела) выслана из Ленинграда в ходе так называемого «Кировского потока» и, вероятно, вскоре скончалась в ссылке.

²¹⁹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-74528, т. 1, л. 361.

²²⁰ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-74528, т. 3, л. 341об — 342.

²²¹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-74528, т. 3, л. 344.

Отец Иоанн Кронштадтский

Александр-Невская Лавра в Санкт-Петербурге

Глава VI

Монахиня Вероника (Враская-Котляревская)

Уже после закрытия Иоанновского монастыря в одну из общин его сестер поступила будущая монахиня Вероника (в миру Варвара Степановна Враская-Котляревская). У этой сестры была необычная биография. Она родилась 26 ноября 1885 г. в Киеве в семье сенатора и тайного советника Степана Борисовича Враского. Позднее на допросе в ОГПУ в феврале 1932 г. инокиня Варвара бесстрашно заявила следователю: «Произошла я из дворянской великосветской семьи, выросла и воспитывалась в верно-подданнической среде, которая являлась преданной царю и Отечеству»²²².

При этом будущая монахиня воспитывалась в безрелигиозной среде. В своих воспоминаниях она писала: «Выросла я в неверующей русской интеллигентной семье. Меня окружали широко образованные люди, жившие научными и литературными интересами. Врожденная любовь к искусству и поэзии еще усилилась и развилась, благодаря частым поездкам за границу и знакомству с лучшими музеями и галереями Западной Европы. Из картин раннего детства смутно помню путешествие с няней по пещерам Киево-Печерской Лавры, темные своды, раки святых. Няня берет меня на руки, я целую какую-то холодную доску. Из мрака протягивается рука монаха и на лбу у меня запечатлевается душистый масляный крест. Потом чудесный вид на Подол с голубой извилистой лентой Днепра. Белая с золотом церковь Андрея Первозванного, Михайловский монастырь, пурпуровый бархат на завесах высокой раки с мощами Варвары Великомученицы. Помню узкие переходы в Софийском Соборе, огромную фреску Страшного Суда. Она очень поразила и испугала меня. Самое сильное впечатление на мою детскую фантазию произвел Владимирский Собор; Васнецовские лики святых на всю жизнь врезались в мою память...»²²³.

После того, как ее семья переехала в Тифлис (ныне Тбилиси) — к месту новой службы отца, Варвара Степановна в 1903 г.

²²² АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-75829, т. 1, л. 15–16.

²²³ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 47–48.

окончила там Закавказский девичий институт и в том же году поступила на Высшие Бестужевские женские курсы в Санкт-Петербурге, где проучилась два года.

В 1905 г. В.С. Враская увлеклась актерским искусством и, переехав в Москву, поступила в школу Московского Художественного театра, завершив учебу в начале 1911 г. По традиции, одновременно с обучением она играла в спектаклях МХТ и была первой исполнительницей целого ряда ролей: Танцующая (спектакль «Жизнь Человека», 1907), Неродившаяся душа (спектакль «Синяя птица», 1908), Машенька (спектакль «На всякого мудреца довольно простоты», 1910), Соня (спектакль «Miserere», 1910); вводилась на роли Натальи Дмитриевны в спектакле «Горе от ума», Души Света в «Синюю птицу». Ссылаясь на слабость здоровья и настояния семьи, В.С. Враская простилась с МХТ полным благодарности письмом и вернулась в Санкт-Петербург. Знаменитый режиссер К.С. Станиславский, ценивший ее преданность делу и тонкую воспитанность, в записных книжках выражал огорчение ее уходом и считал ошибкой театра, что В.С. Враскую не сумели удержать.

31 марта того же 1911 года Дирекция императорских театров подписала с ней контракт о зачислении с 1 сентября в русскую драматическую труппу Петербургского Александринского театра. В нем под сценическим псевдонимом Стахова Варвара Степановна играла 13 лет, а во второй половине 1914 г., после начала Первой мировой войны, некоторое время также служила (вместе с Лидией Дмитриевной Блок — женой знаменитого поэта) сестрой милосердия в военном лазарете. Вскоре она стала гражданской женой основателя и первого директора Пушкинского Дома (ныне Института русской литературы Российской Академии наук) академика Нестора Александровича Котляревского (1863–1925)²²⁴.

В начале 1922 г. скончался горячо любимый отец В.С. Враской, и это событие стало одной из причин ее обращения к вере. Вско-

²²⁴ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-75829, т. 1, л. 16; РГИА, ф. 497, оп. 13, д. 219, л. 1–2.

ре она подала заявление о приеме в число вольнослушателей Петроградского Богословского института, сообщая в прилагаемом жизнеописании, что «окончательный перелом в духовной жизни ее произошел во время семимесячной тяжелой болезни отца», а ее духовной руководительницей стала игуменья Воскресенской Покровской обители Евфросиния (Арсеньева). В первый раз Варвару Враскую причастил один из руководителей Александро-Невского братства, пострадавший за Христа иеромонах Варлаам (Сацердотский), позднее она написала о нем: «В своих проповедях отец Варлаам напоминал нам Иоанна Крестителя: врожденный аскет и отрешенный от мира инок»²²⁵.

Как сообщала будущая монахиня в своих воспоминаниях, в конце мая 1922 г. она получила в Лавре благословение священномученика митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского): «В летний вечер мы однажды были на акафисте св. Александру Невскому в Лавре. Выйдя из собора, мы направились по средней аллее к митрополичьим покоям, смутно надеясь увидеть Владыку. Обернувшись к собору, мы действительно увидели митрополита, шедшего по дорожке. Он поравнялся с нами, улыбнулся, спросил наши имена и благословил нас. Мы поднялись в помещение, занимаемое архимандритом Гурием, так много потрудившимся для Александро-Невского братства. В его келии было прохладно. Зеленые ветви склонялись прямо в окно. Мирно теплилась лампада. Везде были навалены книги. Он, как всегда, с интересом расспрашивал нас о жизни, кто как живет, как молится. Уходить не хотелось, точно мы предчувствовали, что это было его последнее “прости”. В эту ночь митрополита, его и еще нескольких близких к ним монахов арестовали. Начался прогремевший на всю Россию процесс. Многие верующие не пропускали ни одного заседания. День расстрела митрополита был днем всеобщего горя»²²⁶.

²²⁵ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 49.

²²⁶ ЦГИА СПб, ф. 2779, оп. 1, д. 20, л. 56–59; Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 49.

Весной 1922 г. Варвара Степановна впервые посетила Иоанновский монастырь и познакомилась с монахиней Серафимой (Голубевой): «В первые недели своего обращения я попала в женский монастырь на Карповке, основанный отцом Иоанном Кронштадтским. Здесь же в монастыре, в подвальной церкви находилась его гробница. Мы долго молились, стоя на коленях подле мраморной плиты. Потом поднялись в кельи монахинь. Чувствовалось, что уже недолго можно будет им оставаться в обители... Здесь я встретилась с матушкой С[ерафимой]. Она была убежденной делательницей Иисусовой молитвы и усердно направляла меня на этот путь. Здесь довелось мне вести первые беседы о подвиге монашества»²²⁷.

2 мая 1922 г. В.С. Враская была зачислена вольнослушательницей Петроградского Богословского института. Возможно, это поступление произошло под влиянием ее мужа. Н.А. Котляревский был связан с институтом, в частности, в 1921 г. выступил в нем с речью, посвященной 40-летию со дня смерти писателя Ф.М. Достоевского. Но вскоре начался обновленческий раскол, положение Богословского института стало крайне затруднительным, и осенью 1922 г. Варвара Степановна перестала посещать занятия, в связи с чем была отчислена из числа слушателей I курса²²⁸.

В конце 1924 — начале 1925 гг. в жизни В.С. Враской произошли серьезные изменения. 29 ноября расценочно-конфликтная комиссия при дирекции государственных театров уволила ее со службы «за сокращением штатов». Это решение стало тяжелым ударом для актрисы, которая растила троих детей своего скончавшегося еще в 1918 г. брата Бориса. 4 декабря она написала в ходатайстве директору академических театров: «Очень прошу пересмотреть вопрос о моем сокращении. Мое материальное положение совершенно безвыходное: я содержу троих сирот — племянников, учащихся.

²²⁷ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 48.

²²⁸ Бовкало А.А. Последний год существования Петроградского Богословского института // Минувшее. Вып. 24. СПб., 1998. С. 485, 488, 521, 522.

Мое жалование — единственный мой заработок, других средств к существованию у меня нет». При этом актриса много играла, она была занята в спектаклях: «Маскарад», «Смерть Парухина», «Царство скуки», «Женитьба Фигаро» и др.

Очевидно, В.С. Враскую уволили из-за ее дворянского происхождения. 16 января 1925 г. расценочно-конфликтная комиссия заслушала заявление заведующего художественной частью бывшего Александринского театра о возвращении на службу актрисы, как «безусловно ценного работника», но отклонила его. Вскоре скончался муж Варвары Степановны Н.А. Котляревский, он был похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры (могила сохранилась). После его смерти В.С. Враская решила не искать места актрисы. В воспоминаниях она отмечала: «Неожиданная смерть моего мужа оборвала последние нити, связывающие меня с прежней жизнью... Я не могла больше принудить себя выйти на сцену. Жизнь сама толкала меня на путь, которым мне следовало идти. Надо было только склонить голову и следовать благой воле Божией. Три ночи провела я в часовне у иконы Божьей Матери. Незабываемые часы!»²²⁹. В 1924–1927 гг. Варвара Степановна работала в библиотеке Академии наук.

С 1925 г. В.С. Враская проживала в монашеской общине бывших сестер Иоанновского монастыря при церкви иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость», а в марте 1927 г. перешла вместе с ней в Александро-Невскую Лавру, где поселилась вместе с другими сестрами в отдельной 36-й келье («квартире») Федоровского корпуса. Эту общину, как уже говорилось, возглавляла монахиня Серафима (Голубева).

Сестра Варвара активно собирала, переписывала и распространяла среди верующих церковные стихи, акафисты и другие подобные произведения. На допросе 5 марта 1932 г. она показала: «Все свои знания, всю свою интеллектуальную силу я направила

²²⁹ РГИА, ф. 497, оп. 13, д. 219, л. 14–18; Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 55.

с 1925 года к тому, чтобы заставить церковно-славянский язык быть сочно-красноречивым и понятным для русского народа, у которого загублена родина и отечество. Собирала и распространяла наиболее выразительные стихи, псалмы, акафисты и всевозможные сочинения всех тех людей, которым дорога была Россия с самодержавным царствующим домом. Нашлось одних только акафистов, которые, по-моему, представляли из себя по содержанию сильнейшее орудие против существующих порядков, одних этих акафистов было собрано до ста пятидесяти единиц... Мне они стали давать глубокое душевное удовлетворение, и считаю, что для всех ущемленных существующей властью служили и служат сильнейшим ободряющим средством»²³⁰.

В воспоминаниях монахини Вероники говорится о богослужениях в Лавре, на которых присутствовали сестры общины: «Ранние обедни обычно совершались в маленькой верхней церкви во имя св. кн. Александра Невского. На стене была огромная фреска, изображавшая святого князя в схиме лежащим в гробу. Служили также и в нижней Благовещенской церкви. Поздние обедни совершались в Духовской церкви или в главном большом соборе. Никольская церковь была вскоре отобрана. Иногда служили в маленькой церкви на Никольском кладбище. Часть богомольцев ходила в церковь, где пел хор братства, а также в церковь, где находилась чудотворная икона Божией Матери Скоропослушницы. За ранними обеднями хором прихожан управлял архимандрит Сергей. Сначала он сердито косился на новых пришельцев и рассматривал их поверх очков. — Что за нашествие иноплемennых... — бормотал он себе в бороду. Потом привык и часто беседовал с нами... В Лавре тоже были чудесные великопостные службы. Особенно хорошо пели братия из полунощницы «Се Жених грядет в полунощи». Сначала едва слышно пел только один клирос, затем откликнулся другой. Затем опять немного громче первый. Создавалось впечатление, что действительно Жених грядет отку-

²³⁰ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-75829, т. 1, л. 17–18.

да-то издалека. Вот он приближается. Вот громче, торжественно грянули оба клироса: Жених здесь, близко, среди нас...»²³¹.

В конце 1920-х гг. в Александро-Невской Лавре спасалось много знаменитых подвижников благочестия. Монахиня Вероника собрала ценные свидетельства о схиигумене Гурии (Комиссарове), архимандрите Сергии (Бирюкове) и, прежде всего, о последнем духовнике Лавры перед ее закрытием преподобном старце иеросхимонахе Серафиме Вырицком (Муравьеве), келейницей которого стала: «В его [архимандрита Сергия] келию и к схимнику отцу Серафиму стучались непривычные гости: ученые, профессора, люди искусства и литературы; интеллигенция, так долго стоявшая вдали, теперь упорно стремилась в церковь. Пришел раз к ранней обедне старик — профессор, известный ученый специалист. Красивое, умное лицо, седые как лунь волосы и борода. Смирненно опустил он на колени перед иконой Спасителя и так и простоял всю обедню, низко склонив голову. Только изредка смахивал потихоньку, чтобы никто не видел, набежавшие слезы истинные, — сказал бы архимандрит Сергей. Молодежь тоже осаждала обоих старцев. Целые сектантские общины переходили в православие...

Мне Бог привел в это время быть келейницей у о. Серафима. Много светлого и много тяжелого переживала я в эти годы. Надо было уметь поговорить со всеми приходящими и очень внимательно следить, чтобы воля и благословение батюшки были переданы в точности. Иногда он принимал очень многих. Под конец уставал так, что валился с ног. Мне было жаль его, и я пыталась уговорить стучавшихся в поздний час в дверь его келий прийти на другой день, но батюшка строго выговаривал мне за это: «Нельзя: обидят. Я сам скажу, что и когда надо». И, еле живой, приказывал допустить к себе пришедших...

Случалось, что некоторые приходили по несколько раз и так и уходили ни с чем, прождав напрасно много часов. А другие

²³¹ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 56–57, 70.

не успевали переступить порог, как батюшка уже звал их к себе. Иногда он ничего не спрашивал, а прямо передавал, как надо поступать, что делать, словно наперед знал, о чем с ним будут говорить — Сколько человеческого горя и страдания проходило перед нами! Были здесь и бесноватые, и больные, жаждавшие исцеления, и другие, со сложными запросами внутренней духовной жизни: интеллигентные и простые, нищие и богатые, старики и юноши. Людской поток неудержимо проносился перед батюшкой, выбрасывая к его ногам свои скорби и радости... Худенький, среднего роста, с небольшой седой бородой, с ясными голубыми глазами, он был очень живописен в полной схиме, точно только что сошел со старинной новгородской иконы.

— Ведь что такое мое послушание? — говорил он: — я как по-мойная яма, куда люди все свои самые черные дела складывают... Иногда в моей жизни случались сильные искушения... Мучительно бывало, тяжело и одиноко. Иду к батюшке, прошу благословения навестить знакомых, чтобы отвлечься. “Это зачем? Помощи от людей ждете? Только один Бог силен помочь. Если хотите, поезжайте к Блаженной Ксении или к окошечку батюшки отца Иоанна. А к людям за утешением идти нечего”...

Старенький и болезненный, спал он на узком, коротком деревянном сундуке, прикрытом потертым ковром. Перед принятием схимы видел он во сне преподобного Серафима, имя которого должен был носить. Он постучался в окошечко лесной келии Преподобного. Тот открыл, и они беседовали.

После пострига в схиму он нес тяжелый подвиг по благословению настоятеля епископа Григория — никогда не ел ничего скромного — ни молока, ни масла, ни яиц. А также не мылся, только умывал лицо и руки. Он был совсем другой, чем архимандрит Сергей. Тот подчас рассердится, выбранит, а на самом деле с безграничной добротой, часто покрывая проступки своих духовных детей, многое им прощал, слабым и больным разрешал не соблюдать строго посты. Отец же Серафим-схимник, тихий и ласковый, никогда не отступал от раз сказанного, поста нарушать никому

не разрешал, даже тяжело больным. Порой ласково, но твердо толкал своих чад духовных на трудные подвиги. Послушания требовал полного.

— Не я благословляю, а Господь. Страшно послушаться Его воли. Не дай вам Бог!

В свободное время он любил, чтобы ему читали или сам читал Жития святых. Из святых Отцов очень любил Исаака Сириянина и Василия Великого. Как-то раз я застала его за чтением “Шестоднева”.

— Нет, как птицы-то небесные Богу молятся. Я и сам такое переживал. — Со слезами тихо улыбался он своим воспоминаниям. Природу он очень любил. Через нее прославлял Творца. С умилением смотрел он, как прыгают воробьи по веткам деревьев под окном его келий. В сад, на кладбище, а тем более за ворота обители не выходил никогда.

— Для монаха — весь мир, вся его жизнь — его келия. Тут он или погибнет, или спасется, — говорил он. Когда приходили благодарить его за исполненное прошение, он недовольно хмурился.

— Что это вы? Ведь это же не я, а Царица Небесная, Николай Угодник и Преподобный Серафим. Их благодарите²³².

В 1928 г. в общине бывших сестер Иоанновского монастыря в стенах Лавры произошло разделение: большинство из них присоединилось к иосифлянскому движению, а две сестры, в том числе Варвара Враская-Котляревская, остались верны Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Старгородскому). В связи с этим приезжавший в Александро-Невскую Лавру в апреле 1928 г. бывший управляющий Петроградской епархией епископ Мануил (Лемешевский) взял послушницу Варвару и еще одну сестру «из-под руководства матушки С[ерафимы]» и передал «под руководство отца Серафима [преподобного Серафима Вырицкого]». Владыка Мануил еще несколько лет,

²³² Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 56–61.

до арестов 1932 г., переписывался с сестрами, давая им духовные наставления²³³.

Тем не менее, по прежнему возглавлявшая общину монахиня Серафима (Голубева) в первой половине 1930 г. постригла в рясофор сестру Варвару Враскую-Котляревскую. Она оставалась келейницей иеросхимонаха Серафима (Муравьева) до конца весны этого года. К тому времени преподобный Серафим тяжело заболел. Во время ежедневных многочасовых исповедей батюшке приходилось подолгу стоять на холодном каменном полу Свято-Троицкого собора. Постоянное переохлаждение, неимоверные физические и душевные перегрузки постепенно дали о себе знать, и здоровье отца Серафима резко ухудшилось. Медики настоятельно советовали выехать из города в зеленую зону. В качестве климатического курорта был рекомендован дачный поселок Вырица.

Об обстоятельствах переезда преподобного Серафима монахиня Вероника в своих воспоминаниях писала так: «Судьбу батюшки схимника отца Серафима Бог устроил иначе: незадолго до св[ятой] ночи он тяжело заболел. Врачи объявили, что его может спасти только пребывание в деревне. Столько лет не выходя за ворота обители, он наотрез отказался ехать. Но епископ, настоятель Лавры, решил не так. Он вызвал из Новодевичьего монахиню Х[ристину], бывшую жену батюшки, и благословил ее увезти больного старца в деревню. Все обстоятельства благоприятствовали, и помещение нашлось, и автомобиль достали. Схимник не посмел послушаться воли своего владыки. Его увезли в деревню. Аресты, разразившиеся через несколько дней, его не коснулись. Так Господь сохранил жизнь этого старца для прославления Своего имени»²³⁴.

Сама инокиня Варвара была арестована агентами ОГПУ в ночь с 17 на 18 февраля 1932 г. в келье вместе со всеми сестрами общины. Тринадцать из них проходило по групповому монашескому

²³³ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 65–66.

²³⁴ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 62.

делу, объединявшему около 60 подследственных: 14 монахов Александро-Невской Лавры, 15 иноков из ленинградских подворий Валаамского монастыря и Киево-Печерской Лавры, 12 насельниц Воскресенского Новодевичьего монастыря, пять монахинь из Вырицы, два священника и несколько мирян.

Фактически все сестры из лаврской общины мужественно говорили следователям о своем неприятии антирелигиозной политики советского правительства, именно в тот период осуществлявшего так называемую «безбожную пятилетку». Так, монахиня Евтропия (Петрова) заявила: «Советскую власть я ненавижу, ибо раньше царская власть была наша власть, она помогала монахиням, а советская власть ненавидит и церкви, и монастыри, следовательно отсюда ясно, что эту власть мы ненавидим». Почти также говорила монахиня Саломия (Загорельская), распространявшая на улицах духовную литературу: «Советскую власть ненавижу потому, что она... занимается открытым грабежом, отобрала дома и имущество у хороших людей... Я считаю себя грешной, что от советской власти получала хлебную и продуктовую карточку и получала продукты. Наша обязанность была как можно больше привлекать людей в свою семью». Подтверждали сестры и свою верность Иоанновскому монастырю, в том числе принятые в общину во второй половине 1920-х гг., например монахиня Иоанна (Кундрюцкая) назвала себя на допросе последовательницей отца Иоанна Кронштадтского и подчеркнула: «Когда монастырь был закрыт, я... была в нем и молилась у стеночки»²³⁵.

Наибольшее внимание следствия привлекла старшая монахиня общины Сергия (Васильева). Она вела дела с ЖАКТОм, переписывала духовную литературу, отправляла сосланным сестрам посылки и т. д. Монахиня Сергия не скрывала своих убеждений и рассказала о жизни общины: «...при наступлении существующих порядков, определяемых преимуществом большинства над меньшинством, я первое время держалась кое-как в той окружающей

²³⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-75829, т. 1, л. 31, 71, 79.

среде, с которой приходилось иметь дело на службе в советских учреждениях, но между тем и вместе с этим постепенно нарастала неприязнь к этой новой и чуждой для меня среде, вследствие чего я стала искать выхода, но выхода в превалирующей советской общественности не нашла. Приспосабливаться к ней — не в моем характере, и поэтому оказалось единственно для меня возможным приблизиться к церковной жизни. Перестала вовсе служить в советских органах. Летом в 1930 году приняла монашество... До пострижения в монашество и в особенности после того, как я стала монахиней, я являлась последовательницей антисергиевского церковного течения, всецело приняла ту платформу, которая проводилась и проводится иосифлянкой церковной организацией. Когда еще не было это наше течение разгромлено, я посещала церковь «Воскресения на крови», где был еще не утрачен дореволюционный церковный уклад. После же разгрома я осталась верной иосифлянству и примыкала к тем людям, которые группировались вокруг священника Сергия Иосифовича Батышева.

В Александро-Невской Лавре, в общежитии монахинь проживала около пяти лет. Общежитие наше в своем роде в миниатюре является монастырем. Жили сообща всего нас тринадцать человек.

1. Имели общую кассу, которой заведовали те, кто пограмотнее (я и другие).

2. Производились общие закупки необходимых в жизненном обиходе предметов, которыми ведала по преимуществу кто-либо из нас одна (Загорельская и др.).

3. Общежитийские дела устраивала тоже одна из нас монахинь (именно я).

4. Сообща устраивали утренние и вечерние молитвы, а общее идейное и нравственное руководство лежало на свящ[еннике] Сергии Иосифовиче Батышеве (к нему ездили, и он к нам приезжал).

5. Читали только «жития» святых и вообще книги из священного писания. Кроме того, пользовались (доставали и размножали путем переписки и проч.) различные сочинения из обновленной

духовной гимнологии (акафисты, икосы, тропари, гимны и т.п.), которые диссонировали советским порядкам...

6. Советских печатных материалов (журналов, газет и т.п.) мы не читали»²³⁶.

Следует также упомянуть, что в графе анкеты «партийность и политические убеждения» монахиня Сергия написала: «Беспартийная, политику соввласти считаю для себя неприемлемой». При аресте ее обвинили в систематическом ведении контрреволюционной агитации и распространении литературы церковно-монархического характера²³⁷. Инокня Варвара, как и другие сестры, мужественно заявила следователю о своем неприятии антирелигиозной политики советского правительства.

Следствие по монашескому делу оказалось недолгим. Уже 19 марта было сфабриковано обвинительное заключение на 52 человека (в том числе 11 сестер лаврской общины), в котором говорилось: «В 1931–32 гг. ПП ОГПУ в ЛВО стало известно, что в Александро-Невской Лавре, б[ывшем] Новодевичьем монастыре и б[ывшем] Киевском подворье сосредотачиваются контрреволюционные элементы, ведущие систематическую контрреволюционную агитацию, а также изготавливающие и распространяющие церковно-монашеские сочинения в виде гимнов, стихов и акафистов. С целью ликвидации упомянутых контрреволюционных очагов были произведены обыски, арестовано и привлечено к ответственности 50 человек. При обысках были обнаружены церковно-монашеские сочинения (стихи, гимны, акафисты) и пишущая машинка, на которой печатались все эти антисоветские произведения. В процессе следствия показаниями всех обвиняемых установлено, что привлеченные к ответственности лица вели агитацию против советской власти и коллективизации сельского хозяйства, стремясь к подрыву и свержению советской власти. Устраивали паломничества на могиле «блаженного Матвея» и «молчальника

²³⁶ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-75829, т. 1, л. 6, 8–8 об.

²³⁷ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-75829, т. 1, л. 5–6.

Патермуфия» (Александро-Невская лавра), превращая эти паломничества в антисоветские демонстрации...»²³⁸.

По существу советские власти считали уже само существование «нелегальных» монашеских общин, устройство «нелегальных» богослужений, паломничество, распространение церковной литературы и материальную помощь ссыльному духовенству опасной антисоветской деятельностью. 22 марта 1932 г. Коллегия ОГПУ вынесла приговор. Освободили лишь Анастасию Тараканову, остальных сестер отправили на 3 года в ссылку в Среднюю Азию, а инокиню Варвару Враскую-Котляревскую и монахиню Сергию — на 3 года в лагерь. Одна из насельниц лаврской общины — монахиня Евтропия (Петрова) — одновременно проходила по другому делу — общины сестер, оставшихся в здании Иоанновского монастыря. Она проживала в Лавре с 1928 г., работала уборщицей в церкви и ездила в родную деревню Поречье Гдовского района Ленинградской области «проповедовать слово Божие». Монахиню Евтропию приговорили к 3 годам ссылки в Среднюю Азию²³⁹.

Инокиню Варвару отправили отбывать срок в Свирский лагерь на востоке Ленинградской области (в районе реки Свирь). В ее воспоминаниях говорится и о пребывании сестер в Свирском лагере: «В концлагерь нас везли в одном поезде со многими монахами и священниками. На распределительном пункте мы встретились и во время общих работ в первые дни могли немного говорить. На другой день после приезда их всех обрили и одели в штатское платье... Потом распределили кого куда. Нас отправили сестрами в госпиталь. Часть духовенства увезли в другие лагеря... на Преображение получила я первую весть о возможности свободы. Медицинских сестер не хватало. Меня не хотели отпускать»²⁴⁰.

Инокиня Варвара Враская-Котляревская вместе с еще одной сестрой была освобождена из Свирского лагеря в августе 1933 г. до-

²³⁸ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-75829, т. 2, л. 447–448.

²³⁹ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-84994, т. 1, л. 41–42.

²⁴⁰ Вероника (Котляревская), монахиня. Указ. соч. // Церковно-исторический вестник. 2002. № 9. С. 75–76.

срочно по инвалидности. После освобождения вернуться в Ленинград ей не разрешили и оставили на поселении. В дальнейшем она эмигрировала в Финляндию, потом переехала в Эстонию, где приняла монашеский постриг в мантию с именем Вероника, а позднее поселилась во Франции.

Монахиня Вероника была прихожанкой церкви Воскресения Христова в г. Медоне (в предместье Парижа), принимала активное участие в работе союза Покрова Пресвятой Богородицы, основанного архиереем Русской Православной Церкви за границей епископом Нафанаилом (Львовым). Последние годы жизни она провела в Русском старческом доме в Сент-Женевьев-де-Буа, где и скончалась 11 февраля 1950 г. Монахиня Вероника была похоронена на знаменитом Русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Во Франции она написала очень интересные по содержанию «Воспоминания монахини», впервые напечатанные в журнале «Православная Русь» (Джорданвилль, США), затем изданные в 1955 г. в Сан-Франциско отдельной книгой и переизданные в 2002 г. в журнальном варианте в России.

Глава VII

Игуменья Вероника (Романенко)

Будущая игуменья Вероника (в миру Романенко Пелагея Николаевна) родилась 14 апреля 1874 г. в Санкт-Петербурге в крестьянской семье. В 1890 г., в возрасте 16 лет, она стала насельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря Новгородской губернии. Послушница Пелагея окончила в этой обители монастырскую школу и была воспитанницей одной из ближайших духовных дочерей святого праведного отца Иоанна Кронштадтского игумении Леушинского монастыря Таисии (Солоповой).

В 1900 г. сестра Пелагея была направлена игуменией Таисией по просьбе отца Иоанна для пополнения числа насельниц только что основанного Петербургского подворья женского Сурского Иоанно-Богословского монастыря. В январе 1903 г. столичное Сурское подворье было преобразовано в самостоятельный Иоанновский монастырь и послушница Пелагея стала его насельницей. Около одного года она также пребывала на послушании в Успенском Вауловском скиту.

29 марта 1916 г. сестра Пелагея приняла в стенах Иоанновского монастыря монашеский постриг с именем Вероника. Имя монахини Вероники присутствует в сохранившихся в архиве списках насельниц Иоанновского монастыря за 1918–1922 гг., при этом указано, что она исполняет послушание клиросной и чтицы. Матушка была преданной почитательницей святого праведного отца Иоанна Кронштадтского²⁴¹.

Монахиня Вероника покинула стены ставшей для нее родной петербургской обители в октябре 1922 г. в связи с назначением настоятельницей Благовещенского Воронцовского женского монастыря, расположенного в Холмском уезде Псковской губернии (ныне — деревня Воронцово Торопецкого района Тверской области). Эта обитель была самым непосредственным образом связана с именем отца Иоанна Кронштадтского. Считается, что вершина подвигов пастыря на Торопецкой земле приходится на период основания им Воронцовского Благовещенского

²⁴¹ Шкаровский М.В. Указ. соч. С. 381.

монастыря. Не случайно отец Иоанн Кронштадтский в письме к игумении Таисии (Солоповой) называл его «Наше зарождающееся детище». Именно игумения Таисия приняла на себя все хлопоты и заботы по устройству в 1898 г. общины, а с 1903 г. и монастыря в местечке Воронцово на берегу реки Куньи²⁴².

К 1917 г. в число насельниц Благовещенского монастыря входили: игумения, 6 монахинь, 33 приказных послушниц и 49 испытуемых — всего 88 сестер, из которых проживали в Петрограде на подворье 25 сестер и г. Холме на подворье — две сестры²⁴³. Матушка Вероника была назначена настоятельницей, вероятно, потому, что являлась воспитанницей игумении Таисии, устройтельницы Воронцовского монастыря, в котором продолжали существовать леушинские традиции.

6 ноября 1922 г. монахиня Вероника была возведена в Иоанно-Предтеченском монастыре Пскова епископом Геннадием (Туберозовым) в сан игумении и выехала в Благовещенский монастырь, К этому времени насельницы монастыря уже четыре года входили в религиозно-трудовую коммуну, которая стала для обители своеобразным способом выживания. Она была создана в октябре 1918 г. В тот период в местной советской газете сообщалось: «Воронцовский женский монастырь преобразован в религиозно-трудовую коммуну... В монастыре 63 монашки, церковную службу ведет диакон о. Солнцев. Настоятельница монастыря... возмутительница спокойствия, арестована и отправлена в тюрьму»²⁴⁴.

К моменту приезда матушки Вероники игумении в обители уже давно не было, и новой настоятельнице пришлось не только заниматься окормлением многочисленных сестер, большой хозяйственной деятельностью, но и отражать «атаки» раскольников-обновленцев и советских властей. В начале 1924 г. в официальных

²⁴² См.: Воронцовский Благовещенский Женский монастырь. Документы, публикации, фотографии (1897–1925). Вып. 2. Торонец, 2004.

²⁴³ Государственный архив Псковской области (ГАПО), ф. 39, оп. 1, т. 1. д. 1322, л. 13.

²⁴⁴ Холмская коммуна. 1918. № 8. 26 октября.

документах монашеская община характеризовалась так: «Воронцовская коммуна, Галибицкий сельсовет. Пашни 41,43 десятины, сенокоса 42,22 десятины, выгон 10,18 десятины, усадьбы 9,75 десятины. Бывший Воронцовский монастырь. Имеется 70 человек. Сельским хозяйством занимаются все бывшие монахи, все больше из мещан и из крестьян, проживают там же»²⁴⁵. В пользовании монахинь продолжал оставаться огромный Благовещенский собор, построенный на средства почитателей отца Иоанна Кронштадтского в 1910–1917 гг., и другие храмы обители.

В это время активная деятельность монашеской «коммуны» и ее настоятельницы стало вызывать резкое недовольство не только местных советских властей, но и Государственного политического управления. 24 февраля 1924 г. Псковский губернский отдел ОГПУ постановил: «...немедленно возбудить перед президиумом Псковского губисполкома вопрос о закрытии Воронцовского Благовещенского женского монастыря с церквями, который является контрреволюционной организацией, действующей против рабоче-крестьянского правительства и трудящихся масс, в целях выселения из такового монашествующих. В отношении всего имущества и земли, как принадлежащего рабоче-крестьянскому правительству и трудящимся, вынесли решение о передаче его соответствующим организациям»²⁴⁶.

В секретном отношении от 7 марта 1924 г. прокурор Псковской губернии Панкратов написал в президиум губисполкома: «Возвращая три постановления ГОГПУ, присланные... по вопросу о закрытии Святогорского мужского монастыря, Благовещенского женского монастыря и Тихвинского женского монастыря, нахожу, что мотивов, указанных в постановлении, достаточно не только для закрытия монастыря, но в постановлении указаны и уголовно наказуемые деяния со стороны служителей культа, за кои последние могут быть привлечены к уголовной ответственности

²⁴⁵ ГАПО, ф. Р-203, оп. 1, д. 23, л. 91 об.

²⁴⁶ ГАПО, ф. Р-590, оп. 2, д. 235, л. 74.

(инструкция НКЮ 1923 года в развитие постановления ВЦИК от 23/III — 23 г.). Если материалы, имеющиеся в распоряжении ГОГПУ, могут в порядке судебном подтвердить указанные в постановлениях уголовно наказуемые деяния служителей культа монастырей, то надлежит возбудить уголовное преследование против виновных лиц и при разрешении этого дела по существу суд вправе вынести постановление о закрытии монастыря, как являющегося обителью преступного элемента.

При отсутствии же данных для возбуждения уголовного дела, монастырь может быть закрыт на точном основании постановления ВЦИК от 23/III — 23 г., с соблюдением циркуляра НКЮ от 3/I — 19 года и НКВД от 28/II — 19 г., т.е. если в данной местности ощущается острый недостаток в зданиях и помещениях для жилищных и санитарно-медицинских, культурно-просветительных и т.д. целей, причем окажется, что закрываемый храм действительно может быть использован для соответствующего учреждения, и при этом имеются фактические возможности и средства для этого приспособления. И, наконец, если это мероприятие отвечает запросам трудящихся в форме коллективных заявлений, резолюции постановления Съездов и т.п. При этом тщательно должны быть приняты во внимание религиозные интересы верующих, их привычки, о количестве населения, пользующегося храмами, вместимость ближайших храмов и отдаленность их»²⁴⁷.

Таким образом, над игуменией Вероникой в первый раз нависла угроза репрессий. Однако, губернский отдел ОГПУ тогда еще «не накопил» достаточных для ее ареста обвинительных материалов. В письме в губисполком от 29 марта 1924 г. заместитель начальника губотдела Коптельцев писал: «С возвращением настоящей переписки сообщается, что по делу Святогорского, Воронцово-Благовещенского и Тихвинского монастырей конкретный обвинительный материал в губотделе ОГПУ имеется, но он не в достаточной степени подготовлен для постановки в суде и не мо-

²⁴⁷ ГАПО, ф. Р-203, оп. 1, д. 23, л. 73.

жет послужить основанием для привлечения к ответственности всех монашествующих в целом.

Исходя из этих соображений, губотдел при разрешении вопроса о названных монастырях нашел целесообразным закрытие их не в судебном, а в административном порядке, о чем и возбудил ходатайство перед президиумом губисполкома, предполагая в будущем, по мере дальнейшего накопления обвинительных материалов, постепенно возбуждать уголовные дела в отношении отдельных монашествующих.

Принимая во внимание, во-первых, что Воронцово-Благовещенский и Тихвинский монастыри, расположенные в Холмском уезде, где ощущается острый недостаток в школьных помещениях, а именно, по имеющимся сведениям, школы в большинстве случаев находятся в тесных, полуразрушенных избах, между тем, как монастырские здания вполне могут быть приспособлены для устройства школ., губотдел ОГПУ настаивает на полной ликвидации означенных монастырей и передаче их для использования соответствующими организациями...»²⁴⁸.

Обсуждение вопроса о ликвидации обители заняло всего лишь неделю. Уже 9 апреля 1924 г. президиум Псковского губернского исполнительного комитета на своем заседании постановил: «Принимая во внимание контрреволюционную агитацию монашествующих, вредное влияние их на окружающее население, превращение образованных ими трудовых коммун в очаги эксплуатации трудящихся, а также учитывая острую нужду в помещениях для школ, признать необходимым монастыри Святогорский Опочецкого уезда, Воронцовский Благовещенский и Тихвинский Холмского уезда закрыть. Проведение в жизнь настоящего постановления возложить на Административный отдел»²⁴⁹.

Вскоре все храмы монастыря, в том числе Благовещенский собор, были закрыты и опечатаны. Монахини, входившие в местную

²⁴⁸ ГАПО, ф. Р-203, оп. 1, д. 23, л. 76.

²⁴⁹ ГАПО, ф. Р-203, оп. 1, д. 23, л. 71, оп. 1, д. 132, л. 129.

сельскохозяйственную артель (бывшую религиозно-трудовую коммуну) во главе с игуменией Вероникой обратились к советским властям с ходатайством об открытии собора. Однако 28 июня 1924 г. президиум Псковского губисполкома, заслушав заключение губернского отдела Рабоче-крестьянской инспекции по ходатайству Воронцовской сельхозартели, постановил: «1. С заключением Губотдела РКИ согласиться, ходатайство граждан об открытии церкви отклонить. 2. Ввиду того, что артели с монашеским составом имеются и в других уездах, предложить Губземуправлению выяснить социальный состав этих артелей и о результатах уведомить Президиум ГИКа на предмет возможной их реорганизации»²⁵⁰.

В соответствии с этим постановлением во второй половине 1924 г. монашеская артель была ликвидирована, и 1 января 1925 г. на ее месте возникла коммуна «Искра Октября». 14 декабря 1925 г. Губернское земельное управление сообщило в секретную часть губисполкома, «что в селе Воронцово Холмского уезда Советской волости на месте бывшей Воронцовской артели (религиозной общины) организована сельскохозяйственная коммуна под названием «Искра Октября», зарегистрированная в губЗУ под № 671 8 августа 1925 года. Состав этой коммуны следующий: 9 крестьянских семей с количеством едоков 41 и в том числе трудоспособных 20. Из них членов РКП — 2, РКП кандидатов — 1 и 2 члена РЛКСМ. Из прежней Воронцовской артели в коммуны не вошло ни одного человека...»²⁵¹.

Благовещенский собор остался опечатанным. Однако через некоторое время замок с его дверей был сорван, и из храма похитили часть ценностей. В 1926 г. верующие обратились в Псковский губисполком с просьбой о пересмотре решения о закрытии Воронцовского монастыря, но их просьба была отклонена. В январе 1927 г. собор и все церковные постройки обители передали в распоряжение коммуны «Искра Октября», а еще остававшиеся ценности вывезли в г. Холм.

²⁵⁰ ГАПО, ф. Р-203, оп. 1, д. 1506, л. 115.

²⁵¹ ГАПО, ф. Р-203, оп. 2, д. 235, л. 81.

Игуменья Вероника еще во второй половине 1924 г., сразу после ликвидации монашеской артели, с частью сестер приехала в Ленинград, где около пяти лет — до 1929 г. заведовала подворьем Воронцовского монастыря на Очаковской улице. Под ее началом в этот период пребывало 40 насельниц — монахинь и послушниц.

У истоков создания петербургского подворья обители стоял святой праведный отец Иоанн Кронштадтский, который в 1899 г. передал Благовещенской общине участок земли, пожертвованный ремесленником Н.Т. Терентьевым и его женой в Рождественской части столицы. На нем, на средства отца Иоанна, Терентьева и других жертвователей было построено двухэтажное здание, стоившее 200 тысяч рублей. Закладку здания осуществил 7 августа 1902 г. епископ Гдовский Константин, после чего, по проекту гражданского инженера С.И. Андреева, началось возведение дома. На его первом этаже находились часовня, кельи и комнаты о. Иоанна, на втором — трехпридельный храм на 1000 человек с хорами и небольшой звонницей. Рядом был построен четырехэтажный дворовый флигель, в котором располагались трапезная, и кельи для 75 сестер. Также имелись четыре деревянных флигеля, небольшой сад и 11 ледников, которые сдавались внаем.

7 сентября 1903 г. епископ Псковский и Порховский Сергей при участии о. Иоанна освятил главный придел домового храма во имя Тихвинской иконы Божией Матери, украшенный трехъярусным золоченым иконостасом в древнерусском стиле. 11 апреля 1904 г. был освящен левый придел во имя преподобных Сергия Радонежского и Иоанна Рыльского, сооруженный на деньги подрядчика Г. Григорьева в честь святого, тезоименитого о. Иоанну. Освящение придела святителя Николая Чудотворца и святой царицы Александры задержалось до 30 декабря 1913 г., когда его осуществил архимандрит Александро-Невской Лавры. Особым почитанием богомольцев пользовалась храмовая Тихвинская икона Божией Матери. Богослужение на подворье проходило ежедневно, а по воскресным и праздничным дням дополнительно совершалась ранняя литургия. До 1908 г. иногда службу совершал отец Иоанн Кронштадтский.

Вскоре после революции — в 1918 г. храм стал приходским, но монахини продолжили жить в здании подворья²⁵².

В конце 1927 г. игумения Вероника стала одной из активных участниц оппозиционной советской власти и Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) иосифлянского движения. Под ее влиянием часть насельниц Воронцовского подворья (12 из 40) также присоединилась к этому движению. В 1928 г. игумению арестовали за принадлежность к Истинно-Православной Церкви (иосифлянам), но через пять недель освободили, и позднее агенты ОГПУ считали это большой ошибкой. В 1929 г. матушка Вероника ввиду неизбежного нового ареста, перешла на нелегальное положение и с тех пор скрывалась от агентов ОГПУ в городе у бывших сестер Иоанновского монастыря и в деревне Орлово Холмовского района Псковского округа Ленинградской области в доме крестьянина Василия Гаврилова. В начале 1930 г. было закрыто и отдано под рабочий клуб ленинградское подворье Воронцовского монастыря, в тот период в его здании еще проживало 39 сестер.

К этому времени игумения Вероника возглавляла уже целую группу монашеских общин в разных концах Ленинграда. В архивно-следственном деле сохранились ее наставления сестрам: «1. В мирских условиях, безусловно, вести монашеский образ жизни; 2. Постоянно повторять Иисусову молитву; 3. Вычитывать утренние и вечерние молитвы обязательно; 4. Вычитывать церковные службы самостоятельно на дому, поскольку невозможно помолиться в церкви; 5. Читать только церковно-нравственное слово Божие; 6. По возможности помогать заключенным»²⁵³.

Матушка подолгу жила тайно у сестер, еще проживавших в бывшем здании Иоанновского монастыря, и участвовала там в монашеских постригах, например в конце 1929 г. в постриге монахинь Никодимы, Флавианы и Селафиилы архимандритом Клавдием (Са-

²⁵² РГИА, ф. 799, оп. 25, д. 1110; ЦГИА СПб, ф. 513, оп. 102, д. 9165; Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. СПб., 2010. С. 350.

²⁵³ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-77283, т. 2, л. 24.

винским). Игуменья чудом избежала ареста 17 мая 1931 г. во время облавы ОГПУ. Она скрывалась тогда в Озерках на Поклонной горе, д. 15 у бывших сестер Иоанновского монастыря Олимпиады (Тарасевой) и Евдокии (Рожковой). В момент приезда агентов ОГПУ матушка Вероника находилась вне дома, на участке и, увидев их, незаметно ушла, переночевав на Озерковском кладбище, а затем уехав на время в деревню. Монахинь же арестовали и приговорили к трем годам ссылки. В феврале 1932 г. игумении удалось с помощью послушницы Ольги Каратыгиной, работавшей счетоводом ЖАКТа, прописаться по адресу: ул. 3-го июля (в настоящее время — Садовая), д. 13, кв. 71 под именем Степановой Пелагеи Васильевны.

Игуменья Вероника была вновь арестована 18 апреля 1932 г. в Ленинграде по групповому монашескому делу. В ночь с 17 на 18 апреля была проведена массовая волна арестов всех еще проживавших в городе монашествующих различных церковных течений, захватившая 189 человек. Все они проходили по одному делу «нелегальных монашеских общежитий». В ходе арестов были разгромлены и две небольшие общины бывших сестер Иоанновского монастыря, образовавшиеся в конце 1923 г. после закрытия обители и находившиеся по адресам: наб. Карповки, д. 20, кв. 2 и Лахтинская улица, д. 20, кв. 12. Насельницы этих общин работали санитарками в больницах, занимались рукоделием и часто молились у окошечка в замурованную усыпальницу о. Иоанна Кронштадтского, прикладываясь к ее наружной стене.

Агентам ОГПУ удалось схватить игумению Веронику в ходе слежки за другими монахинями, и они посчитали это очень большой победой. Матушка не скрывала своих убеждений и бесстрашно заявила следователям: «Все время шла против существующей мирской власти, скрывалась от нее в течение ряда лет, дабы не попасть в ее порочные руки... Вести борьбу необходимо вплоть до принятия мученического венца со всякой силой, которая направлена против Церкви Христовой»²⁵⁴.

²⁵⁴ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-77283, т. 2, л. 10–11.

По делу «нелегальных монашеских общежитий» были проведены аресты и среди жителей прежнего здания Иоанновского монастыря, на этот раз мирян (так как почти всех монахинь уже схватили и осудили ранее). Так, агенты ОГПУ арестовали бывшую прихожанку храмов обители Анастасию Иванову, помогавшую скрываться игумении Веронике. У нее и других жильцов дома по набережной Карповки, 45 было найдено и приобщено к делу в качестве вещественных доказательств несколько стихотворений, возможно написанных матушкой Вероникой. Одно из них называлось «Родина стонет»:

Родина бледная, кровью залитая.

Долго ли будешь ты спать? Горем,

печалью людскими покрытая.

Встань, пробудись, наша мать...

Хлеба ни крошки, картофель в исходе,

Как теперь дальше нам жить?

Кто нам поможет в тяжелой невзгоде?

По миру надо ходить.

Стонет рабочий на шумном заводе.

Потом и грязью покрыт.

Нет материала, а шепчут в народе: —

Будет завод наш закрыт...

В другом стихотворении — «Гонимые о Христе» говорилось:

Прийдите ко мне, утружденные,

В скорбях, печалях, нужде.

Зноем небес опаленные

В невыносимом труде.

Прийдите, в недугах болящие.

Лишенные сладостных грез,

Душою и сердцем скорбящие.

Пролившие множество слез...

А в стихотворении «Моя келья» речь шла о закрытии Иоанновского монастыря (в 1923 г.):

Чистенька, светленька келейка моя.

Думала, что здесь окончу я дни земного бытия.

Но путь другой Господь готовит.

Прощай же, келейка моя²⁵⁵.

Следствие по монашескому делу продолжалось недолго, через два месяца, 16 июня 1932 г. Коллегия ОГПУ приговорила основную часть арестованных к 3 годам ссылки в Казахстан, А.Б. Иванову — к 3 годам лагерей, а игумению Веронике даже к 5 годам заключения в концлагерь, где, она, скорее всего, погибла. Время, место и обстоятельства кончины пострадавшей за Христа до сих пор неизвестны.

Протокол допроса игумении Вероники (Романенко)

4 мая 1932 г.

Партийность и политические убеждения: Все время придерживаюсь такой церковной группировки, которая считает существующую мирскую власть дьявольской.

Сведения об общественной и революционной работе: Все время шла против существующей мирской власти, скрывалась от нее в течение ряда лет, дабы не попасть в ее порочные руки.

Показания по существу дела: В монашестве нахожусь 42 года, из них: в Леушинском монастыре 10 лет; в Иоанновском монастыре 22 года; в Воронцовском монастыре 2 года, в С[анкт]-П[етербургском] Очаковском подворье 5 лет и остальные три (3) года находилась на нелегальном положении в Ленинграде и Ленинградской области.

В ноябре (6 числа) месяца 1922 г. меня во Пскове (Предтеченском монастыре) преосвященный епископ Геннадий посвятил в сан игумении и послал в Воронцовский монастырь. До меня игумении в этом монастыре не было. Проигуменствовала только один год. В начале 1924 года мирская власть монастырь, существовавший под видом артели, ликвидировала, и я перевелась в С.-П[етербургское] Воронцовское на Очаковской улице подворье [...].

Убеждения мои ясны, они внешне выразились довольно ясно за последние 4 года с лишним. Начиная с 1927 года, т.е. с того

²⁵⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-77283, т. 4, л. 1202–1206.

момента, когда старая Патриаршая (Тихоновская) церковь раскололась на два лагеря, я примкнула к тому лагерю, вернее к той целостной истинно православной церкви, архипастыри, пастыри и настоящие последователи которой избрали путь свержения существующей мирской власти и восстановления монархии.

По своей малой образованности мне политическая сторона дела нашей истинно православной церкви вполне ясно не представлялась. Когда наши архипастыри, пастыри и активно стоящие на защите истинно православной церкви все ревнители ее объединились в большую и казалось непобедимую организацию, противопоставившую себя существующей мирской власти, мне представлялось все в таком свете — и я в этом убеждена до настоящего времени, — что вести борьбу необходимо вплоть до принятия мученического венца со всякой силой, которая направлена против церкви Христовой. Мне трудно судить о том, что есть ли существующая власть от Бога или она не от Бога, но уверена, что Бог допустил эту власть, чтобы верующих в Него испытать, насколько они тверды. Зачем именно Богу устраивать всякие испытания, когда Он и без того имеет представление довольно ясное о каждом человеке, судить не смею. Каждому человеку дано свое. Так вот оно вышло и с нашей церковной организацией и мирской властью. Подразумеваемая отдельных нас людей под нашей организацией, сплоченных общими идеями и стремлениями, ничего не вижу противоречивого, если мы (организация) преследовали одни цели, а мирская власть — другие. Так оно и должно, по-моему, быть. Между властью и вообще православной церковью ничего общего быть не должно и не могло. В истории церкви были и такие времена (крестовые походы), когда христиане с оружием в руках шли (с военным оружием в руках) против неверных и убивали их без всякой жалости. Значит, так было Богу угодно. Если наша церковная организация решила пойти на свержение существующей власти, и, стало быть, так же с допущением неизбежных кровопролитий, то это было бы безусловно лишь во благо святой православной единой апостольской церкви, а потому — это была насущная задача. Если же

не удалось осуществить своей цели нашей организации, то, очевидно, так должно было быть. Стоять же за веру Христову необходимо, иными хотя бы средствами, без кровопролитий, но нужно. Какими средствами? Считаю, что самое лучшее — разлагать существующую власть изнутри, постепенно, проникая в самые ее недра.

Господь всемогущ — проповедовать в каких угодно условиях имя Господне, и настанет такое время, когда расточатся «враги» Его, т.е. отойдет в область преданий безверие и рассыплется существующая власть — это ужасное страшилище, от которого мне самой пришлось скрываться целых три года [...].

В 1927 году я, будучи игуменией Очаковского (Воронцовского) подворья, сразу же, как только появились происки существующей мирской власти в виде декларации митрополита Сергия, отмежевываясь от примкнувшего к митрополиту Сергию духовенства и присоединилась к тем пастырям и архиереям, которые пошли за преосвященным митрополитом Иосифом Петровых. Монахинь Очаковского подворья было всего 40, а за мной пошли только 12 сестер. Бывала я тогда в Старо-Ладожском подворье и в его монастыре и в некоторых других монастырях, приходилось высказывать, где было можно, свои взгляды и тем самым укреплять истинную православную церковь. Скрываясь от мирской власти, жила в дер. Орлово Холмского уезда Псковской губ. в доме крестьянина Василия Гаврилова и в Ленинграде была только наездами. Была однажды (17 мая 31 г.) в Озерках, на Поклонной горе, 15 у монахини Рыжковой Евдокии Степановны (в ссылке на 3 года) и др. В это самое время приехали люди из ГПУ, и чуть было меня не арестовали. Около дома имеется отхожее место, и к моменту прихода этих людей я была там; ушла из этого места, переночевала эту ночь на Озерковском кладбище, на завтра пришла к своему брату Сергею Васильевичу Романенко (Ленинград, Рыбинская ул., 7, кв. 83) и сразу же уехала опять в деревню.

За все это время, т.е. в период нелегального моего существования бывала я в следующих местах: на Троицкой улице у монахини Гавриилы Огурцовой, в Сретенской церкви, что на Варваринской

улице, на Б[ольшой] Охте — Конторская ул., на Большом проспекте (Петроградская сторона), дом 72, кв. 51 у проживавших там монахинь не бывала, но зато бывала в Иоанновском женском монастыре. Принимала там участие в тайных постригах в монашество.

В комнате у монахини Платониды постригала в монашество:

Ксению Чиркину (монашеское имя получила Никодима)

Татьяну Баталину (монашеское имя получила Флавиана)

Елену (монашеское имя получила Селафиилы).

Постриги совершал архимандрит Клавдий из Киевского подворья (находится в концлагере)²⁵⁶. Иеромонаха Митрофана и иеромонаха Филарета, которые окормляют верующих, служа литургию, и, совершая требы на частных квартирах, знаю хорошо, но где они проживали, и где в настоящее время находятся, не имею представления.

Записано с моих слов правильно и мною прочитано.

Вероника Николаевна Романенко.

Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ф. архивно-следственных дел, д. П-77283, т. 2, л. 15–17. Подлинник.

²⁵⁶ Архимандрит Клавдий (Савинский) был арестован и расстрелян в 1942 г. в блокадном Ленинграде.

*Торопецкий Благовещенский женский монастырь.
Фотография начала XX века*

Орловский Введенский женский монастырь

Глава VIII

Инокния Екатерина Духонина

Преданной духовной дочерью святого праведного Иоанна Кронштадтского почти 20 лет была писательница Екатерина Васильевна Духонина. Она родилась 19 февраля 1844 г. в дворянской семье и еще в молодости — в 17 лет — вышла замуж за офицера Михаила Лаврентьевича Духонина (1837–1895), героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Он в 1855 г. закончил 2-ой кадетский корпус, в 1862 г. — Николаевскую академию Генерального штаба с серебряной медалью и в 1869 г. удостоен чина полковника.

Так же, как и ее супруг, Екатерина Васильевна участвовала в русско-турецкой войне, в частности, работала сестрой милосердия при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии VIII армейского корпуса в местечке Кредо, вблизи Бухареста. В этой же дивизии воевал и ее муж, служивший командиром 55-го Подольского пехотного полка (с 1873 г.). При героической обороне Шипки Михаил Лаврентьевич был ранен в руку, голову и контужен, а Екатерина Васильевна выхаживала его после ранения. За проявленное мужество полковник М.Л. Духонин 16 июня 1877 г. был награжден Георгиевским орденом IV степени, золотым оружием и чином генерал-майора. После окончания войны Екатерина Васильевна в числе шести наиболее отличившихся при оказании помощи раненым на поле боя сестер милосердия была награждена особой серебряной медалью «За храбрость». Позднее она описала эти события в книге «Мирная деятельность на войне. Записки сестры милосердия, находившейся при дивизионном лазарете 14-й пехотной дивизии в войну 1877–78 гг.», напечатанной сначала в «Русском Вестнике» за 1882 г. (№ 6 и 9), а затем отдельной книгой в Москве в 1894 г. В годы войны Е.В. Духонина стала крестной матерью сироты турчанки Марии Турчаниновны Кексгольмской, которую привезла с собой в Россию, фактически удочерив ее.

Муж Екатерины Васильевны сделал блестящую карьеру, дослужившись до чина генерал-лейтенанта Генерального штаба. После окончания русско-турецкой войны он был назначен начальником штаба IV армейского корпуса (которым командовал знаменитый «белый генерал» Скобелев), а с 1882 г. служил начальником штаба

Варшавского военного округа. С 1885 г. М.Л. Духонин занимал должность коменданта г. Выборга и в 1887 г. по настоянию жены подал прошение о переводе в г. Орел командиром 36-й пехотной дивизии. Друзья и знакомые отговаривали их от этого шага, и, чтобы укрепиться в своем мнении, Екатерина Васильевна послала письмо о. Иоанну Кронштадтскому. Батюшка благословил перевод в Орел, состоявшийся в 1889 г., и служба там сложилась успешно.

19 февраля 1890 г. Е.В. Духонина впервые лично познакомилась с о. Иоанном в Москве, где в то время ее супруг занимал должность начальника штаба военного округа, и с тех пор стала духовной дочерью Кронштадтского чудотворца. В 1890–1895 гг. Екатерина Васильевна жила в Минске, так как муж служил там командиром корпуса, но 17 декабря 1895 г. она овдовела после 35-летнего брака (Михаил Лаврентьевич Духонин был похоронен в Москве). Именно тогда у Е.В. Духониной впервые появилось желание уйти в монастырь, но о. Иоанн не благословил ее в то время на постриг.

При этом Кронштадтский пастырь постоянно духовно окормлял Екатерину Васильевну. Так 10 апреля 1898 г. она получила от отца Иоанна письмо, отметив в своем дневнике: «... пишет, что прочитал мое письмо и вознес глубокую благодарность Господу за то, что он так исправил и укрепил меня, и нравственно, и физически; пишет, что молил и будет молить Господа, чтобы и впредь это так было, подписался дорогой батюшка так: “Уважающий тебя о Господе Иоанн Кронштадтский”»²⁵⁷.

Первое время после смерти супруга Екатерина Васильевна проживала в Могилеве в своем доме вместе с крестницей Марией Турчаниновной Кексгольмской и ее сыном. Затем Е.В. Духонина переехала в Москву, где жила до начала 1903 г., проводя каждое лето в Орловском Введенском женском монастыре.

Весной 1903 г. по приглашению о. Иоанна Е.В. Духонина впервые посетила Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге, позна-

²⁵⁷ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 23.

комилась с образом жизни его насельниц и игуменией Ангелиной (Сергеевой). 13 февраля батюшка написал своей духовной дочери: «...решай сама, как тебе поступить в нашу обитель, когда и на каких условиях»²⁵⁸.

С 5 марта до апреля 1903 г. Екатерина Васильевна жила при Иоанновском монастыре, затем как обычно уехала на лето в Орловскую Введенскую обитель, с настоятельницей которой — игуменией Антонией — была очень близка. В начале октября 1903 г. о. Иоанн послал Е.В. Духониной, пребывавшей в то время в Орле, письмо с приглашением постоянно поселиться в Санкт-Петербурге: «Дорогая Екатерина Васильевна, милости прошу пожаловать в мой монастырь для водворения в оном или для житья при обители»²⁵⁹.

Получив письмо 7 октября, Е.В. Духонина вскоре выехала в Санкт-Петербург, прибыв в обитель 16 октября. С этого времени она более пяти лет прожила в Иоанновском монастыре, вплоть до смерти батюшки. 17 октября 1903 г. отец Иоанн благословил ее заведовать недавно построенным домом для живущих при обители. Неоднократно приезжала Е.В. Духонина и в Вауловский скит Иоанновского монастыря. В частности, в июне 1908 г. она писала в своем дневнике: «На днях [13 июня] поехала в Ваулово, где теперь находится Батюшка, его племянница А.С. Орнатская»²⁶⁰. При этом Екатерина Васильевна по-прежнему проводила каждое лето в Орловском Введенском монастыре.

В начале февраля 1905 г. Е.В. Духонина сообщила о тяжелой болезни, а также об улучшении состояния здоровья отца Иоанна настоятельнице этой обители игумении Антонии, вскоре отправившей батюшке письмо, в котором говорилось: «Как много горя принесли всем нам, Вашим почитателям, недобрые вести о Вашем бывшем нездоровье. Казалось, что Вы оставите нас скоро, и эта мысль ужасала всех нас. Но Господь умилился над нами и послал Вам облегчение, хотя, быть может, оно временно, но, тем

²⁵⁸ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 107–108.

²⁵⁹ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 129.

²⁶⁰ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 320.

не менее, утешило нас, и вот я спешу выразить Вам, Досточтимейший Батюшка, нашу о сем радость. Благодарим Господа и Матерь Божию, что услышана молитва кого-то из молившихся за Вас! Спаси Вас Господи, Родной Батюшка, за всегдашнюю память о нашей обители и за присылаемое Вами благословение чрез Екатерину Васильевну Духонину. Она передает нам его, и в настоящее время все мы, сестры нашей обители, припадаем к стопам Вашим»²⁶¹.

Вопрос о выборе монастыря решался Е.В. Духониной очень не просто. В письме к отцу Иоанну от 30 июня 1905 г. игумения Антония отмечала: «И затем, не смея вмешиваться в Ваши о Екатерине Васильевне распоряжения, решаюсь сказать, что желалось бы, чтобы она была у нас, хотя и чувствую приближение конца моей жизни, но если меня и не будет, я предлагаю свою келью, где она всегда у нас останавливалась, и где после меня будет жить; жившие со мной монахини, любящие ее искренно, почему могут ее успокоить, не стесняя, конечно, ее, имея особое помещение. Можно, в этом случае, ожидать пользы душе ее, так как обитель наша ей по духу!». Ответа от Кронштадтского пастыря игумении не последовало. Из дневника Е.В. Духониной видно, что она несколько раз просила отца Иоанна ответить на это письмо, но безрезультатно²⁶².

В феврале 1904 г. Екатерине Васильевне исполнилось 60 лет, и на слова, что ей, видимо, недолго осталось жить, о. Иоанн возразил, повторив несколько раз — тебе 50 лет, а не 60. Мысли о монашеском постриге не оставляли вдову. При этом следует упомянуть, что после смерти мужа Е.В. Духониной была назначена большая пенсия, которую она теряла в случае принятия в число сестер монастыря и совершения монашеского пострига.

На вопрос о принятии пострига отец Иоанн в письме Екатерине Васильевне от 8 октября 1908 г. написал: «...Ты просишь меня выразить решительную волю мою касательно твоей духовной участи, т[о] е[сть] пострижения в рясу и в схиму; но я здесь не имею

²⁶¹ ЦГИА СПб, ф. 2219, оп. 1, д. 7в, л. 16–16 об.

²⁶² Духонина Е.В. Указ. соч. С. 199, 202, 219.

своей воли, тут воля монастырского устава и воля митрополита, а не моя. Я не изучал монастырского устава и невежда в нем, а потому и тебя учить не могу. Прошу тебя, дорогая Е[катерина] В[асильевна], поговори о своем монашестве поподробнее с Владыкой Митрополитом»²⁶³.

Такая беседа действительно состоялась. О своем посещении митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского) Е.В. Духонина записала в дневнике: «Была осчастливлена его любезным приемом и сердечным отношением к моей просьбе; поклонилась ему в ножки и попросила у него благословения поступить в Иоанновский монастырь и принять постриг. Он так участливо спросил: “— А как же вы расстанетесь с пенсией?” Я стала просить его похлопотать, чтобы ее оставили, Владыка был так милостив, что обещал похлопотать... и при этом прибавил: “Неужели Вы думаете, что монашество больше спасает? Для Господа все равно. Напишите прошение игум[ении] Ангелине, а она пусть подаст его мне”»²⁶⁴. Однако в дальнейшем митрополит Антоний благословил Е.В. Духонину жить, как и прежде, при Иоанновской обители без пострига.

Весь период своего общения с духовным отцом Екатерина Васильевна вела дневник, записывая в нем все встречи с батюшкой. В последней записи, датированной 20 декабря 1908 г., описывались события, связанные со смертью Кронштадтского пастыря. В 1907 г. в Санкт-Петербурге была издана книга Е.В. Духониной «Из моих воспоминаний об отце Иоанне Кронштадтском (1895–1907)», а в 1911 г. в столице вышла еще одна ее книга «Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери)», сразу ставшая известной и читаемой широкой публикой.

В 1909–1917 гг. Екатерина Васильевна в основном проживала в Москве и в Орловском Введенском монастыре, однако регулярно навещала жившую в Могилеве свою крестницу Марию

²⁶³ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 324–325.

²⁶⁴ Духонина Е.В. Указ. соч. С. 285.

Кексгольмскую. Е.В. Духонина и ее крестница могли быть свидетелями событий, связанных с трагической гибелью 20 ноября / 3 декабря 1917 г. в Могилеве своего родственника — исполнявшего обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией генерал-лейтенанта Николая Николаевича Духонина, убитого революционными солдатами.

После Октябрьского переворота 1917 г. Е.В. Духонина все-таки стала послушницей Иоанновского монастыря, где, по некоторым сведениям, была вскоре пострижена в рясофор. Интересные данные о пребывании сестры Екатерины в стенах монастыря на набережной Карповки содержатся в следственном деле служившего в храмах обители протоиерея Иоанна Давидовича, которого 11 сентября 1919 г. арестовали за «ведение контрреволюционного разговора» в поезде.

Постановлением Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии от 11 октября 1919 г. священник был признан виновным, но из-под стражи освобожден с зачетом предварительного заключения. На допросе 12 сентября отец Иоанн Давидович показал, что 7 сентября 1919 г. ему исповедовалась «генеральша» Духонина — автор известных духовных произведений. Ранее она жила на пенсию, выплачиваемую за покойного мужа, но после революции не получала ее. Сын Екатерины Васильевны был убит (вероятно, речь шла о сыне крестницы), а сама она, став послушницей монастыря, судя по всему, продолжала писать личные записки — воспоминания (к сожалению, они не сохранились). Сестра Екатерина подарила протоиерею Иоанну Давидовичу, как почитателю отца Иоанна Кронштадтского, свой дневник с записями о встречах с батюшкой²⁶⁵.

Е.В. Духонина также переписывалась со своей крестницей Марией Турчаниновной Кексгольмской, которая до 1922 г. продолжала жить и работать в Могилеве главным врачом в местном доме призрения, построенном в дореволюционный период на ее личные средства.

²⁶⁵ АУФСБ СПб ЛО, ф. арх. — след. дел, д. П-34027, л. 12.

Имя инокини Екатерины Духониной присутствует в сохранившихся в архиве списках насельниц Иоанновского монастыря за 1918–1920 гг. и далее исчезает. Вероятно, она скончалась в стенах обители во второй половине 1920 или начале 1921 гг. (в возрасте 76 лет) и была похоронена на монастырском участке Серафимовского кладбища Петрограда.

Документы инокини Екатерины Духониной

№ 1

Письмо о. Иоанна Кронштадтского Е.В. Духониной. 2 ноября 1902 г.

Екатерина Васильевна, Божие благословение тебе, дорогая раба Христова. Мой сердечный поклон.

Протоиерей Иоанн.

Духонина Е.В. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери). М., 1998. С. 103.

№ 2

Телеграмма о. Иоанна Кронштадтского Е.В. Духониной. 9 декабря 1902 г.

Шлю благословение, уведомляю вас, что освящение церкви [Святых Двенадцати Апостолов в Иоанновском монастыре] будет 17-го декабря, прошу пожаловать, билет получите здесь.

Протоиерей Иоанн Кронштадтский.

Духонина Е.В. Указ. соч. С. 104.

№ 3

Письмо о. Иоанна Кронштадтского Е.В. Духониной. 13 февраля 1903 г.

Дорогая сестра о Господе, Екатерина Васильевна!

Шлю тебе сердечное благословение и такое же желание тебе доброго здоровья и душевного мира. Слышал я, что ты нездорова и непокойна. Молю Бога о даровании тебе здоровья и благодушия.

Матушке игуменье Антонии шлю мой сердечный поклон и выражаю великую благодарность за драгоценные ее ко мне письма. Когда выздоровеешь, Е[катерина] В[асильевна], приезжай в мой [Иоанновский] монастырь и познакомься с настоятельницей Ангелиной, с образом жизни наших монахинь, и решай сама, как тебе поступить в нашу обитель, когда и на каких условиях. Я здоров Божью милостию.

Протоиерей Иоанн Сергиев.

Духонина Е.В. Указ. соч. С. 107–108.

№ 4

Письмо о. Иоанна Кронштадтского Е.В. Духониной. Начало октября 1903 г.

Дорогая Екатерина Васильевна, милости прошу пожаловать в мой [Иоанновский] монастырь для водворения в оном или для жития при обители.

Духовный отец Иоанн Сергиев.

Духонина Е.В. Указ. соч. С. 129.

№ 5

Письмо о. Иоанна Кронштадтского Е.В. Духониной. Первая половина февраля 1905 г.

Добрейшая сестра о Господе, Е[катерина] В[асильевна]!

Благодать Божия и мир да будут с тобою. Ничего иного столь нужного не нахожу писать тебе, как приучить себя и тебя затвердить христианскую азбуку о любви к Богу и к ближнему. Изучение и восприятие этой азбуки умом и сердцем и всем помышлением спасет меня и тебя и удостоит лицезрения Божия на небе. Это занятие всего лучше подготовит к смерти, которая не за горами, а за плечами, по пословице.

Мое здоровье день ото дня делается лучше, милостию Божией. Аппетит самый здоровый, силы возвращаются и сон хороший. Приехать ко мне благословляю тебя, с радостию приму твою милость²⁶⁶.

²⁶⁶ Е.В. Духонина побывала у о. Иоанна в Кронштадте 16 февраля 1905 г.

Ваш смиренный Богомолец, Протоиерей Иоанн Сергиев.

Духонина Е.В. Указ. соч. С. 174.

№ 6

Письмо о. Иоанна Кронштадтского Е.В. Духониной. Начало марта 1907 г.

О Христе возлюбленная дочь моя, Екатерина Васильевна!

Получил сейчас сердечное длинное письмо ваше, прочел и считаю долгом немедленно отвечать вам, чтобы не томить ожиданием. Прежде всего, благодарю вас за истинно родственные, святые ко мне чувства, которые Господь вложил в сердце твое, а затем за то доверие ко мне как к священнику, коим вы удостоиваете меня: так ли я живу? Чтобы ответить вам на этот вопрос, я возьму из вашего письма слова, которыми докажется, что ты (или вы) живете по воле Божией и для собственного вашего великого блага — для вечности. Вы сами пишете мне, что вам в [Иоанновской] обители нашей благо, мирно, удовлетворенно, что вы живете как бы на каком-то оазисе; кругом бури и волнения, но они вас не касаются, и — слава Богу! Вы, значит, в тихой пристани. Чего же и желать лучше? Где Вы в мире или в другом месте найдете такое неоцененное благо? — Не Сам ли Господь указал вам эту пристань душевную, а если так, то и живите в ней до скончания вашего тихого жительства; по примеру других наших инокинь, княгинь и княжен, или великой княгини нашего времени Александры Петровны вручите себя совсем Христу, приняв обет всецелой Ему преданности себя и приняв иноческое пострижение. Имуществом распоряжайтесь по вашему доброму усмотрению; — болезни различные великодушно переносите как крест, посланный вам от Бога для очищения грехов и для обучения терпению. Сказано, — терпением вашим спасайте души ваши [Лк. 21, 19], — без терпения никто не спасется. Если совет мой примете, то распорядитесь собою, своим достоянием, не откладывая надолго, ибо час воли Божией неизвестен. Не сегодня, завтра, послезавтра раздастся глас: Се Жених грядет, придите в сретение Его [Ср.: Мф. 25, 6].

Ваш покорный слуга и смиренный молитвенник, грешный иерей Иоанн Сергиев.

Духонина Е.В. Указ. соч. С. 283–284.

№ 7

Письмо о. Иоанна Кронштадтского Е.В. Духониной. 4 марта 1908 г.

Дорогая, высокочтимая Е[катерина] В[асильевна]! Благодарю за ваши сердечные письма, дышащие верою и благодарностью к Богу. (Со своей стороны я не достоин того, что вы мне приписываете.) В вашем последнем письме мне нравится особенно та черта, что вы желаете и молитесь Богу любить врагов все равно как друзей. Это чисто по евангельски, тут и мне урок, ибо я человек с немощами. Желаю вам провести Великий пост в борьбе с ветхим человеком [Еф. 4, 22; Кол. 3, 9], который крепко сидит и работает. Дай Бог выйти из борьбы победительницей с помощью благодати Христовой.

Ваш смиренный Богомолец Протоиерей Иоанн Сергиев.

Духонина Е.В. Указ. соч. С. 315.

№ 8

Письмо о. Иоанна Кронштадтского Е.В. Духониной. 8 октября 1908 г.

Достопочитаемая и возлюбленная о Христе сестра Екатерина Васильевна! Письмо твое от о. Иоанна Николаевича Орнатского получил и сейчас же прочел. Благодарю тебя за дорогие, дышащие любовью, слова. Ты просишь меня выразить решительную волю мою касательно твоей духовной участи, т[о] е[сть] пострижения в рясу и в схиму; но я здесь не имею своей воли, тут воля монастырского устава и воля митрополита, а не моя. Я не изучал монастырского устава и невежда в нем, а потому и тебя учить не могу. Прошу тебя, дорогая Е[катерина] В[асильевна], поговори о своем монашестве по-подробнее с Владыкой Митрополитом [Антонием (Вадковским)]. Что же касается до моего здоровья, то оно колеблется: то лучше, то хуже, смотря по погоде. И после причащения Святых Таин я всег-

да делаюсь иным человеком, — и здоровым и голосистым и хорошо настроенным, и причащаю охотно народ.

Благодарю Господа за все это. Старик я 79 лет, а милостию Божиего еще живу и пою Господу, хотя слабо.

Твой Богомолец и духовный отец, Протоиерей Иоанн Сергиев.

Духонина Е.В. Указ. соч. С. 324–325.

*Приложение.
Статьи монахини
Анастасии (Платоновой)
о святом праведном Иоанне Кронштадтском*

СОКРОВЕННЫЙ СЕРДЦА ЧЕЛОВЕК

В лучах тихого света Правды Христовой протекает жизнь христианина.

Увлеченные суетой жизни, ее громким, разноязычным шумом, ее пестрыми красками, мы часто или забываем об этом, или не замечаем этого.

И вот, от времени до времени является настойчивая потребность уйти, так сказать, и от внешней жизни, и от самого себя в сокровенную глубину своего духа, чтобы там поставить себя и свою жизнь и жизнь окружающих под эти благодатные лучи, озарить ими глубины жизни, дать себе отчет: как жить, куда идти, чтобы «не бесплоден был в нас крест Христов».

У нас это бывает редко; обычно мы заглушаем в себе как эту, так и другие потребности нашего духа.

Но вот перед нами тот, который развил красоту своей богоподобной души до возможных для него пределов, кто, прислушиваясь к тихому, но властному Божественному призыву, звучащему в глубине совести всякого человека, шел на этот призыв, кто учился самопознанию на великих творениях Отцов Церкви, Учителей покаяния и смирения, — и вот плод его многолетнего духовного подвига: «Моя жизнь во Христе».

Разумеется, эта книга известна каждому, кто знает и чтит отца Иоанна. Отдельные мысли, которыми переполнена она, можно читать и перечитывать каждый день, и всегда они кажутся одинаково свежими, точно новыми; никогда не утрачивают своей силы. Напротив: иногда прочитаешь одну — две мысли... и хочется закрыть книгу, потому что прочитанное дает содержание

и настроение на целый день. Это, вероятно, по опыту знают многие.

Но вот что иногда как-то поражает и заставляет точно замирать сердце: не день, не месяц длилось у человека такое благодатное настроение, такое созерцание, такое самоуглубление; целая жизнь прошла так, целая жизнь протекла в непрерывной духовной борьбе, в непрерывном познании своей человеческой немощи, своей греховности, своей полной беспомощности, и в непрерывном же ощущении скорой помощи от Господа, Его великих милостей, Его бесчисленных и бесконечных чудес... Вся жизнь протекла во Христе.

И без Христа, без Которого люди обходятся иногда целыми годами, этот человек не мог помыслить себя ни на один миг.

Мы все, конечно, верим, все молимся, у каждого есть, так сказать, свой личный внутренний опыт Богопознания... Но как слаб этот опыт у огромного большинства из нас, как неустойчива вера, как робка молитва по сравнению с тем, кто всегда, следуя апостольскому завету, жил «сокрытой во Христе жизнью в Боге!»

Мы минуты отдаем Богу, на минуту касаемся риз Христовых, и в эти минуты мы постигаем как-то всем существом своим великий смысл жизни; девять десятых нашей жизни мы «бродим по распутьям мира», скучаем, томимся, раздражаемся, падаем, сознаем свое падение и бессилие подняться, приходим в уныние и т.д. без конца...

О. Иоанн жил во Христе всем своим существом, перед Ним проверял всякую свою мысль, Ему исповедовал всякое свое согрешение, с Ним беседовал в той непрестанной «умной молитве», которая была обычным состоянием его души.

И потому так прекрасна, так необыкновенна была его жизнь: вся она была одухотворена, вся она была озарена светом вечности, вся она была раскрытием тех глубин человеческой души, в которых живет «сокровенный сердца человек», человек, навсегда сочетавшийся с Богом...

И постепенно воспитывая в себе этого «внутреннего человека», о. Иоанн лелеял и воспитывал его и в других.

С именем его, жившего постоянно в миру, возвращавшегося среди людей, связано возникновение не одного храма на св. Руси, не одной женской обители.

Не потому ли, что нигде так полно, как в храме, не созревает наш внутренний человек, и нигде с большим удобством, чем в обители, нельзя достигнуть того отрешения от мира, того полного «сочетания Христу», которое является сущностью христианской жизни?

Это невольно вызывает, конечно, жгучий — особенно в наши дни — вопрос о сравнении двух форм жизни — мирской и монашеской: которая из них, так сказать, выше, которая полнее?

В настоящее время, как известно, приходится часто слышать резкое осуждение идеи монашества.

«В наши дни, — читаем в одном из обличений монашества, — многие вздыхают о первобытном, светлом и радостном христианстве... но кто стер радость с лица христианства и тем изменил его облик в аскетическом стиле? Монашествующие принесли с собой в недра христианской общности дух пустыни, отречения от радостей жизни и сумели религию жизни превратить в вечный помысл о смерти».

Первобытное, светлое христианство. Что понимать под этим?

Ведь это не то розовое сентиментальное настроение, которым проникнуты книги Ренана... Ведь, если первобытное христианство было особенно радостно, особенно светло, — как справедливо замечают защитники монашества (Церк[овный] Вест[ник] № 25), — лишь потому, что оно было наиболее аскетично, наиболее проникнуто духом подвига и самоотречения.

Думается, резкое осуждение идеи монашества происходит от того, что многие теперь склонны подвиг христианской жизни считать очень уж легким.

— Чего ради, — говорят, — уходить от мира, когда церковь сама благословляет мирские радости, семью, брак, словом, все чистые человеческие переживания?

Христианство благословляет. Но разве не призываются в помощь брачующимся св. мученики, как они призываются в помощь

принимающему сан диакона или иерея? Разве древняя Церковь, когда люди обладали более цельной душой, не внушала венчающимся именно в день свадьбы причащаться св. Тайн?

Все это открывает для вдумчивой христианской души такую глубину и высоту подвига, такую необходимость аскетизма в самом широком смысле слова, что жизнь далеко не представляется легкой, переполненной исключительно земными радостями.

Радость несомненно есть; но радость о Господе, радость от соединения с Господом, от сознания, что в своей маленькой жизни ты являешься как бы послушным орудием в руках Божиих, через которое Бог проявляет Свою волю, открывает Свое царство, дает светиться среди людей «мира сего» Своему вечному свету. Жизнь и в миру для истинного христианина есть, соответственно, подвиг «послушания».

В этом подвиге — и радость.

Но не это ли, в сущности, и радость монаха? Полнота жизни определяется, ведь, вовсе не тем, что человек должен пережить «всю гамму человеческих чувствований, ощущений и переживаний», а только тем, далек или близок человек от «всеисполняющего» Духа Божия.

С этой точки зрения жизнь в одинокой келье монаха, не знающего никакого дела, кроме молитвы да вязания четок, может быть гораздо полнее, чем жизнь человека, вкусившего все блага мира, с головой погруженного в общественную работу, в то же время утратившего нечто более дорогое, единственное, чем живет человек.

Инок отрекается от мира и «сущих в мире». Но не заповедано ли каждому христианину любить Христа больше отца и матери, жены и детей? А разве служение во Имя Христа, оказание братской любви и помощи живущим в мире запрещается иноку? Разве иеромонах, идущий под вражеские пули напутствовать воинов, монах-миссионер среди полудиких детей холодных снегов Сибири не делают великого Евангельского дела? Разве Святители Питирим, Иоасаф, Еρμοген и целый лик подобных им не выполняли

в самом служении своем миру заповеди Христовой любви, которая душу свою полагает за други своя? Разве монастыри, воспитывающие детей, призревающие сирот, дающие приют больным, несущие просвещение в темную крестьянскую среду, не служат обществу в самом широком смысле слова?

Все эти добрые дела есть, конечно, лишь естественное обнаружение того духа молитвы и любви, которым живет монастырь или отдельный инок, и центр тяжести лежит именно в этом настроении.

Если наши русские люди говорили, что «иноки — свет миру», то они разумели именно «внутреннего человека», который, развиваясь в условиях монашеских, достигает такой необычной красоты и просто тем, что он существует, говорит миру о действительности, реальности и другого, духовного мира. Потому-то, думается, и все основатели православного монашества, все подвижники христианства полагали первую заботу не во внешней организации монашеской жизни, — как это было и есть у католиков, а именно в создании истинного духа монашества, в создании того настроения человека, когда душа, обручившись Христу, уже ни на мгновение не разлучается с Ним.

Можно возражать против того или другого направления монашеской жизни, против состояния того или другого монастыря, но осуждать монашество в его основе, говорить против всего — невозможно. Невозможно уже потому, что оно — коренится в природе человеческого духа, оно есть проявление глубочайших и высочайших запросов человеческой души.

«Проповедь апостольская, — пишет почтенная игумения м[атушка] Таисия в своих письмах к новоначальной инокине, — имеющая целью распространение христианской веры на земле, сама собой сделалась и источником аскетического духа между верующими. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Небесный огонь, принесенный на землю Богочеловеком («огня приидох воврещи на землю, и что хочу, аще уже возгореся» — Лк. 12, 49), возгорелся в сердцах людей, воспламенил в них жизнь новую, оживотворил их

дух, подавленный чувственностью, и воскрешенная им свобода ума почувствовала потребность и силу воспрянуть от дольного к горнему».

Чем сильнее возгоралась эта искра, тем сильнее ощущалась потребность высвободиться от опутывающих душу тенет мирской жизни и предаться уединению для беспрепятственного внимания «единому на потребу».

К этому вниманию непрерывно призывал почивший батюшка о. Иоанн. Удивительно ли, что тем с большей радостью жертвовал он на нужды обителей, где все условия жизни способствуют выработке этого внимания? Удивительно ли, что и сам он с такой любовью, с такой радостью строил новые обители?

Женский монастырь на родине о. Иоанна — в селе Суре; Сурское монастырское подворье в Архангельске; в Петрограде Иоанновский женский монастырь; обширный Вауловский скит этого же монастыря в Ярославской губернии — все это создано о. Иоанном.

Известно, что о. Иоанн трогательно заботился о том, чтобы сестры в его обителях не терпели ни в чем недостатка; известно, что он сам, определяя в тот или иной монастырь новую «агницу Христову», делал за нее вклад; известно, что его монастыри не есть исключительно монастыри «созерцательные»: при женском монастыре в Суре есть школа; в 12 верстах — скит с церковью, где полное монастырское хозяйство; в Иоанновском монастыре в настоящее время лазарет для раненых воинов, приют для детей-сирот, временное убежище для несчастных детей-галичан...

Монастырскому просвещению о. Иоанн всегда придавал большое значение. Еще в 1897 году писал он матушке Таисии, игумении Леушинского монастыря, о своей, тогда юной, племяннице, воспитывавшейся под сенью этого монастыря: «Дай Бог, чтобы монастырская жизнь и монастырское воспитание в религиозном духе послужили для нее прекрасным началом последующей жизни, потому что жизнь в обители должна быть началом всякой добродетели, как для Пресвятой Девы Марии — воспитание в храме Иерусалимском».

Но все-таки значение монастыря вытекает не из того или иного внешнего служения миру; значение монастыря — в нем самом, в этой духовной жизни, которая развивается в нем и благодатными струями изливается из него в мир. И на эту жизнь и было обращено всегда главное внимание о. Иоанна.

«Не забываете, — говорил он сестрам обители, — для чего вы собрались и живете в обители: не для покоя и наслаждения телесного, не для сна и наслаждения пищей и питием..., а для трудов и подвигов молитвы, воздержания, труда телесного и духовного, для послушания, смирения, терпения и размышления о будущих вечных благах, уготованных любящим Бога в Царствии Небесном. “Наше житие на Небесах, — говорит Апостол, — откуда мы и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа”... Вы оделись черною одеждою в знак внутренней печали вашей о грехах, содеянных в мире, да и теперь содеваемых вами в обители... с другой стороны — это одеяние означает образ ангельского жития, воздержания, чистоты и целомудрия, смирения и послушания. Смотрите за собой — не скрывается ли под этой черной одеждой черное сердце, лукавые нечистые помыслы или злое, непокорное сердце, непокорная воля, неисправленный злой нрав. Ваше звание — иноческое требует «инога» склада всей внутренней и внешней жизни, чем была она, когда вы жили в мире и по своей воле... Приготовьте сердца ваши в жилище Богу — верою, любовью, кротостию, смирением, воздержанием, терпением, послушанием, чистотою, целомудрием, незлобием, всепрощением друг другу прегрешений, взиранием к небесным благам, непреходящим, неветшающим!» («Путь к Богу»).

Все проповеди о. Иоанна, обращенные к тем или другим сестрам обители, проникнуты именно этой мыслью о воспитании в себе духа Христовой любви, духа истинной молитвы; все они напоминают совершающим иноческий подвиг о сущности этого подвига, а всем, живущим в миру — о сущности вообще Христианской жизни, которая есть непрестанная борьба с «ветхим» человеком, непрестанное хождение пред Богом, сокровенная жизнь «со Христом в Боге».

Кронштадтский пастырь. 1914. № 50–52. С. 785–791.

ДЕРЗНОВЕНИЕ В МОЛИТВАХ О. ИОАННА

«Не может человек увидеть Меня и остаться в живых», — говорил Господь Бог Моисею. Нам понятно смущение человеческого сердца перед святыней величия Божия; нам понятен этот благоговейный трепет его, этот страх его перед Богом; понятно нам и то, почему народ еврейский не решился взойти на гору Синайскую, когда слава Господня облаком одела ее: боялись они, чтобы не поразил их Господь.

Все это понятно, все это для человека естественно. Но все это, по преимуществу, настроение человека подзаконного, человека ветхозаветного. С тех пор, как пришел на землю воплотившийся Сын Божий, с тех пор, как «Объятия Отча» раскрылись грешному человечеству Его искупительными страданиями и крестной смертью, Новый Завет установился у Бога с людьми, и такое дерзновение получила душа человеческая, что называет Бога своим Отцом, что предстоит Ему вместе с херувимами и серафимами и верит, и знает, что все, чего ни попросит от Бога, даст ей Бог, если просит она для славы Божией.

Близость к Богу, любовь к Нему, изгоняющая всякий страх, кроме страха нарушить волю Божию, — вот настроение христианина, и чем совершеннее христианин, тем любовь его к Богу чище, полнее, сильнее, тем его дерзновение пламеннее.

Немощные в вере, люди плоти, мы, однако, сердцем чувствуем, кто из ближних наших имеет дерзновение к Богу, кто живет в любви Его, кто как бы весь бывает осиян благодатью Его и эту благодать раздает другим.

К таким дерзновенным предстателям, к таким молитвенникам пред Господом безотчетно и неудержимо тянемся мы, у них учимся и сами тому, в чем должна протекать жизнь христианина, каковы должны быть правильные, истинно-христианские отношения между Богом и нами...

Одним из таких «дерзновенных» молитвенников был и о. Иоанн. «Дерзновение», детская простота сердца и детское же предстояние

перед Богом, живое ощущение близости к себе Господа, это так характерно для отца Иоанна.

«Прося Господа или Пречистую Матерь Божию, или Ангелов, или святых, нужно иметь такую веру, какую имел капернаумский сотник...

Воистину я верую с сотником, что если буду просить как должно и о чем должно какого-либо святого: подай сие — и подаст; приди ко мне на помощь — и придет; сотвори сие — и сотворит. Вот такую простоту и сильную веру надо иметь».

Такую веру и имел сам Батюшка, и этой верой нередко творил чудеса.

Когда читаешь его дневники, не можешь оторваться от этих строк, которые чаруют, прежде всего, именно тем, что проникнуты такой простой, такой сильной верой. Как для всех святых Божиих, Господь близок душе Батюшки; так близок, как будто бы он видит Его непрестанно сердечными очами; он как бы разговаривает с Ним, он исповедует каждый день, каждый час, каждую минуту исповедует пред Ним все свои грехи, сомнения, малейшие отклонения от путей Правды Его, он просит помощи Его на всякий шаг своей жизни, он благодарит Его за все Его бесконечные милости.

По молитве о. Иоанна творились чудеса. Но как сам он говорил об этих чудесах? Всем, наверное, известно хотя бы такое место из его дневника: «Некто, бывши смертельно болен воспалением желудка 9 дней и не получивший ни малейшего облегчения от медицинских пособий, — лишь только причастился на 9-й день по утру животворящих Тайн, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твердой верою. Я молился о нем Господу, чтобы Он исцелил его. “Господи, — говорил я, — исцели раба Твоего от болезни его. Достоин есть, ему же да си́я, любит бо священников Твоих и дары своя присылает им”. Молился и в церкви у престола Господня за литургией во время молитвы: “Иже общия сия и согласныя даровавый нам молитвы...” и пред самыми Тайнами. Я молился между прочим так: “Господи, Животе наш! Как мне помыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую бо-

лезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца. Исцели убо раба Твоего Василия от лютой его болезни и не допусти ему умереть, да не предадутся рыданию жена и дети его”, — и благопослушливый Владыка помиловал. А то был на волосок от смерти. Слава всемогуществу, благодати и благопослушеству Твоему, Господи!»

Представить себе только, что в течение всей своей долгой жизни Батюшка так просто, так дерзновенно беседовал с Богом.

Мы, люди с движущимися мыслями, лукаво-мудрствующие, обычно, прежде чем к Богу обратиться с молитвой, разбираемся в том: да исполнится ли наша молитва, услышит ли Господь, да, может быть, мы недостойны, чтобы Он слышал нас; может быть, надо не о том молиться... И т.д., и т.д. без конца.

А вот батюшка, как и святые Божии, молились иначе; думается, и нас другой молитве учат они: ведь человек искренно верующий не может, по словам апостола, «грешить», т.е. сознательно делать зло или просить у Бога помощи на злое дело. Ведь всякая наша молитва, чего бы мы ни просили — внешнего или внутреннего блага — только тогда настоящая молитва, когда мы просим чего-либо, имея, в конце концов, в виду славу Божию. Может ли не исполниться эта молитва? Может ли не выздороветь человек, когда мы просим его выздоровления для его духовного роста и для славы Божией? Может ли не обратиться к Богу грешник, за которого слезами исходит наше сердце? Может ли Господь ответить отказом нам, когда мы обращаемся к нему с верой сотника или жены-хананейки!

Такие великие служители Христовы, как о. Иоанн, как бы говорят нам: конечно, нет. Смотрите на нас и учитесь у нас дерзновению, детской любви к Богу и детской «смелости» в молитве. Вы можете падать, но верьте, что Господь восставит вас, если только вы верите, что Он может это сделать, — и ваше падение не будет препятствием в вашей молитве; вы можете ошибаться в своих желаниях, но Господь Отчески кротко, без всякой боли для вас, вразумит вас, только будьте искренни в отношении к Нему, только, молясь о чем-нибудь,

просите, чтобы это было по Его воле; словом, — молитесь по-детски просто, и вы будете услышаны и почувствуете это.

Это впечатление, которое остается после чтения мыслей и заметок того, кто жил апостольски «во Христе». И еще сильнее было это впечатление от «дерзновенной» молитвы Батюшки у тех, кто видел его в служении, кто видел его, Именем Божиим совершающим чудеса.

Игумен Георгий, эконом Полтавского Архиерейского дома, пишет в своих воспоминаниях о Батюшке, как однажды, проезжая через Вологодскую губернию, о. Иоанн остановился в одном селе и послал его, о. Георгия, к сельскому священнику попросить разрешения отслужить обедню. Отец Георгий через некоторое время вернулся, сообщив, что в селе никого нет. Тогда о. Иоанн велел ударить в колокол, а сам прошел в церковь. «Подходит ко мне, — пишет о. Георгий, — какой-то мужичок и удивляется, что монах звонит. Спросил меня, кто я. Я ему сказал и объяснил, что приехал Батюшка и желает отслужить обедню. Этот мужичок, — он сказался сторожем церкви, растерялся и не знал, что и делать от радости. И говорит: “Церковь я отопру, служите, но нашего батюшки нет, и в селе никого нет: все на пожар ушли”. Оказалось, здесь около трех месяцев не было дождя, и была сильная засуха. Мы пришли с Батюшкой в церковь, начали служить утреню. Народа — ни души, кроме тех, кто приехал с нами на пароходе. Начали обедню. Вдруг приходит местный священник, и до чего он был обрадован и благодарен такой неожиданности! Стал просить Батюшку помолиться о дожде. Батюшка согласился и, обратившись к народу, сказал: “Православные, давайте вместе молиться, чтобы Господь дал дождь”. Народу собралось уже полная церковь. Во время причащения стали находить тучи; я и говорю Батюшке: “Кажется, дождь собирается”. А он мне и отвечает: “Слава Богу! Верно, Господь услышал молитву православных”».

После обедни стало накрапывать, а затем, к неопишуемой радости народа, пошел и очень сильный дождь, который не прекращался целые сутки.

Как просто все в этом «чуде»! Просто и страшно, и радостно.

Страшит и радует именно то, что зрители этого и других бесчисленных чудес, совершенных по молитвам Батюшки, и все, читающие описание их, чувствуют, что в самом деле Господь так Отчески близок к нам, так ждет от нас именно сыновнего отношения к Себе, так, выражаясь по-человечески, поощряет наше «дерзновение» к Нему.

У нас в подавляющей массе нет этого дерзновения; точно преграда какая стоит между нами и Богом; преграда эта, конечно, нечистота нашего сердца, осознание нами нашей греховности. Но разве не должны мы чаще вспоминать, что «нет греха, побеждающего благодать Божию», разве в таинствах Покаяния и Причащения не даны нам силы порвать все преграды, стоящие между нами и небом, и разве мы, как и великие светочи Евангельской любви и Правды, не призываемся к сыновнему дерзновению перед Господом: «Дерзайте убо, дерзайте людие Божий...».

«Дерзать» надо, потому что только «дерзновенной» молитвой, полной веры в Бога и упования на Него, можем мы, каждый в отведенной нам области, бороться со злом, которое и в нас самих и вокруг нас.

«Дерзать» надо, потому что враг наш не спит, враг наш ищет, как бы уязвить сердце наше сомнением, унынием, тоской, маловерием, а «скорбь сердца — смерть сердца: она есть отпадение от Бога», — пишет тот же о. Иоанн.

Но если жить такой верой; если думать, что каждый твой шаг в руках Божиих, что вот ты вздохнул, и твой вздох уже слышен у Престола Божия; ты призвал на помощь того или другого святого, и он уже тут, близко; ты обратился к Богу, и Он уже готов сдвинуть всякую гору зла, мешающую тебе подойти к Нему, утишить всякие волны, как бы злы и свирепы не были они, — если жить так, то ведь — это уж слишком просто, легко! Тогда ничто, ни горечи жизни, ни самая смерть (ибо ее нет, а есть только переход в другую форму бытия) не страшны?! Тогда человеку слишком дано большое счастье... Так говорят люди, воспитанные на философских

теориях, на «мудрости мира сего», на литературе Андреева, Горького, Арцыбашева, для которых жизнь — проклятая стена, а Бог — только «некто в сером»... И терзаются, и мучаются, и не смеют, боятся поверить в близость того, что делает жизнь светлой, осмысленной, радостной. И хочется сказать им: да не бойтесь же, придите, посмотрите на тех, которые так верили, так «дерзновенно» молились, так жили перед очами Божиими: разве не они были творцами жизни, носителями всепобеждающей Правды и Любви, вестниками торжества духа, борцами со всякой тьмой, злом и насилием, и разве не они были для всех, знавших их, источником радости бесконечной?!

Старец преп. Серафим Саровский, Амвросий Оптинский, отец Иоанн Кронштадтский, — какие это были сыны света, обладатели радости!

Да и как ни радоваться сердцу, которое покоится в Боге и которое слышит как бы постоянно обращенный к нему голос Божий: — Я с тобой... Не бойся!

И всем около него бывает радостно.

Вот о. Иоанн кротко и радостно улыбается, когда его теснит народ, приветствует тех, кого узнает, всех благословляет, всем старается сказать ласковое слово, — и кругом него слышатся радостные восклицания: Радость ты наша! Дорогой ты наш!

Сколько вокруг нас врагов христианства, сколько умов, скептически относящихся к вопросам веры, к силе молитвы, к силе Таинств!..

И вот, чувствуя иногда какое-то сердечное смущение от натиска этих темных волн в духовной атмосфере, окружающей нас, хочется у гробницы великого молитвенника земли Русской молиться: для славы Имени Божия, для торжества Правды Христовой испроси и нам дерзновение пред Господом! Испроси нам сердце простое и детское! Испроси нам полное сыновнее доверие к Богу, испроси нам хотя бы часть того Духа, Который почивал на тебе! — И мы узнаем радость жизни, мы почувствуем себя сильными в борьбе со всяким злом!

Кронштадтский пастырь. 1914. № 36. С. 557–562.

ПАСТЫРЬ-РЕВНИТЕЛЬ

Опять 20-е декабря, опять день памяти отца Иоанна, и опять целый рой мыслей в голове, целый ряд отзвуков в душе, самых светлых, самых глубоких, самых святых воспоминаний, настроений и чувств пред этой для всех дорогой гробницей, увенчанной живыми цветами, озаренной сотнями свечей, омытой многими слезами и повитой тихой любовью, какой дышат церковные песнопения, не умолкающие здесь в течение всего этого дня.

«Дорогой батюшка», «Добрый батюшка», «светлый», «радостный» — все эти эпитеты сделались как бы постоянными для личности о. Иоанна.

«В нем над всеми отдельными его качествами царит, — говорил один священник, — его необычайная личность, чудесная гармония характера, особая нежность тонов и свежесть красок. Смотря на него, невольно вспоминаешь цветы Назарета, голубые волны Генисаретского озера, зеленые холмы Галилеи. Но это — гармония, в которой заглавная нота — пастырство».

Сколько раз уже сами пастыри Церкви провозглашали о. Иоанна «красой священства», «гордостью и отрадой своей», сколько говорилось о его необыкновенном пастырском служении!

Его иначе и представить себе нельзя, как стоящим «с кадильницей в руках между живыми и мертвыми», между Церковью торжествующей и Церковью воинствующей, где люди ежедневно, ежечасно, ежеминутно падают, согрешают, умирают духовно, — и он один из тех, которые за этих немощных предстоят Престолу Божию, приносят Жертву, в которой «горняя дольним совокупляются», и вместе с Ней приносят «скорби людей, плененных воздыхания, страдания убогих, нужды путешествующих, немощных скорби, старых немощи, рыдания младенцев, обеты дев, молитвы вдов и сирот умиление...».

«Пастырь-молитвенник» называли его еще при жизни по всей России и за границей... Это знаем, это помним мы все. Но не полезно ли нам, особенно в наши дни, помнить еще об одном качестве о. Иоанна, помнить о том, что он был не только «добрым и кротким»,

«светлым и радостным», но и гневным и строгим; не только вестником милосердия, но и вестником Страшного Суда Божия для нераскаянных грешников, для неверов, кощунников, изуверов; не только пастырем-молитвенником, но и пастырем-ревнителем, ревнителем о чистоте православной веры, о святине, врученной каждому христианину при Крещении, о высоте звания христианского, ревнителем о тех талантах духовных, которыми наделил Господь народ русский, делающий его «богоносным» и «достоянием Божиим».

«Ревность по Дому Твоем сдает меня!» — говорил пророк, и можно сказать, что эта святая ревность отличала великого Всероссийского Пастыря.

Это была ревность пламенная и искренняя, соединенная поэтому с великим смирением. О. Иоанн не принадлежал к тем книжникам и фарисеям, которые, возлагая на других людей бремена неудобноносимые, сами перстом не хотят двинуть их; но ежедневно и ежечасно исповедуясь перед Господом он прежде всего ревновал о достижении им самим идеала христианина и священника, а затем ревновал о чистоте, высоте и святости жизни других христиан.

«Господи, не дай мне возмечтать о себе, как бы о лучшем кого-либо из людей, но думать, как о худшем всех и никого не осуждать, а себя судить строго», — молился он, и так думал, и потому непрестанно боролся с собой. И какая это была борьба! «Служение мое Св. Церкви, совершение молитв и Таинств было не без преткновений, невидимые враги сильно боролись и пленяли меня, смущали меня, особенно при совершении Таинств, борьба была на жизнь и смерть, смерть духовную. Я каялся, плакал, побеждаемый, и получал прощение».

«Постоянно, — говорит он в другом месте своего дневника, — я должен воевать с собою, со своими похотями и прелестью врага и умерщвлять все страсти, считая их нелепыми, бессмысленными и пагубными...».

И так постоянно. И борясь всегда сам с собой, он дерзновенно боролся со всеми видами греха и прелесть, как только они проявлялись в человеке.

«Ужасно, невообразимо растлена природа человеческая всякими грехами, такими, о которых и говорить стыдно, и больно, и страшно. Мы, священники-духовники, знаем это больше, чем кто-либо другой... Нет такой греховной нелепости и мерзости греха, в какую бы не впал человек!..» — пишет о. Иоанн в своем дневнике и рисует картину человеческих беззаконий, напоминающую картину жизни Содомы и Гоморры или римского общества по свидетельству ап. Павла. И какое же у него отношение ко всем нечестиям, ко всем мерзостям жизни?

Учитель покаяния, с какой другой проповедью мог обратиться он к этим обремененным грехами своим духовным чадам, как не с призывом к чистосердечному раскаянию, к сокрушенному плачу, к твердой решимости бросить все скверное и гнусное и отдать сердце свое Богу. «Приблизьтесь к Богу, и приблизится к Вам!», — напоминал он грешникам. И указывал на царя Давида, на Манасию, на апостолов Петра и Павла, на блудницу, блудного, на разбойника благоразумного, на Марию Египетскую. От великой любви и жалости, переполнявшей его пастырское сердце, рождались в нем эти горячие проповеди, эти апостольские призывы к покаянию... Но эта же истинная Христова любовь рождала и другие слова в его сердце, рождала слова угрозы Судом Божиим тем, которые безрасудно попирали слова Господни, которые сознательно возвращались к своим грехам, которые смешивали «Христа и велиара», которые и после неоднократного проявления над ними милосердия и долготерпения Божия продолжали коснеть в неверии, в богохульстве и греховной нечистоте!

И походил в это время о. Иоанн на великого Предтечу Господня, о котором писал, что любит его за «кроткую, но и грозную и решительную проповедь», и сам, обращаясь к этим ослепленным гордыней ума, ложной мудростью мира или похотями плоти, говорил, как пророк, грозно и решительно: «Теперь вы укрываетесь от суда человеческого и от своей совести и безнаказанно творите беззаконные дела... но там, не утаится ни один помысл... На всемирном этом гумне (в день Страшного Суда) лопата вывезет всю мякину

и сожжет огнем неугасимым, а пшеницу соберет в житницу небесную. Итак, пусть неправедный творит неправду еще, скверный да осквернится еще, а праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще. Се гряди скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его (Ап. 22, 12). Что вы станете делать, неверующие, неготовые, растленные до мозга костей, когда постигнет вас Страшный Суд Божий?»

Таких слов, таких вопросов можно было бы много найти в дневнике и проповедях о. Иоанна, и сколько раз с ними обращался он к тем, которые стоили этого обращения?!

Для него не могло быть двух истин, для него не могло быть никакого общения «света со тьмой», «Христа с велиаром». Он любил, жалел и звал ко Христу самого отчаянного грешника; бездна зла не страшила его, но подмены истины ложью, Христа антихристом не выносило его чистое, благодатное сердце. Тогда загоралась в нем святая ревность, ревность, о недостатке которой в современных ему верующих людях скорбел он, ревность, которой мало и у нас, и которую он завещал нам так же, как и свою любовь ко Христу.

Да без ревности и нет этой любви. Если нам все равно, будут славить Христа или предавать поруганию, если нам все равно, будет расти православная Церковь или будут расхищать ее еретики и сектанты, если нам все равно, прославляться или хулиться ради нас, ради нашей жизни, будет имя Божие, то мы не христиане. Мы — соль, потерявшая силу, которая никуда не годна. И напротив, если мы искренно верим и сознательно носим звание христиан, мы ревниво будем оберегать святыню нашей веры, нашей души ото всего, что не Христово, чуждо Ему, противно Его заповедям. Мы над собой, прежде всего, будем бодрствовать, как неустанно бодрствовал почивший пастырь, а потом будем непрестанно молиться, чтобы дано нам было ясное осознание, умение и в жизни, и в людях отличать Дух Христов от духа зла, и ревностно будем оберегать тех, кто слабее и меньше нас, от всего того, что идет не от Христа, а от враждебных Ему сил. И прежде и больше всего будем ревновать о чистоте жизни христианской.

Как необходима эта ревность в наши именно дни, дни лукавые, дни, когда наряду с проявлениями веры, героизма, любви, напоминающими первые века христианства, проявляется и такое растление духа, такая полная утрата нравственного чутья, такое извращение религиозной мысли, что вспоминаешь Апостола, называвшего подобного рода людей людьми с сожженной совестью.

«Сожженная совесть...». Надо вдуматься в страшный смысл этих слов, чтобы холодом вечной смерти, ужасом повеяло от них.

А между тем, сколько в наши дни людей, о которых ничего другого не скажешь, кроме того, что они обладают сожженной совестью, и только этим можно объяснить себе их темные деяния, их кощунственные выходки против Бога и Церкви, их наглое надругательство над всем, что есть святого для души человеческой!

Перед этим как будто безнаказанным попиранием всего святого стоишь иногда растерянный, нравственно разбитый, недоумевающий: что же это такое? Как уживается в одном человеке крайний аскетизм и крайняя распущенность, внешнее благочестие и сознательное или бессознательное богохульство, полнейшее самоуничтожение и непомерное самообожание? И только слова Апостола о людях с сожженной совестью проливают страшный свет на этих воистину несчастнейших из несчастных людей!

Как среди истинных христиан есть натуры более простые и более сложные, так и среди уловленных сетями диавольскими есть натуры, понятные с первого раза, и натуры «более сложные», может быть, и сами-то себе не отдающие отчета, что они идут «путем погибельным». Когда встречаешь разных обманщиков и проходимцев, вроде всевозможных «братцев» и «старцев», сознательно играющих на болезненно-мистических струнах верующего люда, сулящих ему в разных сектах и толках полноту благ духовных, а на самом деле преследующих одну цель — обобрать его духовно и материально, «как липку», тогда понимаешь, с кем имеешь дело.

Будем бодрствовать над собой, будем следить за чистотой своего сердца, будем слушаться голоса Божьего в Его заповедях, творениях святых отцов, таких пастырей Церкви, как о. Иоанн. И чуткая

совесть сразу отличит истину от лжи, человека, живущего действительно во Христе, от человека, увлекаемого своей собственной страстью.

И в этот день памяти о. Иоанна хочется просить его именно о том, чтобы он, так болевший при жизни за своих чад духовных, не допустил никого из нас сбиться с правого пути, чтобы он провел нас невредимыми через все бури и искушения, через все подводные камни, какие встречаются на нашем пути в наши дни, чтобы он вдохнул в нас дух Христов, твердость в добре и святую ревность о безусловной чистоте нашей внутренней и внешней жизни.

«Христианин, — учит он нас с бессмертных страниц своего дневника».

Так убереги же святыми молитвами твоими, дорогой наш Батюшка, православный народ русский и каждого из нас от тех, кто вносит в нашу жизнь соблазн, грех и растление; молись и за них, чтобы обратились к Богу и Его Церкви раньше своего смертного часа, а нам дай ревность в исполнении Закона Христова и постоянную память слов апостольских: «Смотрите, как опасно ходите!»

Кронштадтский пастырь. 1916. № 50–52. С. 713–720.

ЖЕРТВА БОГУ

Над страницами дневника о. Иоанна всегда возникает целый рой светлых мыслей, отрадных упований, спокойных переживаний...

И вот одно из мест в этом дневнике, которое так близко должно быть в настоящие дни тому, чье сердце задето скорбью утрат, изранено и разбито.

«Да принесет всякий человек своего Исаака, своего единокровного, своего возлюбленного, своего обетованного в жертву Богу и да покажет Ему свою веру и свое послушание, да будет достоин даров Божиих, коими он пользовался или будет пользоваться».

Так пишет о. Иоанн. Мы знаем, что он учил дерзновенной молитве и сам молился в простоте сердца и с детским дерзновением,

как жена хананеянка, как сотник капернаумский. «Воистину, — говорил он, — я верую с сотником, что если буду просить как должно и о чем должно какого-либо святого: подай сие — и подаст; приди ко мне на помощь — и придет; сотвори сие — и сотворит».

Но, веруя так, и нас уча такой вере, о. Иоанн учил еще и другому: целый ряд страниц его дневника говорит нам, что надо не только с детской простотой открывать пред Господом свои желания, но надо и с полной покорностью предаваться и в волю Божию, принимая от Него посылаемые нам скорби, надо в жертву Господу отдавать самое дорогое для нас, «нашего Исаака, единокровного, возлюбленного», если этого требует Бог.

Не скрывает о. Иоанн, обо всем говоривший по внутреннему опыту, что «никогда так не трудно сказать от сердца: да будет, Отче, воля Твоя, как в сильной скорби или в тяжелой болезни... Но, — продолжает он, — когда растленной природе нашей трудно бывает признать над собой волю Божию, без коей ничто не бывает, и покориться ей со смирением, тогда-то пусть она и покорится ей, тогда пусть и принесет Господу свою драгоценнейшую жертву — преданность Ему сердечную не только в покое и счастье, но и в скорби и в несчастье; свое суетное, ошибочное мудрование да покорит Премудрости Божией совершенной, ибо как отстоит небо от земли, так отстоят помышления наши от мыслей Божиих»...

Как это надо помнить нам, именно в наше время, когда так часто искушается наша вера, искушается тем, что, по-видимому, не исполняется наша молитва.

Всякий, понесший невозвратимую утрату, потерявший в эти дни именно то, что для него было всего ценней и дороже, всякий, переживший момент такого искушения веры, знает, что ничего тяжелее и страшнее нельзя представить себе.

Бог не слышит молитвы! — какая это боль! Какая это мука! «Почеловечески», кажется, и не перенести этого; сердце разрывается, ум мутится, и не кажется ли нам, что в эти минуты нашей духовной Голгофы «оружие проходит нашу душу», и она или замирает

от боли, или изливается в вопле, напоминающем вопль Христа Спасителя: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты оставил Меня?»

Да, по-человечески невозможно перенести этого; но «невозможное человеку — возможно Богу», и вот те, которые, как отец Иоанн, имели богатый внутренний опыт, которые на себе испытали и силу огненных испытаний, и силу всепобеждающей и всеисцеляющей благодати Божией, как бы говорят нам: в эти минуты посещающей Вас скорби, не противьтесь Богу, смиритесь пред Ним, страдание, посылаемое Вам, примите охотно, как дар Божий, и в самой скорби откроется для Вас глубина милосердия и любви Христовой.

Много предлагается людям способов утолить свою скорбь, но на самом деле нет ни одного способа, который бы давал человеку «сердце новое», который бы наполнял его душу и в часы скорби лучами света, нет ни одного — кроме молитвы и Таинства Причащения. Больше, чем кто-либо, знал о. Иоанн, как Господь в этом Таинстве касается души человеческой и каким миром, какой радостью наполняет ее.

И вот сам он писал после пережитых минут скорби: «В самые скорбные, безотрадные минуты Господь с нами: “с ним есмь в скорби” (Пс. 90). А мы думаем, что нет, что Бог оставил нас. О, несказанная держава Бога над нашими сердцами! Мать не может совершенно привлечь нашего сердца в любовь свою, а Господь привлекает Своими Тайнами и молитвою». Так писал о. Иоанн.

Эти строки его дневника напоминают другую книгу, которая тоже должна бы быть известна всякому православному христианину, как неиссякаемый источник утешения именно в скорбях. Это — книга новопрославленного Святителя Иоанна Тобольского: «Илиотропион» или «Сообразование человеческой воли с Божественной Волею».

О ней нельзя рассказывать, ее надо прочитать, и тогда почувствуется ее сила... Она говорит о том, что вся жизнь наша должна быть жертвой Богу, вся должна быть проникнута любовью к Нему, и руководящим началом ее должна быть воля Божия.

«Эмблемой такого обращения нашего к Богу, — говорит святитель, — да послужит нам растение подсолнечник (илиотропион). Пусть он будет всегда пред очами нашими. О нем, как о некотором чуде, писал Плиний: “Мы многократно говорили, что подсолнечник представляет своего рода чудо в природе: это растение постоянно обращено головою своею к солнцу и вместе с ним обращается от востока до запада, даже во дни облачные, до того сильно любит оно солнце; ночью же, ради исключительной любви к одному солнцу, совокупляет оно свои цветочные лепестки воедино и закрывает их”». «Христианин-читатель, — говорит Святитель, — заметь это раз и навсегда, что подсолнечник и в мрачные дни совершает круговое течение, следуя за солнцем из неизменной любви к нему. Нашим солнцем, освящающим наш житейский путь, является воля Божия; она не всегда безоблачно освещает нам дорогу жизни; часто с ясными днями мешаются мрачные для нас дни: дожди, ветры, бури поднимаются, и никто из христиан не освобождается от подлечения космическим явлениям и тягостям перемен воздушных. Да будет же так сильна любовь наша к нашему Солнцу, воле Божией, чтобы мы, неразлучно с ней, могли и во дни невзгод и скорби, как подсолнечник во дни мрачные, продолжать безошибочно плавать по житейскому морю по указаниям компаса воли Божией, ведущей нас в безопасную пристань вечности!»

Это основная мысль всей книги, с которой трудно расстаться, когда берешь ее в руки.

«Кронштадтский пастырь».

1917. № 4. С. 52–54

Михаил Витальевич Шкаровский

Насельницы Иоанновского монастыря и Вауловского скита, за Христа пострадавшие

Издательский отдел Рыбинской епархии:

Редактор — Анна Романова.

Технический редактор — Ольга Смирнова.

Корректор — Анна Богданова.

Дата выхода в свет — ... 2019 года.

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Стратим-ПКП»:

г. Рыбинск, ул. 1-я Выборгская, д. 50.